

Рэйсбрукъ Удивительный

T $\frac{27}{280}$

$\frac{203}{316}$

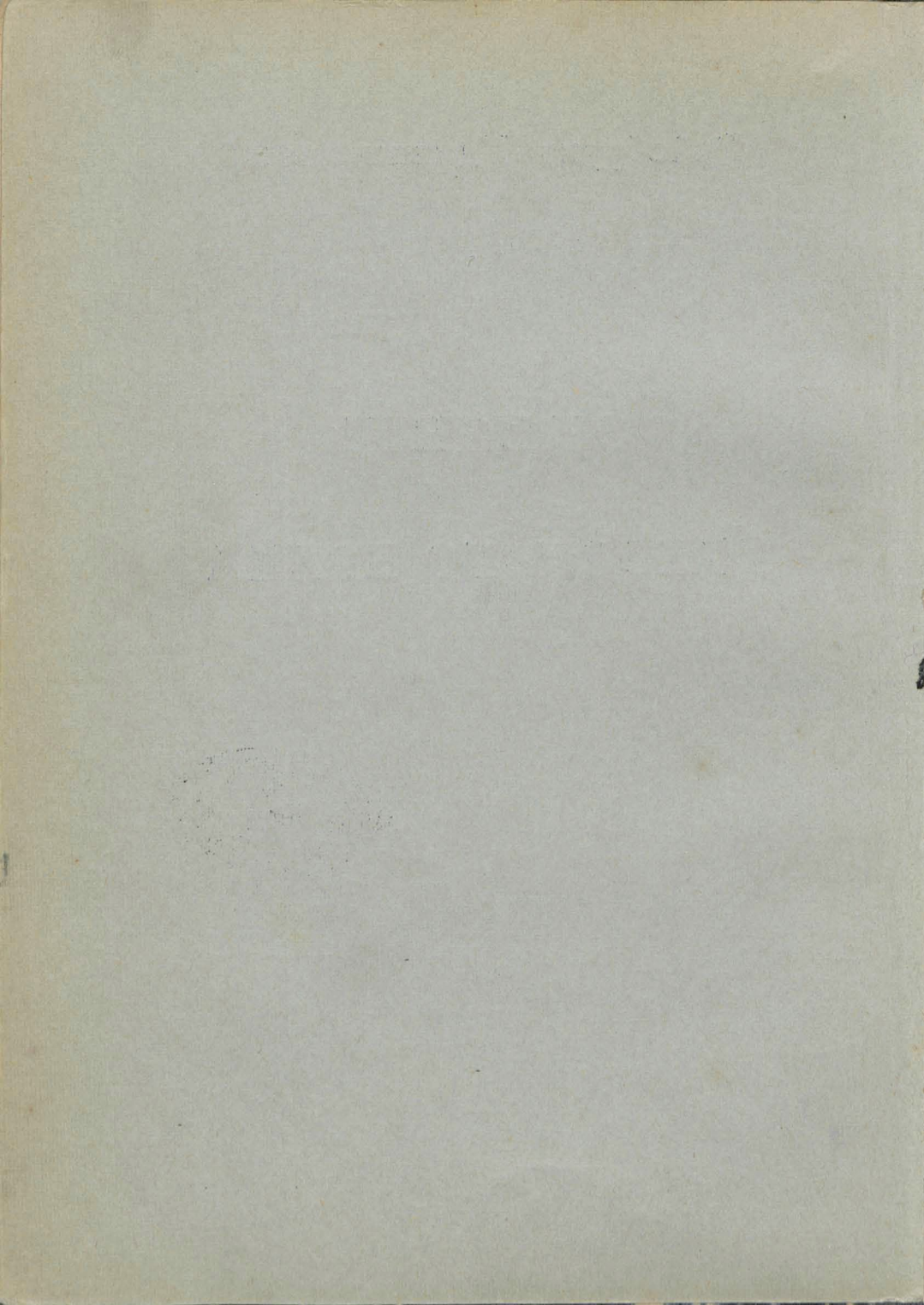
Изв. 1-я.

ОДЪЯНИЕ

ДУХОВНАГО БРАКА

№39431.

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА

X
41713

12-1-2012

T 97
280

301-88
4449-6

bez op' avb
op 1-81
8759

Рэйсбрукъ Удивительный.

203
318.

**ОДЪЯНІЕ
ДУХОВНАГО БРАКА.**

Этв. 1-2.

**Вступительная статья
Мориса Мэтерлинка.**

Переводъ
Михаила Сизова.

№ 39431.

Издание «Орфей».
Книгоиздательство «Мусагетъ».
Москва. 1910.

Эта книга переведена съ изданія:

L'ORNEMENT DES NOCES SPIRITUELLES, DE RUYSBROECK
L'ADMIRABLE, TRADUIT DU FLAMAND ET ACCOM-
PAGNÉ D'UNE INTRODUCTION PAR MAU-
RICE MAETERLINCK. NOUVELLE
ÉDITION. BRUXELLES.
PAUL LACOMBLEZ,
EDITEUR.
MCM.

P 48/62-40

2010516477

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
МОРИСА МЭТЕРЛИНКА.

I.

Многія произведенія болѣе правильно прекрасны, чѣмъ эта книга Рэйсбрука Удивительнаго. Многіе мистики оказываютъ болѣе сильное дѣйствіе и болѣе ко времени, въ ихъ числѣ Сведенборгъ и Новалисъ. Весьма возможно, что его писанія лишь рѣдко отвѣчаютъ современнымъ нуждамъ. Съ другой стороны, я знаю мало авторовъ болѣе неискусныхъ, чѣмъ онъ; порой онъ сбивается на странныя дѣтскости; и первыя двадцать главъ *Одѣянія духовнаго брака*, хотя онѣ и служатъ приготовленіемъ, быть можетъ, необходимымъ, заключаютъ почти только тепловатыя и благочестивыя общія мѣста. Съ внѣшней стороны у него нѣтъ никакого порядка, никакой схоластической логики. Онъ часто повторяется, и иногда кажется, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Онъ соединяетъ невѣдѣніе ребенка съ знаніемъ кого-то, кто вернулся отъ смерти. Онъ обладаетъ какимъ-то судорожно сведеннымъ синтаксисомъ, отъ котораго меня не разъ бросало въ потъ. Онъ вводитъ образъ и забываетъ его. Онъ употребляетъ даже извѣстное количество неосуществимыхъ образовъ; и это явленіе, неестественное въ произведеніи чистосердечномъ, можетъ быть объяснено только его неловкостью или необычайной поспѣшностью. Онъ не знаетъ большей части приемовъ

рѣчи и можетъ говорить только о несказанномъ. Ему неизвѣстны почти всѣ привычки, возможности и средства философской мысли, и онъ принужденъ думать только о немьслимомъ. Когда онъ говоритъ намъ о своемъ маленькомъ иноческомъ садикѣ, ему трудно рассказать удовлетворительно, что тамъ происходитъ; онъ пишетъ тогда, какъ ребенокъ. Онъ беретъ на себя, что происходитъ въ Богѣ, и пишетъ страницы, которыхъ Платонъ не могъ бы написать. Повсюду чудовищная несоразмѣрность между знаніемъ и невѣдѣніемъ, между силой и желаніемъ. Не надо ждать произведенія литературнаго; вы не увидите ничего, кромѣ судорожнаго полета опьяненнаго орла, слѣпago и окровавленнаго, надъ снѣжными вершинами. Прибавлю послѣднее слово въ видѣ братскаго предостереженія. Мнѣ случалось читать произведенія, которыя считаются очень темными: *Учениковъ въ Саусъ* и *Фрагменты* Новалиса, напримѣръ; *Biographia litteraria* и *Друга* Самуэля Тейлора Кольриджа; *Тимея* Платона; *Эннеады* Плотина; *О божественныхъ именахъ* св. Діонисія Ареопагита; *Аврору* великаго нѣмецкаго мистика Якова Бѣме, съ которымъ нашъ авторъ имѣетъ много общаго. Я не осмѣливаюсь утверждать, чтобы произведенія Рэйсбрука были темнѣе этихъ произведеній, но менѣе охотно прощаешь имъ ихъ темноту, потому что здѣсь дѣло идетъ о неизвѣстномъ, къ которому мы не имѣемъ довѣрія съ перваго шага. Мнѣ казалось необходимымъ честно преду-

предить праздныхъ прохожихъ на порогѣ этого храма безъ архитектуры, ибо этотъ переводъ былъ предпринятъ лишь съ цѣлью удовлетворить немногихъ платониковъ. Я думаю, что всѣ тѣ, которые не провели жизнь въ интимной близости съ Платономъ и неоплатониками Александріи, не подвинутся далеко въ этомъ чтеніи. Имъ покажется, что они вступили въ пустоту; у нихъ получится ощущеніе однообразнаго паденія въ бездонную пропасть между черными и гладкими скалами. Въ этой книгѣ нѣтъ ни обыкновеннаго воздуха, ни свѣта; это духовный приютъ, невыносимый для неподготовленныхъ. Не надо вступать туда изъ литературнаго любопытства; тамъ нѣтъ бездлушекъ, и собиратели образовъ найдутъ ихъ тамъ не болѣе, чѣмъ цвѣтовъ на полярныхъ льдахъ. Я говорю имъ, что это безграничная пустыня, гдѣ они умрутъ отъ жажды. Они найдутъ здѣсь весьма мало фразъ, которыя можно было бы подобрать, чтобы любоваться ими по обыкновенію литераторовъ; здѣсь струи огня или глыбы льда. Не отправляйтесь отыскивать розы въ Исландію. Возможно, что какой-нибудь вѣнчикъ ждетъ васъ между двумя льдинами, бьвають въ самомъ дѣлѣ и у Рэйсбрука странные взрывы, неизвѣстныя выраженія, неслыханныя сравненія, но они не вознаградятъ за время, потраченное на то, чтобы такъ издалека придти за ними. Прежде чѣмъ войти сюда, надо быть въ особомъ философскомъ состояніи, столь же отличномъ отъ обыкновеннаго, какъ состо-

яніе бодрствованія отличается отъ сна; и Порфирій въ своихъ *Исходныхъ точкахъ къ умопостигаемому* написалъ какъ бы самое подходящее предисловіе къ этому произведенію: «При посредствѣ разума высказываютъ многое о началѣ, которое выше разума. Но постиженіе этого начала гораздо легче при отсутствіи мысли, чѣмъ при ея посредствѣ. Съ этой идеей бываетъ то же, что съ идеей о снѣ, о которой до извѣстной степени можно говорить въ состояніи бодрствованія, но получить познаніе и воспріятіе которой можно только посредствомъ сна. Въ самомъ дѣлѣ, подобное познается только черезъ подобное, и условіемъ всякаго познанія служитъ то, чтобы субъектъ сталъ подобенъ объекту». Повторяю, весьма трудно понять это безъ приготовленія; и я думаю, что, несмотря на наши приготовительныя усилія, этотъ мистицизмъ покажется намъ въ значительной долѣ чисто теоретическимъ, и большая часть этихъ опытовъ сверхъестественной психологіи будетъ намъ доступна лишь какъ зрителямъ. Философское воображеніе есть способность, крайне медленно развиваемая. Здѣсь мы вдругъ оказываемся у предѣловъ человѣческой мысли и далеко по ту сторону полярнаго круга ума. Тутъ необыкновенно холодно; тутъ необыкновенно темно, а между тѣмъ, вы не найдете здѣсь ничего другаго, кромѣ языковъ пламени и свѣта. Но для тѣхъ, которые приходятъ, не приучивъ свою душу къ этимъ новымъ воспріятіямъ, этотъ свѣтъ и эти языки пламени такъ же темны и

такъ же холодны, какъ если бы они были нарисованы. Дѣло идетъ здѣсь о самой точной изъ наукъ. Здѣсь дѣло въ томъ, чтобы пройти мысы, самые суровые и необитаемые, божественнаго «Познай самого себя», и полночное солнце царить надъ зыбкимъ моремъ, гдѣ психологія человѣка смѣшивается съ психологіей Бога. Важно вспоминать объ этомъ непрестанно; дѣло идетъ здѣсь объ очень глубокой наукѣ, а не о снѣ. Сны не бываютъ единосложны, сны не имѣютъ корней, между тѣмъ какъ раскаленный цвѣтокъ божественной метафизики, распустившійся здѣсь, имѣетъ свои таинственные корни въ Персіи и въ Индіи, въ Египтѣ и въ Греціи. А между тѣмъ, онъ кажется безсознательнымъ, какъ цвѣтокъ, и не знаетъ о своихъ корняхъ. Къ несчастью, намъ почти невозможно поставить себя въ положеніе души, которая безъ усилій постигла эту науку; мы не можемъ воспринять ее *ab intra* и воспроизвести въ насъ самихъ. У насъ недостаетъ того, что Эмерсонъ назвалъ бы «центральной самопроизвольностью». Мы уже не можемъ превратить эти идеи въ нашу собственную сущность; и самое большее, что мы можемъ, — признать извнѣ эти чудесные опыты, доступные лишь очень небольшому числу душъ въ предѣлахъ существованія одной планетной системы. «Незаконно, — говоритъ Плотинъ, — справляться, откуда происходитъ это интуитивное знаніе, какъ если бы это было нѣчто, зависящее отъ мѣста и движенія, ибо это не приближается отсюда и не

исходитъ оттуда, чтобы направиться въ инныя мѣста; но это или является, или не является вовсе. Такъ что не надо слѣдовать за нимъ, въ намѣреніи открыть его тайные источники, но слѣдуетъ ждать въ безмолвіи, пока оно не засіяетъ внезапно надъ нами, приготовляясь къ священному зрѣлищу, какъ глазъ терпѣливо ждетъ восхода солнца». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Не при посредствѣ воображенія или разсужденія, которое само вынуждено извнѣ заимствовать свои начала, представляемъ мы себѣ умопостигаемое (то-есть то, что находится тамъ вверху): это возможно только при посредствѣ имѣющейся у насъ способности созерцать его;—способности, которая позволяетъ намъ говорить о немъ здѣсь. И такъ мы видимъ, пробуждая въ себѣ здѣсь ту же силу, которую мы должны пробудить въ себѣ, когда находимся въ мірѣ умопостигаемомъ. Мы подобны человѣку, который, влѣзши на вершину скалы, охватилъ бы взоромъ предметы невидимые для тѣхъ, которые не поднялись съ нимъ». Но, хотя всѣ существа, отъ камня и растенія до человѣка, не что иное, какъ созерцанія, это—созерцанія безсознательныя, и намъ весьма трудно найти въ себѣ какое-нибудь воспоминаніе о предшествующей дѣятельности этой умершей способности. Тутъ мы уподобляемся глазу въ неоплатоническомъ образѣ: «онъ удаляется отъ свѣта, чтобы видѣть мракъ, и вслѣдствіе этого не видитъ; ибо онъ не можетъ видѣть мрака при свѣтѣ и, однако, безъ

него онъ не видитъ; такимъ образомъ, не видя, онъ видитъ темноту, насколько по своей природѣ онъ способенъ ее видѣть».

Я знаю сужденіе, которое большая часть людей произнесутъ объ этой книгѣ. Они увидятъ въ ней произведеніе галлюцинирующаго монаха, угрюмаго отшельника и пустытника, опьяненнаго постомъ и снѣдаемаго лихорадкой. Они увидятъ въ ней мечту безумную и мрачную, пронизанную яркими молніями, и ничего больше. Таково обыкновенное мнѣніе, которое составляютъ себѣ о мистикахъ; и слишкомъ часто забываютъ, что полнота достовѣрности только въ нихъ. Сверхъ того, если вѣрно, какъ говорятъ, что всякій человѣкъ въ своихъ снахъ—Шекспиръ, слѣдовало бы спросить себя, не есть ли всякій человѣкъ въ своей жизни безотчетный мистикъ, тысячу разъ болѣе трансцендентальный, чѣмъ всѣ тѣ, которые ограничили себя словеснымъ выраженіемъ. Есть ли такой человѣческой поступокъ, котораго послѣдняя движущая сила не была бы мистической? И взоръ любовника или матери, напримѣръ, не въ тысячу ли разъ онъ темнѣе, непроницаемѣе и мистичнѣе, чѣмъ эта книга, бѣдная и объяснимая, въ концѣ концовъ, какъ всѣ книги, которыя всегда—только мертвыя тайны, горизонтъ которыхъ болѣе не раздвигается? Если мы не понимаемъ этого, то, можетъ быть, потому, что не понимаемъ болѣе ничего. Но, чтобы вернуться къ нашему автору,—нѣкоторые признаютъ безъ труда, что

этотъ монахъ, далекій отъ безумія, порождаемаго голодомъ, одиночествомъ и лихорадкой, обладалъ, наоборотъ, одной изъ наиболѣе мудрыхъ, точныхъ и тонкихъ философскихъ организацій, которыя когда-либо существовали. Онъ жилъ, скажутъ намъ, въ своей Грунендальской хижинѣ, посреди Суаньскаго лѣса. Это было въ началѣ одного изъ самыхъ дикихъ столѣтій средневѣковья: четырнадцатаго. Онъ не зналъ греческаго языка и, можетъ-быть, латинскаго. Онъ былъ одинокъ и бѣденъ. А между тѣмъ, въ глубинѣ этого темнаго брабантскаго лѣса душа его, неученая и простая, получаетъ, сама того не вѣдая, ослѣпительные отблески всѣхъ одинокихъ и таинственныхъ вершинъ челоѣческой мысли. Онъ знаетъ, не подозрѣвая того, платонизмъ Греціи; онъ знаетъ суфизмъ Персіи, браманизмъ Индіи и буддизмъ Тибета; и его удивительное невѣдѣніе отыскиваетъ мудрость вѣковъ погребенныхъ и провидитъ знаніе вѣковъ, еще не родившихся. Я могъ бы привести цѣлыя страницы изъ Платона, Плотина, Порфирія, изъ книгъ Зендскихъ, изъ гностиковъ и изъ Каббалы, почти божественная сущность которыхъ не-прикосновенно повторяется въ писаніяхъ скромнаго фламандскаго священника *). Встрѣчаются

---

*) Я дамъ здѣсь только одинъ примѣръ этого, элементарный въ двоякомъ значеніи слова. Рэйсбрукъ различаетъ три рода жизни: жизнь дѣятельную, жизнь внутреннюю и жизнь сверхъестественную. Гностики различаютъ духъ, душу и жизнь матеріальную и раздѣляютъ людей на три класса: пневматическихъ или духовныхъ, психическихъ или душевныхъ и гилическихъ

здѣсь странныя совпаденія и единогласія тревожащія. Болѣе того: временами кажется, что онъ въ точности имѣлъ въ виду большую часть своихъ невѣдомыхъ предшественниковъ; и подобно тому, какъ Плотинъ начинаетъ свое суровое странствіе съ того распутья, гдѣ устранимый Платонъ остановился и опустился на колѣни, можно сказать, что Рэйсбрукъ разбудилъ, послѣ многовѣкового покоя, если не извѣстный родъ мысли, ибо этотъ родъ мысли никогда не дремлетъ, то извѣстнаго рода слово, уснувшее на горахъ, гдѣ ослѣпленный Плотинъ его покинулъ, закрывая руками глаза, какъ передъ безмѣрнымъ пожаромъ.

Но организація ихъ мысли странно различна. Платонъ и Плотинъ, прежде всего,—князья діалектики. Они приходятъ къ мистицизму черезъ науку разсужденія. Они пользуются своей душой разсуждающей и какъ бы не довѣряютъ своей душѣ интуитивной или созерцательной. Ихъ разсужденіе созерцаетъ себя въ зеркалѣ разсужденія и старается оставаться равнодушнымъ къ вторженію всѣхъ другихъ отраженій. Оно продолжаетъ свое теченіе, какъ потокъ прѣсной воды среди моря, съ предчувствіемъ близкаго поглощенія. Здѣсь же мы находимъ

или матеріальныхъ. Плотинъ выдѣляетъ равнымъ образомъ въ душѣ: субъектъ познанія, душу разумную и животную природу. Зохаръ различаетъ духъ, душу и жизнь чувствъ; и въ обѣихъ системахъ, какъ и у Рэйсбрука, отношеніе трехъ началъ объясняется *исхожденіемъ*, уподобляемымъ *излученію*; потомъ теорія божественной встрѣчи: Богъ, приходящій въ насъ изнутри ковра, мы, идущіе къ Нему извнѣ во-внутрь, и т. д. См. также 5-ю Эннеаду, и т. д.

наоборотъ, привычки азіатской мысли; интуитивная душа царитъ одна надъ діалектическимъ очищеніемъ идей при посредствѣ словъ. Оковы мечты спали. Развѣ это менѣе вѣрно? Никто не сумѣлъ бы этого сказать. Зеркало человѣческаго разумѣнія совершенно неизвѣстно въ этой книгѣ, но существуетъ другое зеркало, болѣе темное и глубокое, которое мы таимъ въ самой сокровенной глубинѣ нашего существа; ни одна подробность не видна въ немъ явственно, и слова не могутъ держаться на его поверхности; мысль разбила бы его, если бы на мгновеніе отразила въ немъ свой грубый свѣтъ; но нѣчто другое показывается въ немъ по временамъ. Не душа ли это? не самъ ли Богъ? или Онъ и она вмѣстѣ? Этого никогда не узнаютъ; и, однако, эти почти невидимыя явленія—единственные дѣйствительные властители жизни наиболѣе невѣрующаго и слѣпота среди насъ. Здѣсь вы не увидите ничего иного, кромѣ неясныхъ отсвѣтовъ этого зеркала; и такъ какъ его сокровище неисчерпаемо, эти отсвѣты не похожи ни на одинъ изъ испытанныхъ нами въ насъ самихъ; и несмотря на все, ихъ достовѣрность кажется необычайной. И вотъ почему я не знаю ничего болѣе пугающаго, чѣмъ эта книга, написанная отъ добраго сердца. Нѣтъ въ мірѣ ни одного психологическаго понятія, метафизическаго опыта, мистическаго постиженія, которыхъ, какъ бы они ни были темны, глубоки и неожиданны, мы не могли бы, въ случаѣ надобности, воспроизвести и заставить прожить въ насъ

одно мгновѣніе, чтобы убѣдиться въ ихъ общечеловѣческой тожественности; но здѣсь мы уподобляемся ослѣпшему отцу, который не въ силахъ болѣе вспомнить лицъ своихъ дѣтей. Ни одна изъ этихъ мыслей не имѣетъ сыновняго или братскаго облика мысли земной; кажется, что мы потеряли опытъ о Богѣ, и, однако, все твердитъ намъ, что мы не вступили въ обитель сновъ. Слѣдуетъ ли восклицать вмѣстѣ съ Новалисомъ, что прошло время, когда духъ Божій былъ постижимъ, и что смыслъ міра навсегда утерянъ? Что нѣкогда все было явленіемъ духа, но что теперь мы улавливаемъ только мертвыя отраженія, которыхъ не понимаемъ больше, и что мы живемъ исключительно плодами лучшихъ временъ?

Мнѣ кажется, нужно смиренно сознаться, что ключъ отъ этой книги не находится на обычныхъ путяхъ человѣческаго духа. Этотъ ключъ не предназначенъ для земныхъ дверей, и заслужить его нужно, удаляясь насколько возможно отъ земли. Единственный путеводитель встрѣчается еще на этихъ уединенныхъ распустьяхъ и можетъ намъ дать послѣднія указанія на пути къ этимъ таинственнымъ островамъ огня и этимъ Исландіямъ абстракціи и любви; это Плотинъ, старавшійся при посредствѣ человѣческаго разумѣнія анализировать царящую здѣсь божественную силу. Онъ испыталъ то, что мы называемъ ничего не выражающимъ словомъ, — тѣ самые экстазы, которые, въ сущности, не что иное, какъ начало полного раскрытія нашего существа; и среди ихъ смя-

теній и потемокъ онъ ни на минуту не закрывалъ вопрошающаго глаза психолога, который стремится дать себѣ отчетъ въ самыхъ необыкновенныхъ явленіяхъ своей души. Онъ представляетъ, такимъ образомъ, послѣдній выступъ, откуда мы могли бы обозрѣть волны и горизонтъ этого темнаго моря. Онъ усиливается продолжить стези обыкновеннаго разумѣнія до самаго сердца этихъ опустошенностей, и вотъ почему къ нему надо возвращаться безпрестанно, ибо онъ единственный мистикъ аналитическій. Тѣмъ, которыхъ привлекали бы эти необычныя попытки, я предлагаю здѣсь одну изъ страницъ, гдѣ онъ старался объяснить организацію этой божественной способности внутренняго зрѣнія.

«Въ состояніи разумной интуиціи, — говоритъ онъ, — умъ видитъ умопостигаемые предметы при посредствѣ свѣта, который на нихъ проливаетъ Первоединый, и, видя эти предметы, онъ реально видитъ умопостигаемый свѣтъ. Но, оставивъ свое вниманіе на освѣщенныхъ предметахъ, онъ недостаточно ясно видитъ начало, озаряющее ихъ; если же, наоборотъ, онъ забываетъ о видимыхъ имъ предметахъ, чтобы созерцать только сіяніе, дѣлающее ихъ видимыми, онъ видитъ самый свѣтъ и начало свѣта. Но умъ созерцаетъ этотъ умопостигаемый свѣтъ не внѣ себя. Онъ уподобляется поэтому глазу, который иной разъ и самъ не воспринимаетъ внѣшняго и чуждаго свѣта, но, независимо отъ него, внезапно поражается свойственнымъ ему самому сіяніемъ, или лучомъ, брыз-

жушимъ изъ него самого и являющимся ему среди мрака; точно такъ же бываетъ, когда глазъ, чтобы не видѣть другіе предметы, смыкаетъ свои вѣки и извлекаетъ изъ себя самого свой свѣтъ или, подъ давленіемъ руки, замѣчаетъ свѣтъ, находящійся въ немъ. Тогда, не видя ничего внѣшняго, онъ видитъ; онъ видитъ даже больше, чѣмъ во всякое другое мгновеніе; ибо онъ видитъ свѣтъ, а другіе предметы, которые онъ видѣлъ раньше, хотя и были свѣтящимися, не были самимъ свѣтомъ. Точно такъ же, когда умъ какъ бы закрывается отъ всего остального и сосредоточится въ себѣ самомъ, не видя ничего, онъ увидитъ не чуждый свѣтъ, блистающій на чуждыхъ формахъ, но свой собственный свѣтъ, который вдругъ засіяетъ внутренно чистымъ свѣтомъ» *).

«Нужно,—говоритъ онъ намъ еще,—чтобы душа, изучающая Бога, образовала себѣ о немъ какую-либо идею, ища постигнуть Его; затѣмъ нужно, чтобы, зная, какъ велико то, съ чѣмъ она хочетъ соединиться, и убѣжденная, что она найдетъ блаженство въ этомъ соединеніи, она погрузилась въ глубины божества, пока, вмѣсто того чтобы созерцать себя и умопостигаемый міръ, она сама не сдѣлается объектомъ созерцанія и не заблеститъ сіяніемъ идей, источникъ которыхъ вверху».

Это почти все, что человѣческая мудрость можетъ намъ здѣсь сказать; это почти все, что князь трансцендентальныхъ метафизикъ могъ выразить; что же касается другихъ объясненій,

---

*) Плотинъ. 5-я Эннеада. Книга V.

то необходимо, чтобы мы ихъ нашли въ насъ самихъ, въ глубинахъ, гдѣ всякое объясненіе уничтожается самымъ своимъ выраженіемъ. Ибо не только на небѣ и на землѣ, но, главнымъ образомъ, въ насъ самихъ заключается больше содержанія, чѣмъ могутъ вмѣстить всѣ философіи, и лишь только мы перестаемъ быть обязанными формулировать то, что есть въ насъ таинственнаго, какъ мы становимся болѣе глубокими, чѣмъ все, что было написано, и болѣе великими, чѣмъ все существующее.

Теперь, если я перевелъ это, то единственно потому что я вѣрю, что писанія мистиковъ представляютъ самые чистые алмазы въ великой сокровищницѣ человѣчества; хотя, быть-можетъ, переводъ и бесполезенъ, ибо опытъ, повидимому, показываетъ намъ, что довольно мало имѣетъ значенія, совершается ли таинство воплощенія мысли въ свѣтъ или въ темнотѣ; достаточно, чтобы оно совершилось. Но, какъ бы то ни было, истины мистическія имѣютъ надъ истинами обыкновенными странное преимущество: онѣ не могутъ ни состариться, ни умереть. Нѣтъ такой истины, которая бы въ одно прекрасное утро не сошла въ нашъ міръ, восхитительная по силѣ и юности и покрытая свѣжей и чудесной росой, свойственной тому, что не было еще высказано; огляните сегодня больницы человѣческой души, куда истины ежедневно приходятъ умирать, вы тамъ никогда не найдете ни одной мысли мистической. Онѣ обладаютъ преимуществомъ ангеловъ Сведенборга, непрестанно приближающихся къ веснѣ своей юно-

сти, такъ что ангелы самые старыя кажутся самыми молодыми; и приходятъ ли онѣ изъ Индіи, изъ Греціи или съ сѣвера, онѣ не имѣютъ ни родины, ни дня рожденія, и всюду, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ, онѣ кажутся неподвижными и дѣйствительными, какъ самъ Богъ. Произведенія старятся лишь по мѣрѣ своей антимиристичности; и вотъ почему эта книга не носитъ отпечатка времени. Я знаю, что она сверхъестественно темна, но думаю, что искренній и чистосердечный писатель никогда не бываетъ темень въ вѣчномъ значеніи этого слова, ибо онъ всегда понимаетъ себя самъ и понимаетъ безконечно дальше того, что говоритъ. Только искусственныя идеи восходятъ въ дѣйствительный мракъ и процвѣтаютъ лишь въ эпохи литературныя и при неискренности вѣковъ слишкомъ сознательныхъ, когда мысль писателя остается по сю сторону того, что онъ выражаетъ. Тамъ—это была плодотворная тѣнь лѣса, а здѣсь—мракъ склепа, гдѣ растутъ только темныя паразиты. Надо имѣть также въ виду тотъ невѣдомый міръ, который приходилось освѣщать Рэйсбруку сквозь двойныя и скудныя роговыя окна словъ и мыслей. Слова, какъ кто-то замѣтилъ, были изобрѣтены для повседневнаго житейскаго употребленія, и они бываютъ несчастны, безпокойны и изумлены, какъ бродяги у трона, когда время отъ времени чья-либо царственная душа ведетъ ихъ въ инныя области. И, съ другой стороны, бываетъ ли когда-нибудь мысль точнымъ образомъ того невѣдомаго, что ее породило, и не видимъ ли мы на ней всегда тѣнь борьбы, подобной борьбѣ

Такова съ ангеломъ и смутной, сообразно различію размѣровъ души и ангела? «Горе намъ, — говоритъ Карлейль, — если мы носимъ въ себѣ лишь то, что можемъ выразить и показать!» Я знаю, что на этихъ страницахъ бываетъ тѣнь, брошенная предметами, о которыхъ не помнимъ, чтобы когда-либо ихъ видѣли, на объясненіи смысла которыхъ монахъ не останавливается, и которые мы узнаемъ, лишь когда увидимъ самые предметы по ту сторону жизни; но, до тѣхъ поръ, это насъ заставило взглянуть въ даль, и это уже много. Я знаю еще, что инья изъ его фразъ плаваютъ, подобно прозрачнымъ льдинамъ, на безцвѣтномъ морѣ молчанія; но онѣ существуютъ; онѣ отдѣлены отъ водъ, и этого достаточно. Я знаю, наконецъ, что странныя растенія, которыя онъ взращивалъ на вершинахъ духа, окружены особенными облаками. Но эти облака оскорбляютъ только тѣхъ, которые смотрятъ снизу, и если имѣтъ мужество подняться, то ясно, что они представляютъ самую атмосферу этихъ растеній и единственную, въ которой тѣ могли расцвѣсть подъ защитой отъ небытія. Ибо это столь нѣжная растительность, что едва различается отъ того безмолвія, изъ котораго почерпнула свои соки, и въ которое она, повидимому, склонна раствориться обратно. Все это произведеніе, впрочемъ, похоже на увеличительное стекло, направленное на тьму и молчаніе; и иногда нельзя бываетъ различить непосредственно края идей, которыя тамъ еще плаваютъ. То, что временами просвѣчиваетъ, есть невидимое, и нужно, очевидно, нѣкоторое

вниманіе, чтобы подстергать его возвращенія. Эта книга не слишкомъ далека отъ насъ; можно думать, что она въ самомъ центрѣ нашей человѣчности; но это мы слишкомъ далеки отъ этой книги; и если она намъ кажется угнетающей, какъ пустыня, и если безотрадность божественной любви кажется въ ней ужасающей и жажда вершинъ невыносимой, то не книга слишкомъ стара, а мы, быть можетъ, слишкомъ дряхлы и печальны и несмѣлы, какъ старики вокругъ ребенка; и правъ, пожалуй, въ противоположность намъ, другой мистикъ, Плотинъ, великій мистикъ языческій, когда онъ говоритъ жалующимся на то, что они ничего не видятъ на высотахъ самоуглубленія. «Надо прежде всего сдѣлать органъ зрѣнія соответственнымъ и подобнымъ предмету, который онъ долженъ созерцать. Никогда глазъ не увидѣлъ бы солнца, если бы прежде не принялъ форму солнца; точно также душа не сможетъ увидѣть красоту, если сначала она сама не сдѣлается прекрасной, и каждый человѣкъ долженъ начать съ того, чтобы самому сдѣлаться прекраснымъ и божественнымъ, чтобы достигъ созерцанія и божества».

II.

Жизнь Яна Ванъ Рэйсбрука, какъ и большей части великихъ мыслителей этого міра, всецѣло внутренняя; и онъ самъ сказалъ: «мнѣ нечего дѣлать во внѣшнемъ». Почти всѣ его біографы, Суріусъ въ ихъ числѣ, писали почти два вѣка спустя послѣ его смерти, и написан-

ное ими кажется довольно легендарнымъ. Мы видимъ здѣсь святого отшельника, молчаливаго, неученаго, необычайно смиреннаго, необычайно добраго и живущаго, самъ того не зная, въ привычкѣ къ чудесамъ. Деревья, подъ которыми онъ обыкновенно молился Богу, окружались сіяніемъ; колокола одного голландскаго монастыря звонили сами собой въ день его смерти, и его тѣло, вырытое черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ оно было покинуто душою, было найдено нетронутымъ, среди удивительныхъ благоуханій, которыя исцѣляли больныхъ, привезенныхъ изъ сосѣднихъ деревень. Вотъ въ нѣсколькихъ строчкахъ то, что исторически вѣрно. Онъ родился въ 1274 году въ Рэйсбрукѣ, маленькой деревнѣ между Галемъ и Брюсселемъ. Вначалѣ онъ былъ викаріемъ въ церкви святой Гудулы; потомъ, по совѣтамъ отшельника Ламберта, онъ оставляетъ брабантскій городъ и удаляется въ Грунендаль (Зеленую Долину), въ Суаньскомъ лѣсу, въ окрестностяхъ Брюсселя.

Скоро къ нему присоединяются святыя товарищи, и онъ основываетъ съ ними Грунендальское аббатство, развалины котораго видны еще теперь. Въ это убѣжище, привлеченные необычной славой его теософіи и его сверхчеловѣческихъ видѣній, приходятъ изъ Германіи и Голландіи посѣтить смиреннаго старца пилигримы, среди нихъ доминиканецъ Іоаннъ Таулеръ и Жерардъ Великій, и возвращаются оттуда полны восхищенія, о которомъ они намъ оставили память въ своихъ сочиненіяхъ.

Онъ умеръ, по *Necrologium Monasterii viridis vallis*, 2-го декабря 1381 года; и современники прозвали его У д и в и т е л ь н ы м ъ. Это былъ тогда вѣкъ мистиковъ и періодъ мрачныхъ войнъ въ Брабантѣ и Фландріи, неистовыхъ ночей крови и молитвъ, подъ дикимъ управленіемъ трехъ Иоанновъ, и долгихъ битвъ, даже въ этомъ лѣсу, гдѣ преклоняли колѣна святыя. Святой Бонавентура и святой Тома Аквинскій только-что умерли, Тома Кемпійскій готовился изучать Бога въ томъ зеркалѣ безусловнаго, которое просвѣтленный фламандецъ оставилъ въ глубинѣ Зеленой Долины, между тѣмъ какъ Иоаннъ изъ Брюгге, братья Ванъ Эйки, Рожеръ Ванъ деръ Вейденъ, Гуго Ванъ деръ Гусъ, Тьерри Боутсъ и Гансъ Мемлингъ должны были населить образами пустынное слово отшельника.

Вотъ перечень отдѣльныхъ книгъ огромнаго труда Рэйсбрука; это: *Книга двѣнадцати бегиннокъ*, *Зеркало вѣчнаго спасенія*, *Книга духовной скинии*, *Сверкающій камень*, *Книга высшей истины*, *Книга семи ступеней духовной любви*, *Книга семи замковъ*, *Книга царства возлюбленныхъ*, *Книга четырехъ искушений*, *Книга двѣнадцати добродѣтелей*, *Книга христіанской вѣры и Одпяніе духовнаго брака*, наконецъ, еще семь писемъ, два гимна и одна молитва, подъ такими заглавіями у Суриуса: *Epistolae septem utiles*, *Cantiones duae admodum spirituales* и *Oratio perbrevis sed pia valde*, оригинальные тексты которыхъ я не могъ отыскать ни въ одной изъ фламандскихъ рукописей.

Большая часть этихъ писаній была издана съ величайшей тщательностью нѣсколько лѣтъ тому назадъ обществомъ фламандскихъ библюфиловъ: De Maetschappij der Vlaemsche Bibliophilen; и по превосходному тексту этого изданія была сдѣлана большая часть этого перевода.

Я не буду предпринимать здѣсь анализа этихъ разнообразныхъ произведеній; такой анализъ былъ бы труденъ, однообразенъ и бесполезенъ. Всѣ книги нашего автора говорятъ исключительно объ одной и той же наукѣ; теософія, свойственная Рэйсбруку, кропотливое изученіе обращенія во-внутрь и внутренняго созерцанія души, созерцаніе Бога выше образовъ и подобій, и драма божественной любви на необитаемыхъ вершинахъ духа. Я удовольствуюсь только тѣмъ, что дамъ нѣсколько характерныхъ извлеченій изъ каждаго изъ этихъ писаній.

Книга двѣнадцати бегиннокъ, озаглавленная въ латинскомъ переводѣ Суріуса: De vera contemplatione, opus praeclarum, variis divinis institutionibus, eo quo Spiritus sanctus suggestit ordine descriptis, exuberans. Это заглавіе болѣе точно приложимо къ произведенію, но не находится ни въ одной изъ первоначальныхъ рукописей. Правду сказать, слѣдуя обыкновенію своего времени, Рэйсбрукъ почти не озаглавливалъ своихъ сочиненій; и заглавія, отличающія ихъ, вѣроятно, были вставлены переписчиками, какъ и названія главъ на поляхъ. Въ изданіи Maetschappij der Vlaemsche Bibliophilen, были соединены, подъ заглавіемъ *Dat boec van den twaelf beghinen*, прежде всего этотъ трактатъ о созер-

цательной жизни, о которомъ говоритъ Суріусъ, затѣмъ родъ руководства по символической астрологiи и, наконецъ, нѣсколько размышлений о страданiяхъ и смерти Иисуса Христа. Эти три произведенiя достаточно ясно раздѣлены, и Рэйсбрукъ очевидно обозначаетъ мѣсто, гдѣ онъ отказывается отъ внутренней вселенной, чтобы спуститься къ видимому небу, когда онъ объявляетъ въ концѣ 31-ой главы: «И послѣ этого, я оставляю созерцательную жизнь, которая есть самъ Богъ, и которую Онъ даруетъ отказавшимся отъ себя и послѣдовавшимъ за Его духомъ туда, гдѣ Онъ наслаждается собой въ своихъ избранныхъ, въ вѣчной славѣ».

Восемь первыхъ главъ этой книги написаны необычными и очень красивыми стихами, въ которыхъ черезъ подобiя, какъ черезъ окна охваченнаго пожаромъ монастыря, непрерывно проходятъ пылающіе языки духовнаго огня, а также оцѣпенѣлыя печали, немного напоминающія печали Вильона или Верлэна, на черномъ фонѣ сущностной любви.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ стиховъ:

Созерцаніе есть знаніе безъ вида,
 Которое всегда остается выше разума.
 Оно не можетъ нисходить въ разумъ,
 И разумъ не можетъ подняться надъ нимъ.
 Отсутствіе озареннаго вида есть прекрасное зеркало,
 Гдѣ отражается вѣчное великолѣпіе Бога.
 Отсутствіе вида внѣ всякаго образа,
 И всѣ дѣла разума тамъ изнемогають.
 Отсутствіе вида не есть Богъ,
 Но оно есть свѣтъ, позволяющій видѣть.

Тѣ, кто вращаются въ отсутствіи вида,
 Въ божественномъ свѣтѣ,
 Видятъ въ себѣ обширность.
 Отсутствие вида выше разума,
 Но не безъ разума.
 Оно видитъ всякую вещь безъ удивленія.
 Удивленіе ниже его,
 Созерцательная жизнь вѣ удивленія.
 Отсутствие вида видитъ, но не знаетъ что.
 Оно выше всего, и оно—ни это, ни то.

Затѣмъ поэтъ, замѣчая, что эти стихи становятся слишкомъ темными при приближеніи къ вѣчному знанію, говоритъ намъ неожиданно и весьма просто:

Теперь я долженъ оставить стихосложеніе,
 Чтобы говорить ясно о созерцаніи.

Начиная отсюда, онъ употребляетъ странную прозу, черную, какъ различаемая имъ, пугающая пустота, подобную великимъ стужамъ, царящимъ выше образовъ, съ голубѣющими изверженіями сквозь темные льды абстракціи. И когда онъ спускается на мгновеніе до подобій, онъ прикасается только къ самымъ отдаленнымъ, самымъ тонкимъ и самымъ неизвѣданнымъ; онъ любитъ также зеркала, отраженія, кристалль, источники, зажигательныя стекла, водяныя растенія, драгоценныя камни, рдѣющее желѣзо, голодъ, жажду, огонь, рыбъ, звѣзды и все, что ему помогаетъ одарять свои идеи формами видимыми и распростертыми передъ любовью, на прозрачныхъ вершинахъ души, и закрѣпляютъ неслыханное, спокойно открываемое имъ. Дальше говорить объ этомъ,

впрочемъ, бесполезно, такъ какъ вамъ предстоитъ сейчасъ достигнуть порога этого духовнаго брака, и вы будете смотрѣть оттуда въ неподвижную бурю радости, даже до вѣчнаго сердца Бога. Въ сущности, онъ одинъ только прозрѣлъ приблизительно мысль послѣ смерти и показалъ тѣнь ея будущихъ произрастаній среди непостижимаго изліянія Святой Троицы. Я думаю, что это—произведеніе, о которомъ мы будемъ помнить въ иномъ мѣстѣ, можетъ быть, и всегда. Вы увидите также, что самыя удивительныя откровенія святой Терезы не различаются уже съ высоты тѣхъ ледниковъ безъ воздуха и безъ свѣта, куда мы поднимаемся съ нимъ, «по ту сторону удивленія и волненія, выше разума и добродѣтелей», въ черную симфонію созерцанія. Вотъ одно мѣсто изъ этой книги:

«Послѣ этого наступаетъ другой видъ созерцанія.

«Тѣ, которые возвысились въ простую чистоту своего духа любовью и почитаніемъ, приносимыми ими Богу, держатся въ Его присутствіи, въ обнаженномъ и раскрытомъ видѣніи. И отъ блеска Отца излучается простой свѣтъ, на явленіе мысли голой и безъ образовъ, поднявшейся выше чувствъ, выше образовъ, выше разума и безъ разума, въ возвышенную чистоту духа.

«Этотъ свѣтъ не есть Богъ, но посредство между видящей мыслью и Богомъ. Онъ называется блистаніемъ Бога или духомъ Отца. Въ немъ Богъ являетъ себя просто, не по раз-

личію и виду своихъ лицъ, но въ обнаженности своей природы и своей сущности; и въ немъ также говоритъ духъ Отца въ возвышенной мысли, голой и безъ образовъ: «Созерцайте меня, какъ я созерцаю васъ». Въ это самое время раскрывается чистосердечіе простыхъ глазъ, подъ потокомъ простого сіянія Отца, и они видятъ блескъ Отца, то-есть сущность и природу Бога въ простомъ видѣніи, выше разума и безъ различенія.

«Это сіяніе и это явленіе Бога даютъ созерцающему духу дѣйствительное знаніе видѣнія Бога, какимъ только оно можетъ быть видимо въ этомъ смертномъ состояніи. Чтобы вы лучше меня поняли, я дамъ вамъ чувственный образъ этого. Когда вы находитесь въ ослѣпительномъ сіяніи солнца и когда вы отвращаете глаза отъ всякаго цвѣта, отъ всего, что останавливаетъ вниманіе, отъ всякаго различія и отъ всѣхъ предметовъ, освѣщенныхъ солнцемъ, если вы тогда слѣдите взглядомъ, просто за сіяніемъ и за лучами, истекающими отъ солнца, вы будете приведены въ самое существо солнца; и, подобно этому, если вы слѣдуете за ослѣпительными лучами, истекающими отъ блеска Бога въ вашемъ простомъ видѣніи, они приведутъ васъ въ источникъ вашего творенія и тамъ вы не найдете ничего, кромѣ одного только Бога».

Я перехожу теперь ко второму изъ перечисленныхъ выше произведеній. *Зеркало вѣчнаго спасенія* (Die spiegel der ewiger salicheit), какъ всѣ писанія мистика, есть изслѣдованіе ра-

достей обращенія внутрь или возвращенія человека въ себя до соприкосновенія съ Богомъ; оно было послано удивительнымъ ученымъ и выдающимся созерцателемъ Зеленой Долины «дорогой сестрѣ Маргаритѣ Ванъ Меербеке, изъ монастыря Клариссъ въ Брюсселѣ, въ годъ отъ Рождества Христова 1356». Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ произведеніе озаглавлено: «*Книга Таинствъ*», и это, дѣйствительно,—поэма евхаристической любви, выше чувственныхъ образовъ и среди ослѣпляющихъ эманацийъ Бога, гдѣ душа какъ бы стряхиваетъ цвѣточную пыль своей сущности и вѣчное предвидѣніе. Чтобы нѣсколько реализовать, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, эти ужасы любви, былъ нуженъ языкъ, который обладалъ бы всемогуществомъ, присущимъ языкамъ почти незапамятнымъ. Но фламандецъ имъ обладаетъ, и возможно, что многія изъ его выраженій содержатъ въ себѣ еще образы ледниковыхъ эпохъ. Къ его услугамъ былъ одинъ изъ видовъ языка почти первобытнаго, гдѣ слова, дѣйствительно—свѣтильники позади идей, между тѣмъ какъ у насъ идеи должны освѣщать слова; я весьма склоненъ также полагать, что всякій языкъ всегда мыслить больше, чѣмъ человекъ, даже гениальный, который его употребляетъ и который только—его мгновенное сердце; и что только благодаря этому языку, такой таинственный невѣжда, какъ Рэйсбрукъ, собирая, послѣ столькихъ вѣковъ, въ молитвахъ его разсѣяныя силы, могъ написать произведенія, которыя едва соотвѣтствуютъ нашимъ теперешнимъ чувствамъ.

Я перевожу изъ этой книги слѣдующій отрывокъ:

«Смотрите, здѣсь должны отступить нашъ разумъ и всѣ отдѣльныя дѣйствія, ибо наши силы становятся простыми въ любви и умоляютъ и склоняются въ явленіи Отца; ибо обнаруженіе Отца поднимаетъ душу выше разума, въ обнаженность безъ образовъ; тамъ душа проста, чиста и праздна отъ всего, и въ этой чистой пустотѣ Отецъ являетъ свое божественное сіяніе. Въ это сіяніе не могутъ войти ни разумъ и чувства, ни наблюденіе и различеніе,—все это должно остаться ниже него, ибо это безмѣрное сіяніе ослѣпляетъ духовные глаза, такъ что они принуждены мигать передъ непостижимымъ свѣтомъ. Но простой глазъ, выше разума и въ глубинѣ разумнѣя, всегда открытъ, и разсматриваетъ и созерцаетъ въ голомъ видѣніи этотъ свѣтъ при посредствѣ самого этого свѣта. Тамъ—глазъ противъ глаза, зеркало противъ зеркала, образъ противъ образа. Этими тремя вещами мы подобны Богу и соединены съ нимъ. Ибо это видѣніе въ нашемъ простомъ глазу есть живое зеркало, которое Богъ сдѣлалъ по своему образу. Его образъ есть Его божественное сіяніе. Онъ преизобильно наполнилъ имъ зеркало нашей души, такъ что никакое другое сіяніе и никакой другой образъ не могутъ войти въ него. Но это сіяніе не есть посредство между Богомъ и нами, ибо оно есть то самое, что мы видимъ, а также свѣтъ, при помощи котораго мы видимъ, но не глазъ нашъ, который видитъ. Ибо,

хотя образъ Бога и пребываетъ безъ посредства въ зеркалѣ нашей души и соединенъ съ нимъ, этотъ образъ, однако, не есть зеркало, ибо Богъ не становится тварью. Но согласіе образа въ зеркалѣ такъ велико и благородно, что душа названа зеркаломъ Бога.

«Затѣмъ, этотъ самый образъ Бога, который мы получили и который мы носимъ въ своей душѣ, есть Сынъ Божій, и вѣчное зеркало премудрости Бога, въ которомъ мы всѣ живемъ и вѣчно отражены. Однако, сами мы не премудрость Бога, иначе мы бы сами себя создали, что невозможно и есть еретическое предположеніе. Ибо все, чѣмъ мы являемся и что мы имѣемъ, мы имѣемъ отъ Бога, но не отъ себя самихъ. И хотя эта высота необъятна для нашей души, она, тѣмъ не менѣе, сокрыта для грѣшниковъ, а также и для многихъ праведниковъ. И все, что мы можемъ знать въ свѣтѣ природы, неполно и безъ вкуса и безъ душевнаго волненія, ибо мы не можемъ ни созерцать Бога, ни обрѣсть Его царства въ нашей душѣ, безъ Его помощи и Его благодати, и безъ нашихъ истинныхъ дѣланій въ Его любви».

Книга духовной Скинни (Dat boec van den Gheesteleken Tabernacule). In Tabernaculum Mosis, et ad id pertinentia commentaria, ubi multa etiam Exodi, Levitici, Numerorum mysteria, divino spiritu explicantur, говоритъ Суріусъ, самый длинный трудъ отшельника, есть странное, наивное и произвольное толкованіе символовъ Ковчега Завета и жертвоприношеній древняго закона. Я дамъ довольно обильныя извлеченія изъ этого

творенія, ибо оно являетъ занимательное и братское лицо его фламандской души; прилежаніе и тонкость артиста, которыя онъ прилагаетъ при расцвѣчиваніи своихъ эмблемъ, какъ и забавное и простодушное удовольствіе, находящее имъ въ иныхъ эффектахъ красокъ и образовъ, приводятъ временами на память его удивительныхъ современниковъ, старинныхъ мечтательныхъ художниковъ кельнской школы: Мастера Вильгельма, Лохнера и удивительную группу безымянныхъ мечтателей, закрѣплявшихъ вдали отъ него почти сверхъестественные отсвѣты духовныхъ блаженствъ этого и слѣдовавшаго за нимъ вѣковъ, протекшихъ такъ близко къ Богу и такъ далеко отъ земли.

Вотъ что онъ говоритъ по поводу приношенія бѣдныхъ въ еврейскомъ законѣ:

«И они (голуби) будутъ держаться близко отъ ручьевъ и надъ свѣтлыми водами, чтобы, если явится какая-нибудь птица сверху, которая могла бы ихъ схватить или сдѣлать имъ зло, они могли бы узнать ее по ея изображенію въ водѣ и бѣречься ея. Свѣтлая вода, это— Священное Писаніе, жизнь святыхъ и милосердіе Бога. Мы будемъ смотрѣться въ ихъ зеркало, когда будемъ искушаемы, и такъ никто не сможетъ намъ повредить. Эти голуби пылкой природы, и отъ нихъ часто рождаются молодые голуби, ибо каждый разъ какъ, въ честь Бога и для нашего блаженства, мы разсматриваемъ грѣхъ съ ненавистью и презрѣніемъ, а добродѣтель съ любовью, мы производимъ на свѣтъ молодыхъ голубей, то-есть новыхъ добродѣтели».

Здѣсь онъ изображаетъ, при помощи этихъ же самыхъ голубей, жертвоприношеніе святого Павла:

«И нашъ Господь отвѣтилъ, что Его благодати должно было быть для него достаточно, ибо добродѣтель совершается въ болѣзни искушеній. Когда онъ постигъ это, онъ принесъ двухъ этихъ голубей въ руки нашего Господа. Ибо онъ оставилъ думать о себѣ самомъ и добровольно сдѣлался бѣднымъ и преклонилъ шею своихъ голубей (это были его желанія) въ руки Господа нашего Иисуса Христа и святой Церкви. И Христосъ преломилъ шею голубямъ и крылья, и онъ тогда сталъ безсиленъ желать или взлетать въ какомъ-либо другомъ выборѣ, чѣмъ тотъ, какого хотѣлъ Богъ. И тогда Христосъ положилъ голову (то-есть волю, умершую въ безсиліи) подъ сломанныя крылья, и тогда голубь былъ готовъ для сожженія, и тогда святой апостоль сказалъ: «Теперь я хочу хвалиться моими немощами, такъ какъ сила Христа обитаетъ во мнѣ».

Послушайте также это необычайное объясненіе духовныхъ цвѣтовъ, вышитыхъ на стѣнныхъ завѣсахъ скиини:

«На этихъ четырехъ завѣсахъ различныхъ цвѣтовъ Господь приказалъ Веселиилу и Аголіаву выткать и сверху вышить иглой много украшеній. Точно такъ же наша покорная воля и наше разумѣніе наложить на эти четыре цвѣта различныя украшенія изъ добродѣтелей. На бѣлый цвѣтъ непорочности мы положимъ красныя розы, всегда сопротивляясь всему, что есть

зло. Мы сохраняемъ такъ чистоту и распинаемъ свою природу; это красныя розы со сладкимъ благоуханіемъ, которыя очень красивы на этомъ бѣломъ цвѣтѣ. Мы вышьемъ еще на непорочности подсолнечники, подъ которыми мы разумѣемъ повиновеніе, ибо, когда солнце поднимается на востокъ, подсолнечникъ распускается навстрѣчу его лучамъ и все время жадно обращается къ теплу солнца, до запада. И ночью онъ закрывается и прячетъ свои цвѣта и ждетъ возвращенія солнца. Точно такъ же мы повиновеніемъ раскроемъ наше сердце къ просвѣщенію благодатию Бога и смиренно и жадно мы слѣдовать за благодатию Бога такъ долго, пока будемъ чувствовать теплоту любви. И когда просвѣщеніе благодати задерживаетъ свои новыя возбужденія насъ, и когда мы чувствуемъ мало или больше совѣмъ не чувствуемъ тепла любви, то это—ночь, когда мы закрываемъ наше сердце для всего, что можетъ его обольстить; и такъ мы спрячемъ въ себѣ золотой цвѣтъ любви; и мы будемъ ждать новаго восхода солнца съ новыми сіяніями и новыми возбужденіями. И, такимъ образомъ, мы сможемъ сохранить непорочность всегда въ ея блескѣ. На цвѣтѣ гіацинта, подобномъ воздуху, мы вышьемъ птицъ въ разнообразныхъ опереніяхъ; это значитъ, что мы будемъ носить въ нашемъ разумѣ, съ яснымъ соблюденіемъ, жизнь и дѣла святыхъ, которыя разнообразны. И это—ихъ различныя оперенія, изящныя и удивительныя, и это—перья, которыми они себя украсили и которыми они вылетѣли въ вѣчную

жизнь. Это—птицы, на которыхъ мы обратимъ усердное вниманіе: если мы захотимъ уподобиться имъ въ ихъ опереніи, мы сможемъ слѣдовать за ними въ вѣчный покой. На цвѣтѣхъ пурпурномъ, то-есть фіолетовомъ или кроваво-красномъ, который обозначаетъ великодушіе, мы помѣстимъ водяныя лиліи. Онѣ изображаютъ свободное обладаніе всѣми сокровищами Бога. Ибо мы замѣчаемъ четыре вещи въ водяной лиліи. Она всегда держится надъ водой, и у нея четыре зеленыхъ листа между воздухомъ и водой, и она постоянно въ землѣ и надъ землей и бываетъ раскрыта на солнцѣ; и она—лекарство для тѣхъ, у кого угарь. И точно такъ же, великодушіемъ и свободой духа, мы можемъ обладать потоками всего богатства Бога. И между этимъ свободнымъ обладаніемъ нашего духа и потоками расточительныхъ даровъ Бога у насъ будутъ зеленые листья; то-есть прекрасное пониманіе, какимъ образомъ вѣчная щедрость Бога всегда льется съ новыми дарами; и какимъ образомъ дары изливаются всегда съ различіемъ, смотря по виду возлюбленныхъ, которые ихъ получаютъ; и какимъ образомъ главная причина всѣхъ даровъ есть щедрое основаніе божественной любви, и самая близкая причина—мудрое и щедрое основаніе тварей, которое можетъ ихъ сдѣлать подобными Богу. Ибо никто не можетъ знать изобилія даровъ Бога, исключая мудраго и великодушнаго человѣка, который отъ сокровищъ Бога можетъ дать мудро и великодушно всѣмъ тварямъ. Мы украсимъ такъ великодушіе, и тогда мы укря-

пимся на землѣ всѣхъ даровъ, то-есть въ Духѣ Святомъ, какъ водяная лилія укрѣплена па днѣ подъ водой. И мы раскроемъ наше сердце, поверхъ всего, до самой истины и къ солнцу праведности. И такъ мы бываемъ лекарствомъ для цѣлаго міра, ибо великодушное сердце, обладающее сокровищами Бога, должно наполнять, утѣшать, освѣжать и прохлаждать всѣхъ огорченныхъ. И вотъ чѣмъ пурпурный цвѣтъ украшенъ въ цвѣтѣ красномъ, то-есть въ воспламенной любви. Тамъ мы расположимъ ясныя звѣзды, то-есть благочестивую и преданную молитву о благѣ нашего ближняго и о благоговѣйныхъ и сокровенныхъ сношеніяхъ между Богомъ и нами. Это — звѣзды, которыя освѣщаютъ своимъ сіяніемъ царство небесъ и земли, и онѣ дѣлаютъ насъ напоенными свѣтомъ и внутренне плодотворными, и водворяютъ на тверди вѣчной жизни».

Послѣ этого я перевожу цѣликомъ «главу о рыбахъ», съ удивительными уподобленіями:

«И вотъ почему подобіе предписывало евреямъ ѣсть чистыхъ рыбъ, имѣющихъ чешуи и плавники, и всѣ другія рыбы были для нихъ нечисты и запрещены закономъ. Изъ этого мы понимаемъ, что наша внутренняя жизнь должна имѣть одѣяніе изъ добродѣтелей и наше внутреннее дѣланіе должно быть прикрыто разумнымъ вниманіемъ, тѣмъ же образомъ, какъ рыба одѣта и украшена своими чешуями. И наша любящая сила должна двигаться четырьмя способами, то-есть: торжествуя надъ нашей собственной волей, любя Бога, желая

противостоятъ природѣ и приобрѣтатъ добродѣтели. Это—четыре плавника, между которыми должна плавать наша внутренняя жизнь, подобная рыбамъ, въ водѣ божественной благодати. Рыба имѣетъ еще посрединѣ прямой плавникъ, который остается неподвижнымъ при всѣхъ ея движеніяхъ. И вотъ почему наше внутреннее чувство, прямое въ срединѣ, должно быть свободно отъ всего и безъ личнаго предпочтенія, то-есть мы должны предоставлять Богу дѣйствовать въ насъ и во всѣхъ вещахъ неба и земли. Это пятый плавникъ, уравновѣшивающій насъ въ милосердіи Бога и въ истинномъ божественномъ мірѣ. И такъ наше дѣланіе имѣетъ плавники и чешуи и дѣлается для насъ чистою пищею, которая угодна Богу. Но чешуи, одѣвающие и украшающія наше дѣланіе, должны быть четырехъ цвѣтовъ, ибо нѣкоторыя рыбы имѣютъ сѣрыя чешуи, другія — красныя чешуи, другія—зеленыя чешуи, еще другія—бѣлыя чешуи. Сѣрыя чешуи научаютъ насъ, что слѣдуетъ облекать наше дѣланіе смиренными образами, то-есть что мы будемъ размышлять о своихъ грѣхахъ, о своемъ недостаткѣ въ добродѣтеляхъ, о смиреніи нашего Господа Иисуса Христа и Его Матери и о всѣхъ вещахъ, которыя могутъ насъ принизить и смирить, и мы будемъ любить оѣдность и презрѣніе и то, чтобы быть неизвѣстными всему міру и быть пренебрегаемыми имъ. Это—сѣрый цвѣтъ, весьма красивый въ глазахъ Бога.

«Затѣмъ мы одѣнемъ наше дѣланіе красными чешуями, то-есть мы будемъ вспоминать,

что Сынъ Божій былъ мучимъ изъ-за любви къ намъ; и мы будемъ Его страданіе носить въ нашей памяти, подобно славному зеркалу, передъ нашими внутренними глазами, чтобы намъ вспоминать Его любовь и радоваться во всѣхъ скорбяхъ. И мы будемъ также размышлять о многообразныхъ мученіяхъ мучениковъ, которые своими страданіями послѣдовали за Христомъ даже въ вѣчную жизнь. Это—красныя чешуи, хорошо расположенныя, и онѣ приятно одѣваютъ наше внутреннее возбужденіе.

«Мы должны еще украсить нашу внутреннюю глубину зелеными чешуями, то-есть мы будемъ прилежно обдумывать прекрасную жизнь исповѣдниковъ и святыхъ, какъ они презирали міръ и какими удивительными дѣлами и какими различными способами они чтили Бога и служили Ему. Это—зеленый цвѣтъ, который привлекаетъ и радуетъ влюбленные сердца и здоровые глаза. Поэтому приведемъ въ движеніе наши плавники и послѣдуемъ за святыми посредствомъ всѣхъ, какія возможны, добрыхъ дѣлъ.

«Послѣ этого мы одѣнемъ бѣлыми чешуями наше внутреннее дѣланіе, то-есть мы будемъ глядѣться въ зеркало чистоты дѣвственниковъ и будемъ наблюдать, какимъ образомъ они боролись и побѣдили плотъ и кровь, то-есть склонность природы. И поэтому они носятъ золотой вѣнецъ и слѣдуютъ за Агнцемъ, то-есть за Христомъ, съ новыми пѣснями, которыхъ никто не будетъ пѣть, кромѣ тѣхъ, которые сохранили цѣломудріе въ душѣ и въ

тѣлѣ. Но если мы потеряли чистоту, мы можемъ, однако, приобрѣсти непорочность и одѣть себя другими добродѣтелями и достигъ дня суда болѣе свѣтлыми, чѣмъ солнце, и обладать славой Бога, вѣчно и безъ конца. И поэтому мы покроемъ нашу внутреннюю глубину четырьмя видами чешуй, и каждый видъ долженъ имѣть живые плавники доброй воли; то-есть нужно, чтобы мы желали исполнить дѣлами то, что мы постигаемъ разумомъ. Такимъ образомъ, внутренняя пища чиста, ибо всякое знаніе и всякая мудрость безъ добродѣтельной жизни—чешуи безъ плавниковъ, и всѣ добродѣтели, осуществляемыя безъ разсужденія, — плавники безъ чешуй; и поэтому мы должны знать, любить и осуществлять добродѣтели, чтобы наша жизнь была чистой; и тогда мы будемъ вскормлены чистыми рыбами, имѣющими чешуи и плавники».

И слѣдующее мѣсто:

«Затѣмъ, каждый свѣтильникъ имѣлъ золотой сосудъ, полный воды, гдѣ гасили огонь, снятый съ свѣтиленъ. Изъ этого мы научаемся, что каждый даръ требуетъ отъ нашего духа такого простого намѣренія въ каждой основной добродѣтели, чтобы мы могли чувствовать въ себѣ любовныя выступленія къ соединенію съ Отцомъ. И это мы, равнымъ образомъ, наблюдаемъ въ Христѣ, который является нашимъ зеркаломъ во всемъ, ибо во всякой добродѣтели, которую Онъ осуществлялъ, Онъ такъ любовно выступалъ, что съ любовью искалъ соединенія съ Отцомъ. И мы воссоеди-

нимъ всѣ наши выступленія въ этомъ любовномъ выступленіи, которое Онъ направлялъ къ Своему Отцу въ каждой основной добродѣтели. Ибо эти выступленія — наши золотые сосуды, полные воды, то-есть истины и праведности, и мы погрузимъ въ нихъ наши зажженные свѣтильни, то-есть дѣйствія всѣхъ добродѣтелей, которыя мы осуществляли; мы ихъ тамъ погасимъ и ихъ туда погрузимъ, поручая себя Его праведности и соединяясь съ Его досточтимыми заслугами, безъ чего свѣтильня всѣхъ нашихъ добродѣтелей чадила бы и скверно пахла передъ Богомъ и передъ всѣми Его святыми».

Въ другомъ мѣстѣ онъ разсматриваетъ двѣнадцать драгоцѣнныхъ нагрудныхъ камней первосвященника и наблюдаетъ въ нихъ отраженія вѣчныхъ символовъ такъ же, какъ и непредвидѣнные, точныя и служащія откровеніемъ аналогіи. Судите сами:

«Въ лучахъ солнца топазъ превосходитъ блескомъ всѣ драгоцѣнные камни; и точно такъ же человѣчность н. Г. І. Х. превосходитъ великолѣпіями и высотами всѣхъ святыхъ и всѣхъ ангеловъ, вслѣдствіе Его соединенія съ вѣчнымъ Отцомъ, и въ этомъ соединеніи отраженіе божественнаго солнца такъ свѣтло и такъ славно, что въ простомъ видѣніи оно привлекаетъ и отражаетъ въ своемъ сіяніи всѣ взгляды святыхъ и ангеловъ и взгляды всѣхъ праведныхъ людей, которымъ это великолѣпіе открыто. И, такимъ образомъ, топазъ также привлекаетъ и отражаетъ въ себѣ всѣ взгляды

встрѣчаемые имъ, по причинѣ своей великой ясности. Но если вы захотите гранить топазъ, онъ померкнетъ, а если вы его оставите въ его естественномъ состоянїи, онъ останется яснымъ. И точно такъ же, если вы хотите испытать и проникнуть блескъ вѣчнаго Слова, этотъ блескъ померкнетъ, и вы его утратите. Но оставьте его самого по себѣ и слѣдуйте за нимъ простымъ видѣнїемъ, въ отреченїи отъ себя, и онъ васъ будетъ просвѣтлять».

Разсмотрите теперь странныя соотношенїя, прозрѣваемые сквозь другїе камни:

«Въ этомъ членѣ мы сравниваемъ Христа съ благороднымъ сапфиромъ, который бываетъ двухъ видовъ. Первый—желтый съ пурпуровыми отбѣнками, и кажется смѣшаннымъ съ золотой пылью, другой—небесно-синїй, и при отраженїи солнечныхъ лучей онъ испускаетъ воспламененный блескъ, и нельзя видѣть сквозь него. И мы находимъ все это въ нашемъ Господѣ, въ этомъ пятомъ членѣ. Ибо, когда Его благородная душа поднялась на небо, Его тѣло лежало въ гробу желтое, по причинѣ отдѣленїя души, пурпуровое, отъ своихъ кровавыхъ ранъ, и смѣшанное съ золотой пылью, такъ какъ оно было соединено съ божествомъ. И Его душа низошла въ адъ, небесно синяя, такъ что всѣ Его друзья возрадовались и стали блаженны въ ея блескѣ. И въ Его воскресенїи блескъ сдѣлался настолько мощнымъ и безмѣрнымъ, въ тѣлѣ и душѣ, по причинѣ излученїя солнца божественности, что испускаетъ молнїи и пылающїе лучи и воспламеняетъ въ

любви все, къ чему прикасается. И этотъ благородный сапфиръ, Христа, никто не можетъ рассмотреть насквозь, ибо Онъ бездоненъ, по своей божественности».

Я пропускаю аметистъ, «изъ котораго какъ бы текутъ красныя розы», и заключаю переводомъ послѣднихъ символовъ: хризолита, изумруда и ясписа.

Во-первыхъ, хризолитъ:

«Это пріобщеніе святымъ и оставленіе грѣховъ достигаются потоками ноци, то-есть двумя таинствами Святой Церкви, крещеніемъ и покаяніемъ. Это—потоки, смывающіе въ вѣрѣ ночь мрака: грѣхъ. И Богъ далъ эту клятву со временъ Авраама, что отдастъ себя намъ и пріобщится намъ; и по причинѣ своей всеобщей обильно изливающейся любви, Онъ пржелалъ омытъ насъ въ своей крови. И чтобы мы вѣрили безъ всякаго сомнѣнія Его клятвѣ, въ которой Онъ клялся самимъ собой, Онъ запечатлѣлъ ее собственной смертью, и заслуги своей смерти Онъ даровалъ въ общее обладаніе Святой Церкви для оставленія грѣховъ, и святымъ, для украшенія ихъ славы. Вотъ это «пріобщеніе святымъ, оставленіе грѣховъ», символизируетъ намъ драгоценный камень хризолитъ, ибо онъ похожъ на воды моря своей прозрачностью и своей зеленью, и, кромѣ того, онъ имѣетъ золотые отсвѣты. И точно такъ же всѣ святые и всѣ праведники просвѣчиваютъ по благодати или славѣ, и они зелены по своей святой жизни, и имѣютъ золотые отсвѣты по божественной любви, которой они

насквозь просвѣтлены. И эти три украшенія общи всѣмъ святымъ и всѣмъ праведникамъ, ибо это—сокровище святыхъ церквей, здѣсь и въ вѣчной жизни. И всѣ удалившіе отъ себя покаяніемъ цвѣтъ Краснаго моря, то-есть грѣховной жизни, подобны хризолиту.

«Вы узнаете, что это море красно по причинѣ дна и страны, гдѣ оно находится, это — между Иерихономъ и Зоарой. Иерихонъ означаетъ луну, а Зоара — звѣря, ослѣпляющаго разумъ. Между луной непостоянства и склонностью разума къ звѣрю всегда пребываетъ Красное море, то-есть нечистая жизнь. Никакая тварь не можетъ находиться живой въ Красномъ морѣ, и все, что въ немъ не живетъ, опускается на дно, и поэтому оно называется Мертвымъ моремъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ движенія, и оно похоже на асфальтъ или смолу, ибо оно схватываетъ и умерщвляетъ все, что попадаетъ въ него, и, такимъ образомъ, оно весьма похоже на грѣхъ, который схватываетъ и умерщвляетъ духовно человѣка въ глазахъ Бога, и погружаетъ его въ адъ».

Вотъ, наконецъ, приложеніе изумруда и ясписа къ третьему и шестому члену апостольскаго символа:

«Въ этой статьѣ мы сравниваемъ съ Сыномъ Божиимъ красивый камень, который называется изумрудомъ, и который такъ зеленъ, что листва и трава, и все, что зелено, не можетъ сравниться съ его зеленью. И онъ наполняетъ и питаетъ своей зеленью глаза людей, смотрящихъ на него. А то, что вѣчное Слово Отца

сдѣлалось человѣкомъ, это—цвѣтъ самый зеленый, какой когда-либо видѣли. Это соединеніе такъ зелено и такъ красиво и такъ радостно, что никакой другой цвѣтъ не можетъ съ нимъ равняться; и поэтому онъ наполнялъ и питалъ глаза людей, которые приготовлялись къ этому въ благочестивомъ видѣніи. Если изумрудъ гранять и шлифуютъ, нѣтъ ничего болѣе пріятнаго и сладостнаго для глаза, и въ немъ можно узнать и наблюдать все, что передъ нимъ, какъ въ зеркалѣ. И точно такъ же, если мы внимательно и подробно разберемъ существо того, кто усыновилъ нашу природу изъ любви къ намъ, то мы принуждены удивляться, и мы не можемъ уголить хвалами Его высоту. И когда мы разсматриваемъ, какъ Онъ сдѣлался человѣкомъ, мы должны стыдиться себя, по причинѣ Его смиренія, и не можемъ достаточно принизить себя. И когда мы изслѣдуемъ побужденіе, по которому Онъ сдѣлался человѣкомъ, мы не можемъ нарадоваться и не можемъ любить Его достаточно.

«Тремя этими способами мы будемъ жадно разсматривать и шлифовать и любовно изслѣдовать Христа, благородный изумрудъ. Дѣлая это, мы не найдемъ ничего, что было бы настолько же пріятно для глазъ нашего разума, ни что привлекало бы ихъ больше, ибо мы Его находимъ отраженнымъ въ насъ и находимъ себя повторенными въ Немъ по Его благодати и по нашей добродѣтельной жизни; и вотъ почему мы отвратимся отъ временныхъ вещей и будемъ всегда носить это зеркало передъ собой.

«И въ другомъ членѣ мы сравниваемъ Христа съ благороднымъ ясписомъ, который зеленого цвѣта и пріятенъ для глазъ, и онъ почти похожъ на изумрудъ по своей зелени. И поэтому мы уподобляемъ его вознесенію Господа, которое было зеленымъ и красивымъ въ глазахъ апостоловъ и настолько пріятнымъ, что они не могли его забыть въ продолженіе всей своей жизни. И мы испытаемъ, по справедливости, то же самое въ себѣ; мы замѣтимъ, что благородный изумрудъ, вѣчное Слово, снизошелъ въ нашу природу, изъ любви къ намъ, съ обильно изливающейся зеленью, и мы возрадуемся объ этомъ превыше всего, ибо это зрѣлище полно благодати. Мы замѣтимъ затѣмъ, что славный ясписъ, то-есть Иисусъ Христосъ, вознесся на небо съ нашей природой и возсѣлъ одесную Отца, и намъ приготовилъ состояніе славы. Аминь».

Затѣмъ слѣдуетъ книга *Двѣнадцати добродѣтелей*, которую Лаврентій Суріусъ озаглавливаетъ болѣе точно: *Tractatus de praecipuis quibusdam virtutibus*. Грунендальскій аскетъ сдѣлалъ, повидимому, жестокое усиліе, чтобы раскрыть свои тѣлесные глаза: и всѣ его мысли переплетаются, съ простодушіемъ божественныхъ дѣтей, въ зеленыхъ и синихъ лучахъ смиренія и милосердія, между тѣмъ какъ его проза, обычно безъ дѣйствующихъ лицъ, оживляется здѣсь совѣтами и различными происшествіями. Вотъ отрывокъ о смиреніи:

«Достичь низшаго мѣста, это значитъ ничего не сохранить въ отношеніи зла; и такъ

какъ у насъ всегда есть отъ чего отказаться, пока мы смертны, то мы никогда не достигнемъ низшаго мѣста, ибо погибать, это значить становиться, не по чувствамъ, но по несходству съ покинутымъ. И если кто-нибудь сказалъ бы, что погруженіе въ смиреніе есть низшее мѣсто, я бы не сталъ съ нимъ спорить. Но мнѣ кажется, что погрузиться въ смиреніе, это значить погрузиться въ Бога, ибо Богъ есть дно смиренія, и Онъ на одинаковой высотѣ и на одинаковой глубинѣ выше и ниже всякаго мѣста. И между уничиженіемъ и вступленіемъ въ низшее мѣсто, есть различіе, по моему. Ибо достигъ низшаго мѣста, это значить ничего не сохранить въ отношеніи зла; и испытать уничиженіе, это значить погрузиться въ смиреніе, и это есть уничтоженіе въ Богѣ и смерть въ Богѣ. Но у насъ всегда есть отъ чего отказаться, пока мы живемъ, а не имѣть больше ничего, отъ чего бы отказаться, это значить достигъ низшаго мѣста. Поэтому мы не можемъ достигъ низшаго мѣста. Ибо какой человѣкъ былъ настолько смирененъ, что не могъ бы быть еще болѣе смиреннымъ, и кто любилъ такъ горячо, что не могъ бы любить еще болѣе горячо? Кромѣ Христа, конечно, никто. И вотъ почему не будемъ никогда удовлетворены, пока мы остаемся смертными, ибо мы всегда можемъ сдѣлаться болѣе смиренными, чѣмъ въ данное время. И это блаженно, имѣть Господа и Бога такого великаго, что мы никогда не сможемъ воздать Ему достаточныхъ почитаній и поклоненій.

Да, хотя бы даже каждый человекъ могъ все то, что могутъ всѣ люди и всѣ ангелы въ каждое мгновеніе. Но если мы погружаемся въ смиреніе, этого намъ довольно, и мы удовлетворяемъ Бога имъ самимъ, ибо мы въ этомъ погруженіи—одна жизнь съ Нимъ, не по природѣ, но погруженіемъ, потому что смиреніемъ мы спустились ниже нашей сотворенности и мы влились въ Бога, который есть дно смиренія. И тамъ у насъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, ибо мы погрузились сквозь самихъ себя до Бога, и тамъ нѣтъ больше ни даровъ ни принятій и ничего, что можно было бы назвать тамъ, ибо это не есть ни тамъ ни здѣсь, но я не знаю гдѣ».

Я выписываю еще изъ той же книги слѣдующее мѣсто объ отрѣшеніи отъ всего:

«Но тотъ, кто нашель Бога царствующимъ въ немъ такъ, своей благодатью, и кто покоится въ Богѣ надъ дѣятельностью силъ, можетъ пребывать нечувствительнымъ къ радости, скорби и множественности тварей. Ибо Богъ осуществленъ въ немъ, и онъ болѣе склоненъ къ обращенію внутрь, чѣмъ ко-внѣ; и эта сущность припоминается ему вездѣ, гдѣ онъ находится, и эта склонность и эта сущность не забываются, развѣ только человекъ рѣшительно отвратится отъ Бога, чего онъ не сдѣлаетъ охотно; ибо тотъ, кто такъ почувствовалъ Бога, не могъ бы легко отвратиться отъ Бога; но не потому, чтобы этого не могло быть, ибо никто не бываетъ увѣренъ ни въ чемъ, пока смертенъ, развѣ только черезъ какое-нибудь откровеніе.

«Человѣка, котораго Богъ такимъ образомъ принялъ въ свое существо, Богъ принимаетъ божественно и Богъ его просвѣщаетъ во всѣхъ вещахъ, ибо всѣ вещи имѣютъ для него божественный вкусъ. Ибо относящій всѣ вещи къ славѣ Бога, имѣетъ вкусъ Бога во всѣхъ вещахъ, и Богъ являетъ ему свой образъ во всѣхъ вещахъ. Ибо онъ все беретъ изъ руки Бога, благодаритъ Его и прославляетъ Его во всемъ, и Богъ свѣтитъ и блистаетъ ему во всякое время, ибо онъ слѣдитъ за Богомъ съ большимъ вниманіемъ и никогда не обращается добровольно къ вещамъ бесполезнымъ. И лишь только онъ замѣчаетъ, что обращенъ къ бесполезнымъ вещамъ, онъ немедленно отвращается отъ нихъ съ великой горечью за себя, и сѣтуетъ передъ Богомъ на свое непостоянство, и рѣшаетъ въ себѣ никогда больше умышленно не обращаться къ бесполезнымъ вещамъ. Ибо пусто и тщетно все, гдѣ нѣтъ славы Бога или блага ближняго или нашего собственнаго спасенія».

«Кто слѣдитъ такъ за собой, бываетъ все менѣе и менѣе безпокоенъ, ибо онъ часто чувствуетъ присутствіе своего друга и это его радуетъ выше всего. Онъ подобенъ имѣющему пламенную жажду. Въ своей жадѣ онъ только и дѣлаетъ, что пьетъ; онъ можетъ думать о многихъ вещахъ, кромѣ жажды, которая его мучитъ, но что бы онъ ни дѣлалъ, и каковъ бы онъ ни былъ, или о какомъ бы предметѣ онъ ни думалъ, представленіе питья не изглаживается въ немъ, пока онъ страдаетъ отъ жажды, и чѣмъ болѣе жажда продолжительна, тѣмъ

болѣе страданіе возрастаетъ въ человѣкѣ. И то же бываетъ съ тѣмъ, кто любитъ какую-нибудь вещь такъ глубоко, что не вкушаетъ ничего другого, и ничто не входитъ ему въ сердце, кромѣ того, что его занимаетъ и что онъ любитъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, или съ кѣмъ бы другимъ онъ ни былъ, что бы онъ ни начиналъ, и что бы онъ ни дѣлалъ, ничто не удаляетъ отъ него того, что онъ такъ пламенно любитъ. И во всѣхъ вещахъ онъ находитъ образъ того, что онъ любитъ; и чѣмъ любовь больше и могущественнѣе, тѣмъ постояннѣе ея присутствіе, и онъ не ищетъ съ этой цѣлью покоя и бездѣйствія, ибо никакое безпокойство не мѣшаетъ имѣть всегда присущимъ образъ того, что онъ любитъ».

Пріоткроемъ также маленькое сочиненіе *О христіанской вѣрѣ*, или *De fide et iudicio tractatulus insignis*, по Суріусу. Оно представляетъ на своихъ двадцати страницахъ нѣчто въ родѣ совершенно великолѣпнаго катехизиса, изъ котораго я извлекаю слѣдующій отрывокъ о счастіи избранныхъ:

«Мы будемъ созерцать нашими внутренними глазами зеркало премудрости Бога, гдѣ будутъ свѣтиться и просвѣтляться всѣ вещи, которыя когда-либо будутъ существовать и смогутъ насъ радовать. И мы услышимъ нашими внѣшними ушами мелодію и сладостныя пѣсни святыхъ и ангеловъ, которые вѣчно будутъ восхвалять Бога. И нашими внутренними ушами мы услышимъ врожденное Слово Отца; и

въ этомъ Словѣ получимъ всякое знаніе и всякую истину. И высокій запахъ Святого Духа будетъ проходить передъ нами; болѣе сладкій, чѣмъ всѣ бальзамы и всѣ драгоцѣнныя травы, какія когда-либо были, и это благоуханіе извлечетъ насъ изъ насъ самихъ, къ вѣчной любви Бога, и мы будемъ вкушать вѣчную благодать Бога, болѣе сладкую, чѣмъ всѣ меды; и она насъ напитаетъ и проникнетъ нашу душу и тѣло; и мы всегда будемъ имѣть и голодъ и жажду ея, и, благодаря голоду и жаднѣ, услаждения и пища всегда пребудутъ и всегда будутъ возобновляться; и вотъ вѣчная жизнь.

«Мы будемъ постигать любовью и мы будемъ постигнуты любовью, и Богъ будетъ обладать нами и мы будемъ обладать Имъ въ единствѣ. Мы будемъ наслаждаться Богомъ и будемъ покоиться, соединенные съ Нимъ, въ блаженствѣ. И это наслажденіе безъ вида, въ этомъ сверхсущественномъ покоѣ, есть высшее основаніе блаженства, ибо въ немъ бываютъ поглощены превыше голода, въ сытости, и голодъ не можетъ войти въ него, ибо тамъ нѣтъ ничего, кромѣ единства; всѣ любовные духи въ немъ уснутъ въ сверхсущественномъ мракѣ; и, тѣмъ не менѣе, они всегда будутъ жить и бодрствовать въ свѣтѣ славы».

Затѣмъ слѣдуетъ книга *Сверкающій камень*. De calculo, sive de perfectione filiorum Dei, libellus admirabilis, прибавляетъ Суріусъ. Здѣсь идетъ рѣчь о таинственномъ камнѣ, о которомъ Духъ говоритъ въ Апокалипсисѣ: Et dabo illi (vincenti) calculum candidum, et in calculo nomen novum

scriptum, quod nemo scit nisi qui accipit (Апос. II, 17.) Этотъ камень, по мнѣнію инока Суаньскаго лѣса, есть символъ Христа, данный только любящимъ и подобный пламени, которое есть образъ любви вѣчнаго Слова. И тогда разверзается упомянутый .мракъ .любви, откуда вырываются устрашающими цвѣтами, мимолетно видимыми сквозь постепенныя расширенія созерцанія, и выше странныхъ зеленей несравненной радости, непрерывныя рыданія свѣта. Обратите вниманіе на этотъ отрывокъ:

«И отсюда слѣдуетъ третье, то-есть дѣланіе выше разума и безъ видовъ, ибо единство въ Богѣ, которымъ всякій любовный духъ обладалъ въ любви, вѣчно привлекаетъ и требуетъ, во-внутрь Его существа, божественныя лица и всѣхъ любовныхъ духовъ. И всѣ любящіе испытываютъ это привлеченіе, болѣе или менѣе, смотря по ихъ любви и ихъ дѣланіямъ. И тотъ, кто слѣдитъ за этимъ привлеченіемъ и самъ привязывается къ нему, не можетъ впасть въ смертный грѣхъ. Но созерцатель, который отрекся отъ своего существа и отъ всякой вещи, не испытываетъ отталкивающей силы, потому что у него ничего больше не остается и онъ отъ всего свободенъ; и такъ онъ можетъ всегда входить, единый и безъ образовъ, въ самое внутреннее своего духа. Тамъ онъ видитъ проявленіе вѣчнаго свѣта, и въ этомъ свѣтѣ онъ испытываетъ вѣчное требованіе единства Бога. И онъ самого себя чувствуетъ вѣчнымъ пожаромъ любви, который поверхъ всего желаетъ быть единымъ съ Богомъ. И чѣмъ

больше онъ наблюдаетъ это привлеченіе и это требованіе, тѣмъ больше онъ это испытываетъ. И чѣмъ больше онъ это испытываетъ, тѣмъ больше желаетъ быть единымъ съ Богомъ, ибо онъ хочетъ заплатить долгъ, уплаты котораго требуетъ отъ него Богъ. Это вѣчное требованіе единства Бога создаетъ въ духѣ вѣчную раскаленность любви; но такъ какъ духъ непрерывно платитъ свой долгъ, это въ немъ производитъ вѣчное потребленіе; ибо въ трапезѣ единства всѣ духи прекращаютъ свою дѣятельность и не испытываютъ ничего другого, кромѣ потребленія всего въ простомъ единствѣ Бога. Этого простого единства Бога никто не можетъ ни испытать ни обладать имъ, если онъ не стоитъ передъ безмѣрнымъ сіяніемъ и передъ любовью, выше разума и безъ видовъ. Въ этомъ присутствіи духъ чувствуетъ въ себѣ вѣчное воспламененіе въ любви; и въ этой раскаленности любви онъ не находитъ ни начала ни конца. И онъ чувствуетъ самого себя единымъ съ этимъ пожаромъ любви. Духъ всегда пребываетъ воспламененнымъ въ самомъ себѣ, ибо его любовь вѣчна. И онъ всегда чувствуетъ, что сторааетъ въ любви, ибо онъ привлеченъ на трапезу единства Бога, гдѣ духъ горитъ въ любви. Если онъ наблюдаетъ самого себя, онъ находитъ отличіе и разницу между Богомъ и собой, но тамъ, гдѣ онъ горитъ, онъ простъ, и не имѣетъ отличія, и поэтому онъ не испытываетъ ничего, кромѣ единства, ибо непомѣрное пламя божественной любви поѣдаетъ и поглощаетъ все, что оно облекло въ свою сущность.

«И вы можете замѣтить такимъ образомъ, что привлекающее единство Бога есть не что иное, какъ безграничная любовь, которая любовно привлекаетъ во -внутрь, въ вѣчное наслажденіе, Отца, Сына и все живущее въ немъ. И мы хотимъ горѣть и сгорать въ этой любви, вѣчно, ибо въ ней заключено блаженство всѣхъ духовъ. И вотъ почему всѣ мы должны утвердить свою жизнь надъ бездонной пропастью; мы сможемъ такъ вѣчно нисходить въ любовь и погружаться сквозь себя самихъ въ безпредѣльную глубину. И этой же самой любовью мы превзойдемъ самихъ себя и вознесемъ въ непостижимую высоту. И въ любви безъ видовъ, мы будемъ блуждать; и она затеряетъ насъ въ безграничной обширности любви Бога. И тамъ, внутри, мы будемъ течь и будемъ истекать изъ насъ самихъ въ невѣдомое наслажденіе божественныхъ благодати и изобилія. И это будутъ вѣчныя плавленіе и переплавленіе, вовлеченіе и поглощеніе насъ въ славѣ Бога. Смотрите; въ каждомъ изъ этихъ сравненій, я указываю созерцателю его сущность и его дѣланія. Но никто другой не можетъ меня понять, ибо никакой человѣкъ не можетъ научить другого созерцанію. Но, когда вѣчная истина открыта духу, онъ наученъ всему необходимому».

По справедливости, мнѣ бы слѣдовало перевести для васъ также многія удивительныя мѣста изъ главъ VI, VII и VIII, которыя говорятъ «о различіи между наемниками и вѣрными служителями Бога», «о различіи ме-

жду вѣрными служителями и тайными друзьями Бога», и «о различіи между тайными друзьями и сокровенными дѣтьми Бога»; гдѣ отшельникъ Зеленой Долины, повидимому, дѣйствительно обмакиваетъ свое перо мимо этого міра. Но могу ли я это послѣ столькихъ излишествъ? Я прошу у васъ, наконецъ, извиненія еще за слѣдующій и рѣшительно послѣдній отрывокъ. Онъ странно прекрасенъ.

«Теперь, поймите; движеніе впередъ таково: въ нашемъ шествіи къ Богу мы должны нести наше существо и всѣ наши дѣла передъ собой, какъ вѣчное приношеніе Богу; и въ присутствіи Бога мы отрѣшимся отъ самихъ себя и отъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, и, умирая въ любви, мы превзойдемъ всякую тварь, даже до сверхсущественнаго царства Бога. Тамъ мы будемъ обладать Богомъ въ вѣчномъ умираніи для самихъ себя. И поэтому духъ Божій говоритъ въ книгѣ Апокалипсиса: «Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ». И справедливо онъ называетъ ихъ блаженными мертвыми, ибо они вѣчно остаются мертвыми для самихъ себя и погруженными сквозь самихъ себя въ радостное единство Бога. И они всегда снова умираютъ въ любви черезъ привлекающую трапезу этого самаго единства. Затѣмъ духъ Божій говоритъ еще: «Они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ послѣдуютъ за ними». Въ томъ видѣ, какъ мы рождаемся отъ Бога въ жизнь духовную и добродѣтельную, мы несемъ наши дѣла передъ собой, какъ приношеніе Богу; но въ отсутствіи видовъ, какъ мы снова умира-

емъ въ Богѣ, въ жизни вѣчно блаженной, наши добрыя дѣла слѣдуютъ за нами, ибо они составляютъ одну жизнь съ нами. Въ нашемъ шествіи къ Богу путемъ добродѣтелей, Богъ обитаетъ въ насъ; но въ нашей смерти для самихъ себя и для всякой вещи, мы обитаемъ въ Богѣ. Если мы имѣемъ вѣру, надежду и любовь, мы приняли Бога; и Онъ обитаетъ въ насъ со своими милосердіями, и Онъ посылаетъ насъ наружу, какъ своихъ вѣрныхъ служителей, чтобы соблюдать Его повелѣнія. И Онъ отзываетъ насъ во-внутрь, какъ своихъ таинственныхъ друзей, если мы слѣдуемъ Его совѣтамъ. Но поверхъ всего, если мы хотимъ отвѣдать Бога, или испытать въ себѣ вѣчную жизнь, мы должны, выше разума, войти въ Бога нашей вѣрою; и тамъ мы будемъ пребывать простыми, бездѣтельными и безъ образовъ, вознесенными любовью въ открытую обнаженность нашей мысли. Ибо, умирая для всякой вещи въ любви, умирая для всякаго вниманія въ невѣдѣніи и темнотѣ, мы бываемъ воздѣланы и преобразованы вѣчнымъ Словомъ, которое есть нѣкій образъ Отца. И въ бездѣйствии нашего духа, мы воспринимаемъ непостижимый блескъ, облекающій и проникающій насъ точно такъ же, какъ воздухъ проникнуть свѣтомъ солнца. И этотъ блескъ есть не что иное, какъ безграничное видѣніе и созерцаніе. То, что есть мы, мы это созерцаемъ, и то, что мы созерцаемъ, есть мы, ибо наша мысль, наша жизнь и наше существо просто соединены съ истиной, которая есть Богъ, и

вознесены съ ней. И поэтому, въ этомъ простодушномъ видѣнїи, мы—одна жизнь и одинъ духъ съ Богомъ, и это есть то, что я называю созерцательной жизнью. Привязываясь къ Богу любовью, мы избираемъ лучшую часть; а смотря на Бога такимъ образомъ, въ сверхсущественности, мы обладаемъ Богомъ всецѣло. Это созерцаніе соединено съ дѣланіемъ безъ вида, то-есть съ уничтожающей жизнью, ибо въ то мгновеніе, какъ мы выходимъ изъ себя самихъ, въ безграничные мракъ и отсутствіе вида, всегда блистаетъ простой лучъ сїанія Бога; но мы водворены въ этомъ лучѣ, и онъ влечетъ насъ изъ насъ самихъ, въ сверхсущественность и въ потопленіе любви. И это потопленіе любви всегда сопутствуется и сопровождается безвиднымъ дѣланіемъ любви. Ибо любовь не можетъ быть бездѣятельной; она хочетъ проникнуть знаніемъ и вкусомъ безмѣрное изобиліе, живущее на днѣ ея самой, и это—ненасытимый голодъ. Всегда получать въ этомъ безсилїи, это—плыть противъ теченія. Нельзя ни оставить, ни собрать, ни обойтись безъ этого, ни получить это, ни молчать, ни говорить, ибо это выше разума и разумѣнїя и это превосходитъ всѣхъ тварей. И поэтому нельзя ни достигъ этого, ни слѣдовать за нимъ; но мы посмотримъ въ нашей внутренней глубинѣ: тамъ мы чувствуемъ, что духъ Божій ведетъ насъ и толкаетъ насъ въ это нетерпѣніе любви; и мы посмотримъ надъ нами; тамъ мы чувствуемъ, что духъ Божій влечетъ насъ изъ насъ самихъ, и уничтожаетъ насъ въ себѣ

самомъ, то-есть въ сверхсущественной любви, съ которой мы одно и которой мы обладаемъ глубже и обширнѣе, чѣмъ всякой вещью.

«Это обладаніе есть простое и бездонное услажденіе всѣми благами и вѣчной жизнью. И мы бываемъ поглощены въ это услажденіе выше разума и безъ разума, въ глубокой тишинѣ божества, которая никогда больше не будетъ возмущена. Только опытомъ можно знать, что это правда. Ибо какъ это бываетъ, или кто, или въ какомъ мѣстѣ, или что,—ни разумъ ни дѣланіе не могутъ этому научить, и поэтому наше послѣдующее дѣланіе пребываетъ безъ вида, то-есть безъ образа.

«Ибо бездонное благо, которое мы вкушаемъ и которымъ обладаемъ, мы не можемъ ни понять ни постичь, и нашими дѣланіями мы никогда не можемъ выйти изъ насъ самихъ, чтобы войти въ него. И поэтому мы бѣдны въ самихъ себѣ и богаты въ Богѣ, полны голода и жажды въ самихъ себѣ и сыты и пьяны въ Богѣ, работающі въ себѣ и безусловно праздны въ Богѣ. И мы пребудемъ такъ вѣчно. Ибо безъ дѣланій любви мы никогда не можемъ обладать Богомъ. И тотъ, кто чувствуетъ или вѣритъ иначе, обольщенъ. Итакъ, мы всецѣло живемъ въ Богѣ, обладая своимъ блаженствомъ, и мы живемъ всецѣло въ себѣ самихъ, упражняясь въ любви къ Богу. И хотя мы живемъ всецѣло въ Богѣ и всецѣло въ себѣ самихъ, это, между тѣмъ, одна жизнь, но она имѣетъ двойныя и противоположныя чувствованія. Ибо богатство и бѣдность, голодъ

и насыщеніе, работа и бездѣйствіе, эти вещи безусловно между собой противоположны. Тѣмъ не менѣе именно въ этомъ состоитъ наше высшее благородство, теперь и вѣчно, ибо мы не можемъ ни всецѣло стать Богомъ ни потерять нашу сотворенную сущность, — это невозможно. Но если бы мы оставались всецѣло въ себѣ самихъ, отдѣленными отъ Бога, мы были бы несчастны и не спасены, и поэтому будемъ чувствовать себя всецѣло въ Богѣ и всецѣло въ себѣ самихъ; и между двухъ этихъ чувствованій мы не найдемъ ничего другого, кромѣ благодати Бога и дѣланій нашей любви. Ибо съ высоты нашего высшаго чувствованія, намъ свѣтитъ блескъ Бога, который научаетъ насъ истинѣ и побуждаетъ насъ ко всѣмъ добродѣтелямъ, въ вѣчную любовь Бога. Мы слѣдуемъ за этимъ блескомъ безъ перерыва, до источника, откуда онъ изливается; и тамъ мы не испытываемъ ничего другого, кромѣ обнаженія духа и погруженія въ простую и безконечную любовь безъ возврата. Если бы мы всегда оставались тамъ нашимъ простымъ видѣніемъ, мы всегда бы это испытывали; ибо наше погруженіе въ божественную трапезу пребываетъ вѣчно непрерывнымъ, если мы вышли изъ самихъ себя и если мы обладаемъ Богомъ въ потопленіяхъ любви. Ибо, если мы обладаемъ Богомъ въ потопленіяхъ любви, то — есть въ утратѣ самихъ себя, Богъ присутъ намъ и мы присути Ему, и мы погружаемся сквозь себя самихъ въ наше обладаніе, которое есть Богъ, вѣчно и безъ возврата. Это погруженіе

становится существеннымъ, благодаря привычной любви, и поэтому оно бываетъ во время сна и во время бодрствованія, знаютъ ли о томъ или не знаютъ. И, такимъ образомъ, это погруженіе не заслуживаетъ другихъ похвалъ, но оно насъ поддерживаетъ въ обладаніи Богомъ и всѣми благами, которыя мы отъ Него получили. И это погруженіе подобно рѣкамъ, которыя, непрерывно и безвозвратно, всегда изливаются въ море, ибо это—мѣсто, которое имъ свойственно. И точно такъ же, если мы обладаемъ только Богомъ, наше существование, по привычной любви, погруженіе всегда изливается безъ возврата въ бездонное чувствованіе, которымъ мы обладаемъ и которое намъ присуще. Если бы мы всегда были просты и если бы мы всегда смотрѣли такъ безусловно, мы всегда имѣли бы подобное чувствованіе. Теперь, это погруженіе—выше всѣхъ добродѣтелей, и выше всѣхъ дѣлъ любви. Ибо оно есть не что иное, какъ вѣчный выходъ, яснымъ предвидѣніемъ, изъ насъ самихъ, въ нѣкое измѣненіе, къ которому мы склоняемся изъ насъ самихъ ко-внѣ, какъ къ блаженству. Ибо мы испытываемъ вѣчную склонность ко-внѣ изъ насъ самихъ, къ иному, чѣмъ мы. И это—самое внутренне-глубокое и самое сокровенное различіе, какое мы можемъ испытать между Богомъ и нами; и выше его нѣтъ больше никакого различія. Однако, нашъ разумъ пребываетъ съ открытыми глазами во мракѣ, то-есть въ безконечномъ невѣдѣніи, и въ этой темнотѣ остается сокровеннымъ и утаеннымъ отъ насъ безграничный

блескъ, ибо наступленіе его безмѣрности ослѣпляетъ нашъ разумъ. Но онъ насъ облакаетъ въ простоту и преобразуетъ насъ своей сущностью, и, такимъ образомъ, мы оказываемся воздѣланными внѣ нашей личности и преобразованными до погруженій въ любовь, гдѣ мы обладаемъ блаженствомъ и составляемъ одно съ Богомъ».

Вотъ теперь *Книга семи ступеней лестницы любви* (у Суриуса: *De septem gradibus amoris, libellus optimus*), гдѣ Грунендальскій настоятель разбираетъ семь добродѣтелей, ведущихъ отъ обращенія внутрь до окраинъ поглощенія. Я думаю, что это одно изъ самыхъ прекрасныхъ твореній святого, всѣ творенія котораго странны и прекрасны. Слѣдовало бы перевести здѣсь изъ него нѣсколько довольно необычныхъ отрывковъ; въ ихъ числѣ тотъ, гдѣ онъ говоритъ о четырехъ небесныхъ мелодіяхъ; но для нихъ неостанетъ мѣста въ этомъ уже слишкомъ длинномъ введеніи. Я удовольствуюсь тѣмъ, что выпишу слѣдующую страницу.

«Духъ Святой восклицаетъ въ насъ громкимъ голосомъ и безъ словъ: «Любите любовь, которая васъ любитъ вѣчно». Его восклицаніе есть внутреннее прикосновеніе въ нашемъ духѣ. Этотъ голосъ болѣе ужасающъ, чѣмъ буря. Молніи, выпускаемыя имъ, открываютъ намъ небо и показываютъ свѣтъ и вѣчную истину. Жаръ Его прикосновенія и Его любви таковъ, что готовъ всецѣло пожрать насъ. Его прикосновеніе въ нашемъ духѣ кричитъ непрерывно: «Заплатите вашъ долгъ, любите любовь».

которая насъ возлюбила вѣчно». Отсюда рождаются великое внутреннее нетерпѣніе и покорность безъ видовъ. Ибо, чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ больше мы желаемъ любить, и чѣмъ больше мы платимъ то, чего любовь требуетъ отъ насъ, тѣмъ больше мы пребываемъ должниками любви. Любовь не умолкаетъ и вѣчно кричитъ: «Любите любовь». Это—битва, невѣдомая для чуждыхъ ей чувствъ. Любить и наслаждаться, это — работать и претерпѣвать. Богъ живетъ въ насъ своими благодатями. Онъ намъ преподаетъ, Онъ намъ совѣтуетъ, Онъ намъ предписываетъ любовь. Мы живемъ въ Немъ выше благодати и выше нашихъ дѣлъ, претерпѣвая и наслаждаясь. Въ насъ живутъ любовь, познаніе, созерцаніе и обладаніе, и выше нихъ — наслажденіе. Наше дѣло — любить Бога; наше наслажденіе—претерпѣвать сплетеніе любви.

«Между любовью и наслажденіемъ есть различіе, какъ между Богомъ и Его благодатью. Гдѣ мы привязаны любовью, мы—духи, а гдѣ она обнажаетъ насъ отъ нашего духа и гдѣ она насъ преобразуетъ своимъ духомъ, тамъ мы—наслажденіе. Духъ Божій насъ выдыхаетъ къ любви и добрымъ дѣламъ; и онъ насъ вдыхаетъ въ покой и наслажденіе, и вотъ вѣчная жизнь; подобно тому, какъ мы выдыхаемъ воздухъ, который въ насъ, и вдыхаемъ новый воздухъ, и въ этомъ-то и состоитъ наша смертная жизнь въ природѣ. И, хотя бы нашъ духъ былъ восхищенъ и дѣятельность его изнемогла въ наслажденіи и блаженствѣ, онъ всегда бы-

ваетъ обновленъ въ благодати, благоусти и добродѣтеляхъ. И поэтому вступить въ бездѣятельное наслажденіе, выйти въ добрыхъ дѣлахъ и всегда пребывать соединеннымъ съ Духомъ Божиимъ, вотъ то, что я люблю. Какъ мы открываемъ наши тѣлесныя глаза, какъ мы видимъ и какъ мы ихъ вновь закрываемъ столь быстро, что мы этого не замѣчаемъ; точно такъ же мы умираемъ въ Богѣ, живемъ внѣ Бога и всегда пребываемъ едино съ Нимъ».

Мы имѣемъ затѣмъ *Книгу семи замковъ*, названную Лаврентіемъ Суриусомъ: *De septem custodiis opusculum longe piissimum*. Она не безъ сходства съ *Замкомъ души* святой Терезы Авильской, равнымъ образомъ о семи обителяхъ, дверью къ которымъ служитъ молитва. Пустынникъ Суаньскаго лѣса посылаетъ это твореніе вмѣстѣ съ *Зеркаломъ вѣчнаго спасенія* «святой сестрѣ ордена клариссъ, Маргаритѣ Ванъ Меербеке, изъ брюссельскаго монастыря», и поэтому совѣты, которые онъ перебираетъ въ предисловіи, становятся болѣе цѣльны. Такъ онъ ее учитъ, какъ ей подойти къ окну приемной, набожно, погашая въ своихъ глазахъ лицо человѣка; учитъ радости скорби, и попеченію о больныхъ, съ блѣдными больничными совѣтами. Затѣмъ возвышаются семь духовныхъ замковъ святой Клары, двери которыхъ замыкаетъ божественная благодать, и ихъ не слѣдуетъ больше отворять, чтобы смотрѣть на улицы ея сердца. Послушайте слѣдующее, все о любви:

«И любящая душа не можетъ всецѣло отдаться Богу, ни всецѣло получить Бога, ибо

все, что она получаетъ, въ сравненіи съ тѣмъ, чего у нея недостаетъ, есть бездѣлица и считается за ни что, въ ея возбужденіи. И поэтому она взволнована и впадаетъ въ нетерпѣніе и неистовство любви, ибо она не можетъ ни обойтись безъ Бога, ни получить Его, ни достигъ Его дна ни Его вершины, ни слѣдовать за Нимъ, ни оставить Его. И вотъ тѣ духовные буря и бичъ, о которыхъ я вамъ говорилъ; ибо этихъ многообразныхъ грозъ и этихъ волненій, рождающихся по обѣ стороны любви, никакой языкъ не можетъ выразить. Ибо любовь дѣлаетъ человѣка то пылкимъ, то холоднымъ, то смѣлымъ, то боязливымъ, то радостнымъ то печальнымъ; она приноситъ ему боязнь, надежду, отчаяніе, слезы, жалобы, пѣсни, хвалы и безчисленные подобныя вещи. Вотъ, что претерпѣваютъ живущіе въ изступленіи любви, и, однако, это—жизнь самая внутренняя и самая полезная, какую только человѣкъ можетъ жить по своему виду.

Но тамъ, гдѣ видъ человѣка изнемогаетъ и не можетъ идти выше, начинается видъ Бога: это тотъ, гдѣ человѣкъ своими муками, любовью и своими неутоленными желаніями обвиваетъ Бога и не можетъ съ Нимъ соединиться; тогда приходитъ духъ нашего Господа, подобный бурному огню, который все въ себѣ сжигаетъ, поѣдаетъ и поглощаетъ, такъ что человѣкъ забываетъ всѣ свои дѣланія и забываетъ самого себя и чувствуетъ себя уже не иначе, какъ если бы онъ былъ духомъ и единой любовью съ Богомъ. Здѣсь умолкаютъ чувства и всѣ силы,

и онѣ бываютъ насыщены и успокоены; ибо родникъ божественныхъ доброты и изобилія все затопилъ, и каждый получилъ больше, чѣмъ онъ могъ желать.

«Затѣмъ идетъ третій видъ, который мы приписываемъ нашему небесному Отцу; это тотъ, гдѣ Онъ освобождаетъ память отъ формъ и образовъ и поднимаетъ голую мысль до ея источника, который есть Онъ самъ. Тамъ человекъ утверждёнъ въ своемъ началѣ, которое есть Богъ, и съ нимъ соединёнъ. И ему даны сила и свобода работать внутренно и внѣшне, посредствомъ всѣхъ добродѣтелей. И онъ получаетъ знаніе и разумѣніе во всѣхъ дѣланіяхъ по разуму. И онъ узнаетъ, какъ претерпѣвать внутреннее дѣйствіе Бога, и преображеніе божественныхъ видовъ выше разума, какъ уже было сказано. И выше всѣхъ божественныхъ видовъ онъ постигнетъ, тѣмъ же самымъ созерцаніемъ безъ видовъ, существо Бога безъ видовъ, которое есть отсутствіе видовъ. Ибо этого нельзя выразить ни словами, ни дѣлами, ни видами, ни знаками, ни уподобленіями, но это открывается самопроизвольно простодушному созерцанію мысли безъ образовъ.

«Но можно поставить по дорогѣ знаки и подобія, приготовляющіе человека увидѣть царство Бога. И вы вообразите это существо, подобное пламенѣнію безграничнаго огня, гдѣ все сожжено въ спокойномъ рдѣющемъ и недвижимомъ пожарѣ. Вотъ какова утолненная существенная любовь, которая есть наслажденіе Бога и всѣхъ святыхъ, выше всѣхъ ви-

довъ и выше всѣхъ дѣлъ и всѣхъ добродѣтелей. Эта любовь есть потокъ, безпредѣльный и успокоенный, богатствъ и радостей, гдѣ всѣ святыя поглощены съ Богомъ въ наслажденіи безъ видовъ. И это наслажденіе дико и пустынно, какъ блужданіе; ибо тамъ нѣтъ ни вида, ни дороги, ни тропинки, ни покоя, ни мѣры, ни конца, ни начала,—ничего, что можно бы выразить словами и показать. И это есть наше общее простое блаженство, эта божественная сущность,—и наша сверхсущность выше разума и безъ разума. Если мы хотимъ его испытать, нужно, чтобы нашъ духъ выступилъ въ него выше нашей сотворенной сущности, къ этому вѣчному центру, гдѣ кончаются и начинаются всѣ наши линіи. И въ этомъ центрѣ эти линіи теряютъ свое имя и всякое различіе и являются соединенными съ этимъ центромъ, и становятся тѣмъ самымъ единствомъ, которое есть самъ центръ, и, тѣмъ не менѣе, всегда пребываютъ сами по себѣ сходящимися линіями.

«Смотрите; такъ мы всегда будемъ пребывать тѣмъ, что мы есть въ нашей сотворенной сущности, и, однако, восхожденіемъ духа, мы непрестанно будемъ переходить въ нашу сверхсущность. Въ ней мы будемъ выше насъ самихъ, ниже насъ самихъ, по ту сторону нашей ширины, по ту сторону нашей длины, въ вѣчномъ блужденіи безъ возврата».

Я почти умолчу о небольшомъ сочиненіи *О четырехъ искушеніяхъ*, гдѣ рѣчь идетъ объ очень тонкихъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ

созерцателю и изъ которыхъ самая страшная—квіэтизмъ; но помимо нѣкоторыхъ открытій въ неизвѣстной психологіи молитвы, произведеніе, очень короткое, какъ я сказалъ, не предлагаетъ нашей душѣ ни одной вершины исключительной мощности.

Другое небольшое сочиненіе, почти такого же объема, то-есть десятка въ два страницъ, озаглавлено: *Книга высшей истины*, или Samuel у Суриуса, который прибавляетъ: qui alias de alta contemplatione dicitur, verius autem apoligice quorumdam sancti hujus viri dictorum sublimium inscribi possit. Но эта книга такъ удивительна, что ее слѣдовало бы перевести цѣликомъ; и я изъ нея теперь ничего не буду приводить, потому что она такъ же недѣлима, какъ та сущность, неустанное изліяніе которой она какъ бы отражаетъ въ своемъ единственномъ и ужасающемъ зеркалѣ.

Итакъ, я приступаю къ *Книгѣ царства любящихъ*, — самому странному и отвлеченному произведенію просвѣтленнаго отшельника Зеленой Долины. Въ серединѣ этой книги душа расширяется и пугается въ духовной и, безъ сомнѣнія, нормальной пустотѣ, вызывая для духа, который не слѣдуетъ за ней туда, какъ бы образъ колокола изъ абсолютно чернаго стекла, гдѣ нѣтъ больше ни воздуха ни образовъ и ничего, что можно было бы точно воспринимать, кромѣ развѣ звѣздъ, непрестанно вспыхивающихъ вокругъ исключенія всего, что не вѣчно.

Книга отправляется отъ слѣдующаго стиха Премудрости: *Justum deduxit per vias rectas et*

ostendit illi regnum Dei, и обнимаетъ три богословскихъ добродѣтели и семь даровъ Святого Духа. Перевожу немедленно и болѣе пространно, чѣмъ когда-либо.

Прежде всего, слѣдующій отрывокъ—о пустыняхъ сущности:

«Такъ какъ душа человѣка создана изъ ничего, которое Богъ не взялъ ниоткуда, человѣкъ послѣдовалъ за ничѣмъ, котораго нигдѣ нѣтъ, и онъ излился изъ своего я въ блужданія, погруженіемъ въ простую сущность Бога, какъ въ свой собственный источникъ, и онъ умеръ въ Богѣ. Умереть въ Богѣ, это значитъ быть блаженнымъ; и каждый по его заслугамъ, это значитъ быть весьма различными въ благодати и славѣ. А это блаженство, оно значитъ воспринять Бога и быть воспринятымъ Богомъ, въ наслаждающемся единствѣ божественныхъ лицъ, и перелиться этимъ единствомъ въ сверхсущественность Бога. Но поскольку это единство является наслаждающимся, въ обращеніи внутрь, и оплодотворяющимъ, въ обращеніи ко-внѣ, родникъ единства течетъ: то-есть Отецъ рождаетъ Сына, вѣчную истину, которая есть образъ Отца, гдѣ Онъ узнаетъ самого себя со всякой вещью. Этотъ образъ есть жизнь и причина всѣхъ тварей, ибо въ этомъ образѣ находится всякая вещь по божественному виду; по этому образу всякая вещь сдѣлана совершенно, и всякая вещь мудро устроена по этому образцу, и по смыслу образа всякая вещь приспособлена къ своей цѣли, поскольку принадлежитъ Богу ее приспособить, ибо каждая тварь

получила средства приобрести блаженство. Но разумная тварь не есть образъ Отца, по истеченію своего сотвореннаго вида, ибо она истекаетъ какъ тварь, и вотъ почему она знаетъ и любитъ съ мѣрою въ свѣтѣ благодати или славы. Ибо никто не обладаетъ дѣятельно божественной природой по божественному виду, кромѣ божественныхъ лицъ, такъ какъ никакая тварь не можетъ работать по какому-нибудь виду безъ мѣры, ибо, если она работаетъ такъ, она будетъ Богомъ, а не тварью. Своимъ образомъ Богъ сдѣлалъ твари подобными себѣ по природѣ, а тѣхъ, которыя обратились къ Нему, Онъ сдѣлалъ еще болѣе подобными, выше природы, въ свѣтѣ благодати или славы, каждую изъ нихъ, по мѣрѣ ея способности къ этому, по состоянію ея души или по ея заслугамъ. Теперь всѣ, которые испытываютъ внутреннее прикосновеніе, и которые имѣютъ просвѣтленный разумъ и нетерпѣніе любви, и которымъ явилось отсутствіе вида, имѣютъ наслаждающееся обращеніе внутрь, въ сверхсущественность Бога. Ибо Богъ привязанъ къ своей сущности въ наслажденіи и созерцаетъ ту самую сущность, которою Онъ наслаждается. По виду наслажденія, божественный свѣтъ непрерывно изнемогаетъ въ сущности безъ вида; но въ созерцаніи и сосредоточенности взглядовъ, видѣніе не можетъ потерпѣть неудачу, ибо всегда будутъ созерцать то, чѣмъ наслаждаются. Непрерывно изнемогающіе въ свѣтѣ это—тѣ, которые покоятся въ наслажденіяхъ среди пустынныхъ уединеній, гдѣ Богъ обладаетъ собой въ

наслажденіи; тамъ изнемогаетъ свѣтъ въ покоѣ и отсутствіи вида въ высочайшей сущности. Тамъ Богъ есть престолъ самаго себя и всѣ, обладающіе Богомъ въ благодати и славѣ на этой степені, суть престолы и скиніи Бога, и они умерли въ Богѣ въ вѣчномъ покоѣ.

«Отъ этой смерти, рождается сверхсущественная жизнь, то-есть жизнь созерцательная; и здѣсь начинается даръ разумѣнія. Ибо Богъ, непрерывно созерцая ту самую сущность, которой Онъ наслаждается, и даруя нетерпѣніе тамъ, гдѣ Онъ дѣлаетъ подобнымъ, даетъ точно такъ же покой и наслажденіе тамъ, гдѣ Онъ соединяетъ. Но гдѣ становятся едино въ сущности и въ погруженіи, тамъ нѣтъ больше ни даровъ ни принятій. И, даруя просвѣтленный разумъ тамъ, гдѣ дѣлаетъ подобнымъ, Онъ точно также даетъ безпредѣльный блескъ тамъ, гдѣ соединяетъ. Этотъ безпредѣльный блескъ есть образъ Отца. Мы сотворены по этому образу, и мы можемъ съ нимъ соединиться на высоту большую, чѣмъ престолы, лишь бы только мы созерцали, выше изнеможенія, славное лицо Отца, то-есть высокую природу божества. Но этотъ бездонный блескъ былъ данъ сообща всѣмъ духамъ, наслаждающимся въ благодати и славѣ. Такимъ образомъ онъ льется для всѣхъ, какъ блескъ солнца, и однако тѣ, которые его получаютъ, не всѣ одинаково просвѣщены. Солнце болѣе проникаетъ своимъ свѣтомъ стекло, чѣмъ камень, и кристаллъ болѣе, чѣмъ стекло, и каждый драгоценный камень сверкаетъ и являетъ свое

благородство и свое могущество и свой цвѣтъ въ свѣтѣ солнца. Точно такъ же, каждый бываетъ просвѣщенъ одновременно въ благодати и въ славѣ сообразно своей способности къ вышнему; но самый просвѣщенный въ благодати просвѣщенъ меньше, чѣмъ наименѣе просвѣщенный въ славѣ. Однако свѣтъ славы не есть посредникъ между душой и этимъ безпредѣльнымъ блескомъ; но насъ беспокоятъ наше состояніе, и время, и непостоянство, и поэтому мы приобретаемъ заслуги, а тѣ, которые находятся въ славѣ, не приобретаютъ ихъ вовсе.

«Этотъ высочайшій блескъ есть простодушное созерцаніе Отца и всѣхъ, которые созерцаютъ, наслаждаясь, и пристально смотрятъ въ единый непостижимый свѣтъ и при его посредствѣ, каждый сообразно степени просвѣщенности. Ибо бездонный свѣтъ свѣтитъ непрерывно во всѣхъ мысляхъ, но чловѣкъ, который живетъ здѣсь, во времени, часто давленъ образами, такъ что не всегда созерцаетъ дѣятельно и пристально сверхсущественность посредствомъ этого свѣта. Но онъ владелъ имъ въ возможности, принимая этотъ даръ, и онъ можетъ созерцать, когда этого захочетъ. Такъ какъ свѣтъ, посредствомъ котораго созерцаютъ, безпредѣленъ, а то, что созерцаютъ, бездонно, то одно никогда не можетъ достигъ другого; но сосредоточенное вниманіе и созерцаніе вѣчно пребываютъ въ отсутствіи вида, въ наслаждающемся лицезрѣніи верховнаго Величества, гдѣ Отецъ вѣчною мудростью созерцаетъ пристально бездну своей сущности въ ея видѣ».

Значительная часть книги *Царства любящихъ* написана необычными стихами. Ритмъ тройной и душно монотонный, приблизительно напоминающій ритмъ *Stabat Mater*; только третій стихъ каждый строфы повторяетъ одну и ту же риѣму на протяжении всего произведенія и всегда опирается на абстракцію, изъ которой возникаютъ два предыдущихъ стиха, какъ парные цвѣты безпокойства и сумрака. Можно вообразить себѣ эту музыку въ пустотѣ, вокругъ внутренняго видѣнія дѣвъ Мемлинга, въ то время какъ ихъ тайныя чувства, ихъ лицо и ихъ маленькія руки сливаются въ экстазѣ; но, къ несчастью, переводъ не можетъ возстановить здѣсь этотъ вкусъ мрака и хлѣба, обмокнутаго въ ночь, ни удержать образа этого впечатлѣнія тьмы, освѣщенной слезами, льда, пронзеннаго раскаленнымъ желѣзомъ, и гнета безъ горизонта; поэтому я перевожу только одну изъ этихъ мрачныхъ поэмъ. Рѣчь идетъ о дарѣ разумѣнія:

Чтобы этотъ даръ просвѣтилъ его,
 Онъ долженъ переступить себя,
 Въ сверхсущественность.
 Сіяніе безъ мѣры,
 Его онъ восприметъ тамъ
 Въ глубокой простотѣ.
 Свѣтъ истины
 Будетъ литься сквозь него,
 И онъ весь исчезнетъ въ немъ.
 Этотъ всеобщій свѣтъ
 Сіяетъ на тѣхъ, кто чисты,
 И просвѣщаетъ ихъ по ихъ заслугамъ.
 Тогда они могутъ видѣть
 И совершать, не щадя себя,
 Образъ наслажденія.

Всегда созерцають
То, чѣмъ наслаждаются, съ довѣріемъ,
Вдали въ утратѣ.

Возлюбленный ушелъ очевь далеко.
Что всегда заставляетъ простираť взоры
Къ верховному блаженству.

Однако, онъ достигнуть;
И возлюбленный обладаетъ возлюбленной,
Въ пустыняхъ единства.

Мы будемъ пребывать такъ,
Порываясь въ теченіе всей нашей жизни
Къ высокой безднѣ.

Слѣдовало бы перевести еще не мало мѣстъ изъ этой исключительной книги, но пора ее, наконецъ, закрыть, и я ограничиваюсь слѣдующей главой, озаглавленной: О дарѣ вкусной мудрости.

«Седьмой божественный даръ есть даръ вкусной мудрости. Онъ даруется на вершинѣ обращенія внутрь и проникаетъ разумѣніе и волю, сообразно ихъ обращенію внутрь, въ безусловное. Этотъ вкусъ бездоненъ и безмѣренъ и течетъ внутренно, направляясь ко-внѣ, и наполяетъ тѣло и душу (соразмѣрно ихъ способности принимать), вплоть до чувства самага внутренняго, то-есть до тѣлеснаго чувствованія. Другія чувства, какъ зрѣніе и слухъ, получаютъ свою радость во-внѣ, въ чудесахъ, сотворенныхъ Богомъ во славу себѣ и для нуждъ человѣка. Этотъ непостижимый вкусъ, выше духа, и въ обширности души, безмѣренъ, и это—Духъ Святой, непостижимая любовь Отца. Ниже духа, чувствованію дана мѣра. Но такъ какъ силы постоянны, онѣ все наводняютъ.

Ибо Отецъ вѣчности одѣлъ обращенный внутрь духъ, наслажденіемъ въ единствѣ, и постиженіемъ активнымъ и пассивнымъ въ утратѣ себя, и этотъ духъ дѣлается, такимъ образомъ, престоломъ и покоемъ Бога; и Сынъ, вѣчная истина, одѣлъ своимъ собственнымъ свѣтомъ обращенное внутрь разумѣніе, чтобы созерцать образъ наслажденія. И теперь Духъ Святой хочетъ одѣть обращенную внутрь волю и пребывающее единство силою, чтобы душа вкушала, знала и чувствовала, настолько Богъ великъ. Этотъ вкусъ такъ безмѣренъ, что душа воображаетъ, что небо, земля и все находящееся въ нихъ должны раствориться и уничтожиться въ этомъ безмѣрномъ вкусѣ. Эти наслажденія — сверху и снизу, внутри и во-внѣ, и они облекли и насытили совершенно царство души. Тогда разумѣніе взираетъ на простоту, откуда истекаютъ всѣ эти наслажденія. Отсюда рождается вниманіе просвѣтленнаго разума. Онъ хорошо знаетъ, однако, что безсиленъ познать эти непостижимыя наслажденія, ибо онъ наблюдаетъ посредствомъ свѣта сотвореннаго, между тѣмъ какъ эта радость безмѣрна. Поэтому разумъ изнемогаетъ въ своемъ вниманіи; но разумѣніе, преобразенное этимъ безпредѣльнымъ блескомъ, непрерывно созерцаетъ непостижимую радость блаженства».

Намъ остается сказать два слова о различныхъ переводахъ твореній Рэйсбрука. Двадцать лѣтъ назадъ, Эрнестъ Гелло издалъ небольшой томъ, въ которомъ соединилъ подъ болѣе или менѣе произвольными заглавіями раз-

личные мѣста изъ нашего автора, переведенныя съ латинскаго перевода, сдѣланнаго въ XVI-мъ столѣтїи картезіанцемъ изъ Кельна, Лаврентіемъ Суріусомъ.

Этотъ переводъ Суріуса, красивой и утонченной латынью, добросовѣстно и превосходно вскрываетъ смыслъ подлинника; но неувѣренный, растянутый и ослабленный, онъ начинаетъ походить на отдаленный образъ, видимый черезъ нечистыя оконныя стекла, когда разсматриваешь причудливыя цвѣта фламандскаго примитива. Тамъ, гдѣ авторъ употребляетъ одно слово, онъ обычно ставитъ два или три и затѣмъ, не успокоившись, очень часто еще перефразируетъ то, что онъ уже пространно перевелъ. У отшельника есть вопли любви, столь непомѣрные, что они иногда походятъ на богохульства; Суріусъ ихъ боится и говоритъ другое. Порою престарѣлый пустынный бросаетъ еще взглядъ на внѣшній міръ и ищетъ образъ, чтобы говорить о Богѣ, въ саду, въ кухнѣ или въ звѣздахъ. Суріусъ не всегда осмѣливается слѣдовать за нимъ и старается ослабить или доставляетъ себѣ удовольствіе облагородить ихъ.

«—Онъ ускользаетъ отъ меня, какъ бродяга,—

говоритъ объ Иисусѣ одна изъ фламандскихъ бегинокъ, и другія прибавляютъ:

Я пирую вмѣстѣ съ Иисусомъ.
 Онъ мой и я Его.
 Онъ меня расходуетъ ночью и днемъ,
 Онъ укралъ мое сердце;
 Я поглощена Его ртомъ.
 Мнѣ нечего дѣлать во-внѣ!

Въ другомъ мѣстѣ Богъ говоритъ человѣку:

Я хочу быть твоей пищей,
 Твоимъ хозяиномъ и твоимъ поваромъ,
 Моя плоть хорошо поджарена
 На крестѣ изъ жалости къ тебѣ.
 Мы будемъ ѣсть и пить вмѣстѣ.

Переводчикъ испуганъ и превращаетъ эти необычайные порывы въ блѣдныя изъясненія. Дикій и наивный обликъ и безмѣрная и безыскусственная любовь подлинника чаще всего исчезаютъ въ мудрой, корректной, обильной и однообразной монастырской фразеологiи, хотя внутренняя точность всегда остается безукоризненной. Отрывки изъ этого-то перевода перевелъ, въ свою очередь, Эрнестъ Гелло, или, скорѣе, онъ соединилъ въ произвольныя главы отдѣльныя фразы, взятыя изъ различныхъ мѣстъ произведеній и искаженные двойнымъ переводомъ, и составилъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ набора отрывковъ, превосходнаго, почти непрерывнаго, но въ которомъ, несмотря на свои розыски, я нашелъ не больше трехъ или четырехъ мѣстъ, воспроизведенныхъ почти въ неприкосновенности.

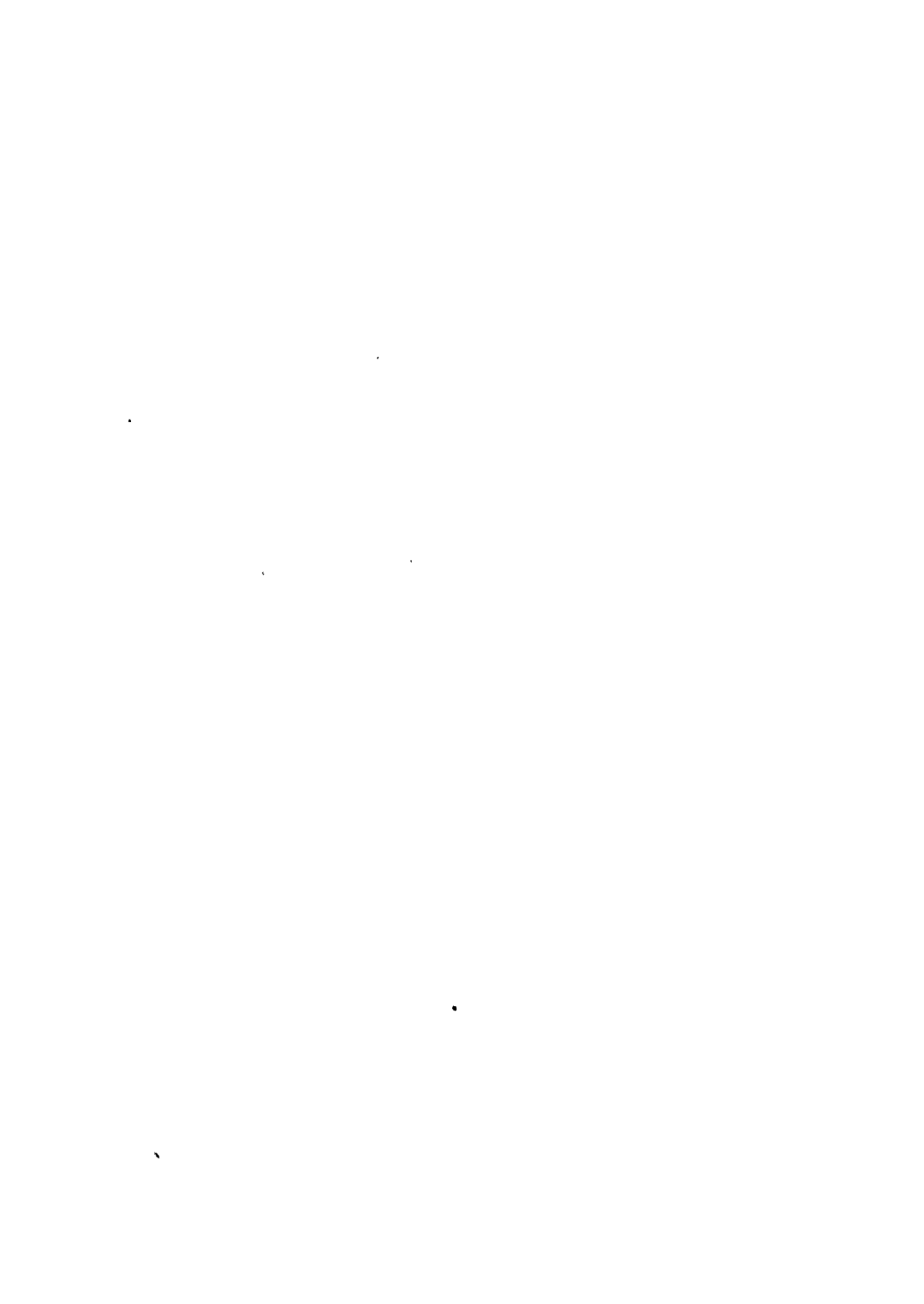
Что касается настоящаго перевода, то онъ не имѣетъ другихъ достоинствъ, кромѣ самой буквальной точности. Можетъ быть, было бы возможно сдѣлать его, если не болѣе изящнымъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе отчетливымъ, и немного исправить произведение съ точки зрѣнiя теологической и метафизической терминологiи. Но мнѣ казалось менѣе опаснымъ и болѣе достойнымъ и честнымъ почти

слѣпо держаться точности, слово въ слово. Я воздержался также отъ неизбѣжныхъ искушений поддаться соблазну невѣрныхъ великолѣпій, ибо безпрестанно духъ престарѣлаго монаха касается странныхъ красотъ, которыхъ его благоразуміе не пробуждаетъ къ жизни, и всѣ его пути населены удивительными спящими грезами, сонъ которыхъ его смиреніе не осмѣлилось смутить.

РЭЙСБРУКЪ УДИВИТЕЛЬНЫЙ.

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ ОДѢЯНІЕ ДУХОВНАГО БРАКА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Ecce sponsus venit, exite obviam ei.

«Вотъ женихъ идетъ, выходите навстрѣчу Предисло-его». Святой евангелистъ Матѳеѳей написалъ эти віе. слова и Христосъ сказалъ ихъ своимъ ученикамъ и всѣмъ людямъ въ притчѣ о дѣвахъ. Этотъ женихъ есть Христосъ, а человѣческая природа — невѣста, которую Богъ сотворилъ по своему образу и подобію. Онъ помѣстилъ ее сначала въ мѣстѣ самомъ возвышенномъ, самомъ красивомъ, самомъ богатомъ и самомъ плодоносномъ на всей землѣ; это былъ рай. И Онъ подчинилъ ей всѣхъ тварей и украсилъ ее дарами благодати и далъ ей запрещеніе, чтобы послушаніемъ она могла удостоиться быть утвержденной въ вѣчномъ союзѣ со своимъ женихомъ и никогда больше не впадать въ какую-либо скорбь или грѣхъ.

Тогда пришелъ обманщикъ, врагъ адскій и завистливый, подъ видомъ лукаваго змѣя; и

онъ обманулъ жену, а вдвоемъ они обманули мужа, который обладалъ сущностью природы. И врагъ ограбилъ природу, невѣсту Бога, посредствомъ своихъ лживыхъ совѣтовъ, и она была выгнана въ землю чужую; бѣдная и жалкая, плѣненная и подавленная, преслѣдуемая своими врагами, какъ-будто она никогда уже не должна была вернуться въ свое отечество, къ прощенію.

Но когда Богъ рѣшилъ, что времена настали, и страданія Его возлюбленной тронули Его, Онъ послалъ единственнаго Своего Сына на землю, въ великолѣпный чертогъ и славный храмъ, то-есть въ тѣло Дѣвы Маріи. Тамъ Онъ вступилъ въ бракъ со своею невѣстой, нашей природой, и соединилъ ее съ Собою посредствомъ чистѣйшей крови благородной Дѣвы. Священникъ, соединившій жениха и невѣсту, былъ Духъ Святой; ангелъ Гавріиль возвѣстилъ о бракѣ, и славная Дѣва дала свое согласіе. Такъ Христось, нашъ вѣрный женихъ, соединилъ нашу природу со Своей и посѣтилъ насъ на чужой землѣ и научилъ насъ небеснымъ правамъ и совершенной вѣрности. И Онъ дѣятельно трудился, и воевалъ какъ подвижникъ противъ нашего врага, и разрушилъ темницу, и одержалъ побѣду, и Его смерть умертвила нашу смерть, и Его кровь избавила насъ, и Онъ освободилъ насъ крещеніемъ въ своихъ животворныхъ водахъ, и Онъ обогатилъ насъ своими таинствами и своими дарами, чтобъ мы вышли (какъ Онъ сказалъ), украшенные всѣми добродѣтелями, и встрѣтили Его

въ чертогѣ славы, чтобы наслаждаться Имъ самимъ въ теченіе вѣчности.

Теперь учитель истины, Христосъ, говоритъ:

«Смотрите, женихъ идетъ, выходите навстрѣчу его». Въ этихъ словахъ Иисусъ, нашъ возлюбленный, учитъ насъ четыремъ вещамъ. Въ первомъ словѣ Онъ даетъ приказаніе, ибо Онъ говоритъ: Смотрите. Тѣ, которые остаются слѣпыми, и тѣ, которые пренебрегаютъ этимъ приказаніемъ, осуждены безъ исключенія. Далѣе, Онъ указываетъ намъ, что именно мы увидимъ, то-есть приходъ жениха, въ словахъ: Женихъ идетъ. Въ-третьихъ Онъ учитъ насъ и приказываетъ, что надо дѣлать, ибо Онъ говоритъ: Выходите. Въ-четвертыхъ, говоря: Навстрѣчу его, Онъ указываетъ награду за всѣ наши дѣла и за всю нашу жизнь, любовную встрѣчу Жениха.

Эти слова мы будемъ толковать и изслѣдовать тремя способами. Во-первыхъ, по обыкновенному способу жизни начинательной, то-есть дѣятельной, необходимой для всѣхъ людей, которые хотятъ быть спасены. Во-вторыхъ, мы будемъ изслѣдовать эти слова, примѣняя ихъ къ жизни внутренней, возвышенной и полной желанія, которой многіе люди достигаютъ посредствомъ добродѣтелей и благодати Бога. Въ-третьихъ, мы будемъ изъяснять эти слова, примѣняя ихъ къ жизни сверхъестественной и созерцательной, которой немногіе люди достигаютъ и могутъ вкушать, по причинѣ крайней высоты этой жизни.

Глава I.
Здѣсь на-
чинается
жизнь дѣ-
ятельная.

Христось, премудрость Отца, отъ временъ Адама, сказалъ и говоритъ еще (внутренно по своей божественности) всѣмъ людямъ: Смотри те, и это видѣніе необходимо. Теперь замѣтимъ внимательно, что тому, кто желаетъ видѣть тѣлесно или духовно, необходимы три вещи.

Во-первыхъ, чтобы человѣкъ могъ видѣть во-внѣ, онъ долженъ имѣть внѣшній свѣтъ неба, или другой матеріальный свѣтъ, чтобы среда, то-есть воздухъ, черезъ который онъ видитъ, былъ освѣщенъ. Во-вторыхъ, ему необходима воля, чтобы позволить вещамъ, которыя онъ увидитъ, отражаться въ его глазахъ. Въ-третьихъ, орудія, глаза, должны быть здоровы и безъ изъяна, чтобы матеріальные и грубые предметы могли въ нихъ отражаться нѣжно. Если человѣку недостаетъ одного изъ этихъ трехъ условий, его тѣлесное зрѣніе прекращается. Мы больше не будемъ говорить объ этомъ зрѣніи, но о другомъ духовномъ и сверхъестественномъ, въ которомъ все наше блаженство.

Три вещи необходимы для зрѣнія духовнаго и сверхъестественнаго. Прежде всего—свѣтъ божественной благодати, затѣмъ—свободное обращеніе воли къ Богу, наконецъ—совѣсть, чистая отъ всякаго смертнаго грѣха.

Теперь замѣтьте же: Богъ, поскольку Онъ всеобщее благо, и поскольку всеобща его безграничная любовь, даруетъ двойную благодать: благодать предваряющую и благодать, чрезъ которую удостоиваются вѣчной жизни. Всѣ

люди, язычники и іудеи, хорошіе и дурные, участвуютъ въ обладаніи предвѣряющей благодати. По причинѣ всеобщей любви Бога ко всѣмъ людямъ, Онъ далъ проповѣдать и возвѣстити свое имя и избавленіе человѣческой природы, до предѣловъ земли. Кто хочетъ обратиться, можетъ. Всѣ таинства, крещеніе и всѣ другія, предназначены для всѣхъ людей, желающихъ получить ихъ по своимъ нуждамъ. Ибо Богъ хочетъ всѣхъ спасти и никого не хочетъ погубить. Ибо въ день суда никто не сможетъ пожаловаться, что для него недостаточно было сдѣлано, если онъ и хотѣлъ обратиться. Итакъ, Богъ есть всеобщіе свѣтъ и сіяніе, которые освѣщаютъ небо и землю, и людей по ихъ заслугамъ и нуждамъ.

Но, хотя Богъ и всеобщъ, и хотя солнце свѣтитъ на всѣ деревья, однако много деревьевъ остается безъ плода, а иныя приносятъ плоды дикіе, бесполезные для людей. Поэтому подрѣзаютъ эти деревья и прививаютъ имъ плодоносныя вѣтви, чтобы они приносили хорошіе плоды, вкусные и полезные для людей.

Плодоносная вѣтвь, происходящая изъ живого рая вѣчнаго царства, это—свѣтъ божественной благодати. Никакое дѣло не можетъ быть вкуснымъ, ни полезнымъ для человѣка, если оно не происходитъ отъ этой вѣтви. Эта вѣтвь божественной благодати, которая дѣлаетъ человѣка угоднымъ, и чрезъ которую удостоиваются вѣчной жизни, предоставлена всѣмъ. Но она не привита всѣмъ людямъ, такъ какъ они не хотятъ подрѣзать дикія вѣтви своихъ де-

ревьевъ, то-есть невѣріе или превратную и не повинующуюся заповѣдямъ Бога волю.

Но, чтобы эта вѣтвь божественной благодати была посажена въ нашей душѣ, необходимо требуются три вещи: предваряющая благодать Бога, обращеніе свободной воли и очищеніе совѣсти. Предваряющая благодать касается всѣхъ людей, ибо Богъ даетъ ее всѣмъ; но свободное обращеніе и очищеніе совѣсти совершаются не всѣми людьми, и вотъ почему имъ недостаетъ благодати Бога, которою они могли бы заслужить вѣчную жизнь.

Предваряющая благодать Бога касается людей внутренно или внѣшне. Внѣшне—посредствомъ болѣзней или утраты внѣшнихъ благъ, родителей, друзей, или посредствомъ общественнаго позора, или когда человѣкъ бываетъ растроганъ проповѣдью, примѣрами святыхъ или праведниковъ, ихъ словами или ихъ дѣлами, такъ что приходитъ къ познанію себя. Это—прикосновеніе Бога извнѣ.

Иногда также человѣкъ испытываетъ прикосновеніе изнутри, вспоминая о мученіяхъ и скорбяхъ нашего Господа и о добрѣ, которое Богъ сдѣлалъ ему и всѣмъ людямъ; или размышляя о своихъ грѣхахъ, о краткости жизни, размышляя о смерти и объ адѣ, о вѣчныхъ мукахъ ада и о вѣчной радости неба; или потому что Богъ пощадилъ его въ его грѣхахъ и дождался его обращенія; или онъ достаточно ясно видитъ удивительныя дѣла Бога на небесахъ, на землѣ и во всѣхъ тваряхъ. Это суть дѣла божественной благодати

предваряющей, которыя касаются чело­вѣка вну­тренно и внѣшне и различными способами. И чело­вѣкъ имѣетъ еще естественную наклон­ность къ Богу, происходящую отъ искры его души и отъ высшаго разума, который всегда желаетъ добра и ненавидитъ зло. Но, тремя этими способами, Богъ касается всякаго чело­вѣка, сообразно его потребностямъ, и каждого, какъ это нужно, такъ что чело­вѣкъ бываетъ пораженъ, предупрежденъ, устрaшенъ, и рѣ­шаетъ про себя размыслить о себѣ самомъ. Все это еще благодать предваряющая, а не за­служенная, и она приготовляетъ къ принятію другой, чрезъ которую удостоиваются вѣчной жизни, когда душа, такимъ образомъ, свободна отъ дурныхъ желаній и дурныхъ дѣлъ, предо­стережена, поражена, въ страхѣ о томъ, что ей нужно дѣлать, и размышляетъ о Богѣ и размышляетъ о себѣ самой со своими дурны­ми дѣлами. Отсюда происходятъ естественная скорбь о своихъ грѣхахъ и естественная добрая воля. Это и есть высшее дѣйствіе предваряю­щей благодати.

Когда чело­вѣкъ дѣлаетъ то, что онъ можетъ, и когда дальше онъ не можетъ идти вслѣд­ствіе своей слабости, то уже безконечная до­брота Бога должна довершить это дѣло. Тогда является болѣе высокое сіяніе благодати Бога, подобное лучу солнца, и оно проливается въ душу сообразно заслугамъ, хотя бы тотъ свѣтъ не былъ ни заслуженъ, ни возжаданъ. Въ этомъ свѣтѣ Богъ даруетъ самого себя, по свободной добротѣ и щедрости, и никто не мо­

жетъ заслужить его, прежде чѣмъ получить. И это, въ душѣ, есть внутреннее и таинственное дѣйствіе Бога, выше времени, и оно приводитъ въ движеніе душу и всѣ наши силы. Тутъ кончается благодать предваряющая и начинается другая, то-есть сверхъестественный свѣтъ.

Этотъ свѣтъ есть первое требуемое условіе, и отсюда рождается второе духовное условіе, то-есть свободное обращеніе воли въ одно изъ мгновеній этого времени, и тогда рождается любовь въ союзѣ Бога и души. Оба эти условія находятся во взаимной связи, такъ что одно не можетъ быть выполнено безъ другого. Тамъ, гдѣ Богъ и душа соединяются въ единствѣ любви, Богъ даруетъ свой свѣтъ выше времени, а душа даетъ свое свободное обращеніе силою благодати, въ краткое мгновеніе времени, и благодать рождается тогда въ душѣ, отъ Бога и отъ души, ибо благодать есть союзъ любви между Богомъ и влюбленной душой.

Отъ этихъ двухъ, то-есть отъ благодати Бога и отъ свободнаго обращенія воли, просвѣщенной благодатью, рождается благодать, то-есть божественная любовь. И отъ божественной любви происходитъ третье условіе, очищеніе совѣсти. И эти три находятся во взаимной связи, такъ что одно не можетъ существовать долго безъ другого, ибо какъ только кто-нибудь имѣетъ божественную любовь, онъ имѣетъ и совершенное сокрушеніе о своихъ грѣхахъ.

Здѣсь можно, однако, уразумѣть расположеніе Бога и тварей, какъ оно показано въ этомъ

мѣстѣ. Ибо Богъ даетъ свой свѣтъ, и при посредствѣ этого свѣта человѣкъ даетъ свое добровольное и совершенное обращеніе. Отъ нихъ двухъ рождается совершенная любовь къ Богу, а отъ любви рождается совершенное сокрушеніе и очищеніе совѣсти. И это совершается въ размышленіи о грѣхахъ и порокахъ души; и такъ какъ человѣкъ любитъ Бога, въ него входитъ презрѣніе къ себѣ и ко всѣмъ своимъ дѣламъ.

Вотъ порядокъ обращенія. Отсюда рождаются истинное раскаяніе и совершенная скорбь о сдѣланномъ злѣ, и горячее желаніе никогда больше не грѣшить и служить Богу впредь въ смиренномъ повиновеніи; отсюда рождается чистосердечное исповѣданіе, безъ утайки, безъ двоедушія и безъ притворства, и желаніе угодить Богу, согласно просвѣщенному совѣту священника, и взяться за исполненіе всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ добрыхъ дѣлъ. Эти три вещи, какъ вы только что слышали, необходимы для божественнаго видѣнія. Если вы ими обладаете, Христосъ говоритъ въ васъ: Смотрите, и вы становитесь дѣйствительно видящими.

Вотъ это первое изъ четырехъ указаній, въ которомъ Христосъ, нашъ Господь, говоритъ: Смотрите.

Затѣмъ Онъ указываетъ намъ, что именно мы увидимъ, когда говоритъ: Женихъ идетъ. Христосъ, нашъ женихъ, говоритъ это по-латыни: Venit. Это слово заключаетъ указаніе на два

Глава II.
Какъ мы будемъ наблюдать при-

шествіе Христа тремя способами. времени, прошедшее и настоящее, а между тѣмъ, оно обозначаетъ здѣсь будущее.

Поэтому мы будемъ считать три пришествія нашего жениха Иисуса Христа. Въ своемъ первомъ пришествіи Онъ сдѣлался человѣкомъ изъ любви къ человѣку. Другое пришествіе повседневно и часто во всѣхъ любящихъ сердцахъ, съ новыми милостями и новыми дарами, сообразно тому, что человѣкъ способенъ принять. Въ третьемъ мы наблюдаемъ прибытіе на судъ или въ часъ смерти. Во всѣхъ этихъ пришествіяхъ нужно замѣтить три вещи: причину и основаніе, внутренней образъ и внѣшнее дѣйствіе.

Причина сотворенія ангеловъ и людей есть безконечныя доброта и величіе Бога. Онъ пожелалъ, чтобъ изобиліе и блаженство, которыя суть Онъ, были открыты разумнымъ тварямъ, чтобы онѣ могли наслаждаться ими во времени, и надъ временемъ въ вѣчности.

Основаніе, по которому Богъ сдѣлался человѣкомъ, есть Его непостижимая любовь и бѣдственное положеніе всѣхъ людей, погибшихъ послѣ паденія въ первородный грѣхъ, и не могушихъ больше подняться.

Но основаніе, почему Христосъ, по своей божественности и своей человѣчности, совершилъ свои дѣла на землѣ, четверное. А именно: Его божественная любовь, которая безмѣрна. Любовь сотворенная, которая называется благодію, и которую Онъ имѣлъ въ своей душѣ черезъ соединеніе вѣчнаго Слова и совершенныхъ даровъ Его Отца. Наконецъ, великое бѣдствіе человѣческой природы и слава Его

Отца. Таковы основанія прихода Христа, нашего жениха, и всѣхъ Его дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Теперь намъ нужно рассмотреть въ Иисусѣ Христѣ, нашемъ женихѣ, если мы хотимъ, по мѣрѣ силъ, слѣдовать Ему въ добродѣтеляхъ, образъ, который Онъ имѣлъ внутри, и дѣла, которыя онъ совершилъ во-внѣ, ибо это суть добродѣтели и дѣла добродѣтелей.

Видъ, который Онъ имѣлъ по своей божественности, для насъ недостижимъ и непостижимъ, ибо это тотъ видъ, по которому Онъ безъ перерыва рожденъ отъ Отца, и по которому Отецъ въ Немъ, и черезъ Него, знаетъ и творитъ все, и располагаетъ и управляетъ всякой вещью на небѣ и на землѣ; ибо Онъ—премудрость Отца, и Они изливаютъ духовно Духъ, то-есть любовь, которая есть ихъ связь, а также связь всѣхъ святыхъ и всѣхъ праведниковъ, на небѣ и на землѣ. Мы больше не будемъ говорить объ этомъ видѣ, но о томъ созданномъ, который Онъ имѣлъ по этимъ божественнымъ дарамъ и по своей человѣчности. Эти виды необычайно многообразны, ибо сколько Христосъ имѣлъ внутреннихъ добродѣтелей, столько Онъ имѣлъ и видовъ; ибо каждая добродѣтель соотвѣтствуетъ опредѣленному виду. Эти добродѣтели и эти виды были въ душѣ Христа выше разумнiя и выше постиженiя всѣхъ тварей. Но мы беремъ ихъ три, а именно: смиренiе, благость и страданiе, внутреннее и внѣшнее, въ терпѣнiи. Это—три главныхъ корня и три начала всѣхъ добродѣтелей и всякаго совершенства.

Глава III. Теперь поймите: мы находимъ два рода смиренія у Иисуса Христа, по Его божественности.

О двухъ родахъ смиренія у Иисуса Христа.

Во-первыхъ, Онъ пожелалъ стать человѣкомъ; и эту природу, которая была изгнана и проклята до глубины ада, Онъ принялъ по своей личности и пожелалъ соединиться съ ней. Такъ что каждый человѣкъ, хорошій или дурной, можетъ сказать: Иисусъ Христосъ, сынъ Божій,—мой братъ.

Во-вторыхъ, Онъ избралъ въ матери бѣдную дѣву, а не дочь короля, такъ что эта бѣдная дѣва стала матерью Бога, который есть единый Господь неба и земли и всѣхъ тварей. Затѣмъ обо всѣхъ дѣлахъ смиренія, когда либо совершенныхъ Христомъ, можно сказать, что ихъ совершилъ Богъ.

Теперь обратимъ вниманіе на смиреніе, которое было у Иисуса Христа по Его человѣчности и въ силу благодати и божественныхъ даровъ; согласно этому смиренію Его душа преклонялась, отъ всего своего могущества, въ почитаніи и благоговѣніи, передъ высокимъ могуществомъ Отца. Ибо сердце преклоненное есть сердце смиренное. Поэтому Онъ всѣ свои дѣла совершалъ во славу и хвалу своего Отца, и не искалъ ни въ чемъ славы себѣ по своей человѣчности.

Онъ былъ смирененъ и покоренъ древнему закону и заповѣдямъ, и нерѣдко обычаемъ, когда это было полезно. И поэтому Онъ былъ обрѣзанъ, и отнесенъ во храмъ, и, по обычаю, выкупленъ, и платилъ подать Цезарю, какъ

другіе евреи. И Онъ былъ смиренно послушенъ своей матери и Іосифу, и поэтому служилъ имъ съ чистосердечнымъ почтеніемъ, сообразно ихъ нуждамъ. Онъ выбралъ въ друзья бѣдныхъ и презираемыхъ, чтобы обратить вселенную. Это были апостолы. И Онъ былъ смирененъ и покоренъ среди нихъ и среди всѣхъ людей. И поэтому Онъ былъ къ услугамъ всѣхъ людей, въ какомъ бы бѣдствіи они ни были, внутреннемъ или внѣшнемъ, какъ служитель вселенной. Вотъ что мы прежде всего находимъ въ Іисусѣ Христѣ, нашемъ женихѣ.

Далѣе слѣдовала благодать, начало и источникъ всѣхъ добродѣтелей. Эта благодать поддерживала высшія силы Его души въ спокойствіи и въ наслажденіи тѣмъ самымъ блаженствомъ, какимъ Онъ наслаждается и теперь. Эта же самая благодать держала Его постоянно вознесеннымъ къ Его Отцу, съ благоговѣніемъ, любовью, хвалами, уваженіемъ, съ внутренними молитвами о нуждахъ всѣхъ людей, и съ приношеніемъ всѣхъ своихъ дѣлъ къ прославленію своего Отца.

И эта же самая благодать заставляла еще Христа изливаться съ любовью, довѣрчивостью, добротою, ко всѣмъ человѣческимъ нуждамъ, тѣлеснымъ и духовнымъ. И поэтому своей жизнью Онъ далъ всѣмъ людямъ образецъ, по которому они будутъ жить. Онъ питалъ духовно всѣхъ людей, къ тому расположенныхъ, посредствомъ истинныхъ и глубокихъ наставленій, и посредствомъ чудесъ, внѣшнихъ для

Глава IV.

О второмъ видѣ, благодати, съ украшеніемъ всѣми добродѣтелями.

чувствъ, и посредствомъ знаменій. И иногда Онъ питалъ ихъ также пищею тѣлесной, когда они слѣдовали за нимъ въ пустыни и нуждались. Онъ дѣлалъ такъ, что глухіе слышали, хромые ходили, слѣпые видѣли, нѣмые говорили, и Онъ изгонялъ врага изъ человѣческаго тѣла. Онъ воскрешалъ мертвыхъ; это надо понимать и въ тѣлесномъ, и въ духовномъ смыслѣ. Иисусъ Христосъ, нашъ возлюбленный, передѣлалъ насъ внутренно и внѣшне въ истинной вѣрности. Мы не можемъ постичь Его благодати до дна, ибо она изливалась изъ неизслѣдимыхъ источниковъ Духа Святого, превыше всѣхъ тварей, получавшихъ когда-либо благодать, ибо Онъ былъ Богъ и человѣкъ въ одномъ лицѣ. Вотъ вторая черта, благодать.

Глава V. Третья черта, это—страданіе въ терпѣніи. Мы рассмотримъ ее внимательно, ибо она есть то, что украшаетъ Христа, нашего жениха, въ продолженіе всей Его жизни. Ибо Онъ началъ страдать уже рано, когда родился; это была бѣдность и холодъ. Онъ былъ обрѣзанъ и пролилъ свою кровь. Онъ долженъ былъ бѣжать въ чужія страны. Онъ служилъ господину Іосифу и своей матери, Онъ терпѣлъ голодъ и жажду, безчестіе и презрѣніе, и ругательства и безчинства евреевъ. Онъ постился, не спалъ ночей и былъ искушаемъ врагомъ. Онъ былъ покоренъ всѣмъ людямъ, ходилъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, въ тяжкомъ трудѣ и исполненный рвенія, проповѣдывать евангеліе.

О третьемъ видѣ добродѣтели съ терпѣніемъ до смерти.

Наконецъ, Онъ былъ взятъ евреями, которые были Его врагами и которыхъ Онъ любилъ. Онъ былъ преданъ, осмѣянъ, обруганъ, терпѣлъ бичеваніе, удары и былъ осужденъ по ложнымъ свидѣтельствамъ. Онъ несъ свой крестъ съ великой болью въ верховномъ городѣ. Онъ былъ раздѣтъ до-нага, какъ при своемъ рожденіи (и никогда не видѣли тѣла такого прекраснаго, ни матери такой несчастной). Онъ терпѣлъ безчестія, боль, холодъ передъ всѣми (ибо онъ былъ нагъ, и было холодно, и Его волосы, развѣваясь, били по ранамъ). Онъ былъ прибитъ къ дереву креста посредствомъ толстыхъ гвоздей, и вытянуть до того, что разрывались жилы. Его приподнимали и встряхивали на крестѣ, чтобы заставить Его раны точить кровь; Его голова была увѣнчана терніями, и его уши слышали яростные крики евреевъ: распни его! распни его! и много другихъ недостойныхъ словъ. Его глаза видѣли упорство и злобу евреевъ и скорбь Его матери, и зрѣніе покидало ихъ подъ горечью боли и смерти, Его ноздри обоняли мерзости, выплевываемыя ртами евреевъ на Его лицо, и Его ротъ и нѣбо были напоены уксусомъ и желчью, и всѣ чувствительныя мѣста Его тѣла были изранены розгами.

И вотъ Христось, нашъ женихъ, изранный на смерть, оставленный Богомъ и тварями, умирающій на крестѣ, повѣшенный, какъ никому не нужная палка, безъ Маріи, своей бѣдной матери, которая не могла придти къ Нему на помощь.

И Христось страдалъ еще духовно, въ своей душѣ, объ ожесточенности евреевъ и о тѣхъ, кто предавали его смерти, ибо, какія бы знаменія и чудеса они ни видѣли, они пребывали въ своей злобѣ; и Онъ страдалъ по причинѣ испорченности ихъ и мести за Его смерть, ибо Богу надлежало отомстить за Него въ тѣлѣ и въ душѣ. Онъ страдалъ еще о скорби и о бѣдствіи своей матери и своихъ учениковъ, которые были въ глубокой печали. И онъ страдалъ, потому что Его смерти надлежало остаться напрасной для значительной части людей, и Онъ страдалъ о неблагодарности многихъ, о нечестивыхъ клятвахъ тѣхъ, которые готовы были въ будущемъ проклинать и оскорблять того, кто умиралъ изъ любви къ намъ. И Его природа и Его низшій разумъ страдали, потому что Богъ лишилъ ихъ притока своихъ даровъ и утѣшеній, и оставлялъ ихъ на самихъ себя въ такомъ бѣдствіи! И Христось жаловался на это, говоря: Богъ мой! Богъ мой! почему Ты меня оставилъ? Нашъ возлюбленный заставилъ умолкнуть всѣ эти жалобы и сказалъ своему Отцу: Отецъ, прости имъ, ибо они не знаютъ, что дѣлають. Христось былъ услышанъ своимъ Отцомъ, ради своей смиренной почтительности, ибо тѣ, которые поступали тогда по невѣднію, немного позже обратились.

Вотъ внутреннія добродѣтели Христа: смиреніе, благость и страданіе въ терпѣніи. Три эти добродѣтели Иисусъ, нашъ женихъ, проявлялъ во всю свою жизнь, и Онъ умеръ въ

нихъ, и Онъ заплатилъ нашъ долгъ, удовлетворяя справедливости, и открылъ свой бокъ въ щедротахъ. И оттуда текутъ рѣки сладостей и таинства блаженства. И Онъ вознесся въ своемъ могуществѣ и возсѣлъ одесную своего Отца и царствуетъ вѣчно. Это — первое пришествіе нашего жениха, и оно окончательно совершилось.

Второе пришествіе Христа, нашего жениха, совершается повседневно въ людяхъ праведныхъ, и часто съ новыми благодатями и дарами во всѣхъ тѣхъ, кто предается Ему сообразно своимъ силамъ. Мы не будемъ говорить здѣсь ни о первомъ обращеніи человѣка, ни о первой благодати, которая была дана ему, когда Онъ обратился отъ грѣха къ добродѣтелямъ. Но мы будемъ говорить объ ежедневномъ обращеніи новыхъ даровъ и новыхъ добродѣтелей, и о болѣе дѣйственномъ пришествіи Христа, нашего жениха, въ нашей душѣ.

Глава VI.

О второмъ
пришествіи
Христа.

Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ причину, образъ и дѣйствіе этого пришествія. Причину его составляютъ слѣдующія четыре: милосердіе Бога, наша слабость, божественная щедрость и наше желаніе. Эти четыре причины заставляютъ возрастать добродѣтели и возвышенность души.

Теперь поймите: когда солнце посылаетъ свои лучи и свое сіяніе въ глубокую долину, между двумя высокими горами, то въ то время, какъ оно находится въ зенитѣ, такъ что можетъ освѣщать дно долины, происходитъ трой-

ное явленіе; ибо долина освѣщается отраженіемъ отъ горъ, и она дѣлается болѣе теплой и плодородной, чѣмъ равнина. Точно такъ же, когда человѣкъ праведный находится въ своемъ униженномъ положеніи, въ самой бѣдной части себя, и сознаетъ, что онъ ничего не имѣетъ, что онъ ничто, что онъ ничего самъ по себѣ не можетъ, ни остановиться, ни подвигаться впередъ, и когда онъ замѣчаетъ также, что онъ часто оказывается несостоятельнымъ въ добродѣтеляхъ и добрыхъ дѣлахъ, онъ признается, такимъ образомъ, въ своей нуждѣ и бѣдственномъ положеніи и образуетъ долину смиренія. И потому что онъ смирененъ и нуждается, и потому что онъ сознаетъ свои нужды, онъ указываетъ и жалуется на нихъ добротѣ и милосердію Бога. Онъ видитъ высоту Бога и свою низость. И онъ дѣлается такъ глубокой долиной. И Христосъ есть солнце справедливости и милосердія, которое сіяетъ съ полдневной тверди, то-есть одесную своего Отца, и посылаетъ свой свѣтъ до глубины смиренныхъ сердецъ, ибо Христосъ всегда бываетъ тронутъ нуждой, если человѣкъ смиренно жалуется и указываетъ на нее. Тогда поднимаются тамъ двѣ горы, то-есть двойное желаніе: одно—служить Богу и любить Его своими заслугами, другое—достигнуть выдающихся добродѣтелей. Два эти желанія болѣе высоки, чѣмъ небо, ибо они непосредственно достигаютъ Бога и жаждутъ Его безмѣрной щедрости. Тогда щедрость не можетъ уже задерживаться, она должна излиться, ибо душа въ

это мгновеніе способна воспринять болѣе многочисленныя дары.

Вотъ причины новаго пришествія Христа, съ новыми добродѣтелями. Тогда долина, то-есть смиренное сердце, получаетъ три вещи. Она бываетъ болѣе освѣщена и просвѣтлена благодатью, и согрѣта благостью, и становится болѣе плодородной въ совершенныхъ добродѣтеляхъ и въ добрыхъ дѣлахъ. Итакъ, вы имѣете причину, образъ и дѣйствіе этого пришествія.

Есть еще одно пришествіе Христа, нашего жениха, происходящее повседневно въ возрастаніи благодати и въ новыхъ дарахъ, именно когда человѣкъ принимаетъ какое-либо таинство, сердцемъ смиреннымъ и уготованнымъ. Онъ получаетъ тогда новые дары и болѣе обильныя благодати, ради своего смиренія и внутреннимъ сокровеннымъ дѣйствіемъ Христа въ таинствѣ. А противное таинству, это—отсутствіе вѣры въ крещеніе, отсутствіе раскаянія въ покаяніи, приступаніе къ Святому Причастію въ состояніи смертнаго грѣха, или злой воли; подобно и для другихъ таинствъ. Тѣ, которые поступаютъ такъ, не получаютъ новыхъ благодатей, но грѣшатъ еще болѣе тяжко.

Вотъ другое пришествіе Христа, нашего жениха, происходящее повседневно. Мы будемъ созерцать его съ сердцемъ, полнымъ желанія, для того чтобы оно совершилось въ насъ, ибо оно необходимо, если мы хотимъ пребывать и подвигаться впередъ въ вѣчной жизни.

Глава VII.
Какимъ образомъ повседневно возрастаютъ въ добродѣтеляхъ, благодаря Святому Причастію.

Глава VIII. Третье пришествіе, еще грядущее, совершится при послѣднемъ судѣ или въ часъ смерти. Основаніе этого пришествія есть благоприятность времени, достаточность причины и справедливость судьи.

О третьемъ
пришествіи
Христа.

Время, благоприятное для этого пришествія, есть часъ смерти и послѣдній судъ надъ всѣми людьми. Когда Богъ создалъ душу изъ ничего и соединилъ ее съ тѣломъ, Онъ назначилъ опредѣленный день и часъ, извѣстные Ему одному, когда она должна покинуть время и явиться предъ Его лицо.

Достаточность причины, ибо душа должна дать отчетъ вѣчной истинѣ о словахъ и всѣхъ совершенныхъ дѣлахъ. Справедливость судьи, ибо Христу принадлежитъ судъ и рѣшеніе, ибо Онъ сынъ человѣческой и премудрость Отца, премудрость, которой принадлежитъ всякій судъ, ибо всѣ сердца на небѣ, на землѣ и въ аду ясны и открыты передъ ней. И вотъ почему эти три основанія составляютъ причину всеобщаго пришествія въ послѣдній день, и пришествія особаго для cadaго человѣка, въ часъ его смерти.

Глава IX. Христосъ, нашъ женихъ и нашъ судья на этомъ судѣ, наградитъ и накажетъ по справедливости, ибо Онъ воздастъ каждому по его заслугамъ. Онъ дастъ каждому праведному человеку, за всякое доброе дѣло въ духѣ Господа, безмѣрную плату, которая есть Онъ самъ, и которой никакая тварь не можетъ заслужить. Но такъ какъ Онъ, съ своей стороны, дѣй-

О поведеніи
Христа на
послѣднемъ
судѣ.

ствуеѣтъ въ твари, тварь удостоивается черезъ свою добродѣтель имѣть Его своей платой. И по необходимой справедливости Онъ даетъ осужденнымъ вѣчное страданіе и вѣчную муку, ибо они презрѣли и отвергли вѣчное благо для блага преходящаго. И они своевольно отвратились отъ Бога, вопреки Его славѣ и Его волѣ, и обратились къ тварямъ. И они прокляты справедливо.

Свидѣтели на судѣ—ангелы и совѣсть людей. И обвинитель, это—адскій врагъ, и судья—Христосъ, котораго никто не можетъ обмануть.

Пять родовъ лицъ должны предстать передъ этимъ судьей.

Первый и худшій составляютъ христіане, умирающіе въ состояніи смертнаго грѣха, безъ раскаянія и сожалѣнія, ибо они презрѣли смерть и таинства Христа, или же приняли ихъ бесполезно и недостойно, и они не совершили дѣлъ милосердія къ своимъ ближнимъ, въ благодати, по заповѣдямъ Бога. И поэтому они осуждены въ самую глубину ада.

Другіе суть невѣрующіе, язычники и евреи; они должны явиться предъ Христомъ, хотя были осуждены при своей жизни, ибо они не имѣли въ свое время ни благодати, ни божественной любви, и поэтому пребывали въ вѣчной смерти осужденія, но они будутъ менѣе мучимы, чѣмъ дурные христіане, ибо они получили отъ Бога менѣе даровъ и менѣе обязаны Ему вѣрностью.

Третій разрядъ составляютъ тѣ изъ добрыхъ христіанъ, которые впадали въ грѣхъ по вре-

Глава X.

О пяти родахъ лицъ, которые должны предстать на судѣ.

менамъ и поднимались сердечнымъ сокруше-
ніемъ и раскаяніемъ, но которые не выплати-
ли справедливости всего своего долга; они при-
надлежатъ чистилищу.

Четвертый разрядъ обнимаетъ людей, кото-
рые хранили заповѣди Бога или, если они ихъ
нарушали, возвращались къ Богу сокрушеніемъ
сердца, раскаяніемъ, дѣлами любви и мило-
сердія и были вѣрны своему раскаянію, такъ
что ихъ душа, по выходѣ изъ ихъ устъ, под-
нимается на небо, не проходя черезъ чистилище.

Пятый разрядъ обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, ко-
торые, будучи выше внѣшнихъ дѣлъ благости,
имѣютъ свое пребываніе на небѣ и соединены
съ Богомъ и погружены въ Бога, и въ кото-
рыхъ Богъ погруженъ, такъ что между Богомъ
и ними нѣтъ другой преграды, кромѣ времени
и ихъ смертнаго состоянія. Когда они осво-
бодились отъ тѣла, въ это самое мгновеніе
они вступили въ наслажденіе своимъ вѣчнымъ
блаженствомъ, и они не судимы, но будутъ сами
судить другихъ людей, съ Христомъ, въ послѣд-
ній день. И тогда всякая смертная жизнь и
всякая временная скорбь на землѣ, а также и
въ чистилищѣ, прекратятся. И всѣ осужденные
погрузятся и низвергнутся въ бездну, до дна
ада, въ вѣчное разложеніе и ужасъ, вмѣстѣ
съ врагомъ и его приспѣшниками. И благосло-
венные будутъ въ одно мгновеніе въ вѣчной
славѣ, вмѣстѣ съ Христомъ, ихъ женихомъ. И
они будутъ созерцать и вкушать, наслаждаясь,
безграничное изобиліе божественной сущности,
вѣчно и навсегда.

И вотъ третье пришествіе, котораго всѣ мы ожидаемъ, и которое еще въ будущемъ. Первому пришествію, когда Богъ сдѣлался человѣкомъ, и жилъ въ смиреніи, и умеръ изъ любви къ намъ, мы будемъ подражать съ внѣшней стороны совершеннымъ усвоеніемъ добродѣтелей, а съ внутренней — благостью и истиннымъ смиреніемъ. Другого пришествія, которое въ настоящемъ, когда Онъ приходитъ съ благодатью во всякое любовное сердце, мы будемъ жадать и просить во всѣ дни, чтобы всегда пребывать и возрастать въ новыхъ добродѣтеляхъ. Третьяго пришествія, на судъ и въ часъ нашей смерти, мы будемъ ждать и желать съ покорностью и почтеніемъ, чтобы избавиться отъ этого бѣдственнаго состоянія и вступить въ чертогъ славы. Это пришествіе, въ трехъ образахъ, есть второе изъ четырехъ указаній, въ которомъ Иисусъ Христосъ говоритъ: *Sponsus venit, Женихъ идетъ.*

Теперь поймите и замѣчайте. Въ началѣ рѣчи Христосъ говоритъ: Смотрите; то-есть смотрите посредствомъ благодати и чистоты совѣсти, какъ вы объ этомъ узнали вначалѣ. И Онъ уже указалъ намъ, что именно мы увидимъ:—три этихъ пришествія.

Онъ намъ приказываетъ, что надо дѣлать затѣмъ, и говоритъ: Выходите, если вы исполнили первое необходимое условіе, то-есть если вы видите въ благодати и благодати, и если вы достаточно хорошо наблюдали свой образецъ, Христа, въ Его выходѣ; отъ вашей любви и отъ

Глава XI.

О духовномъ
выходѣ ко
всѣмъ доб-
родѣтелямъ.

любовнаго наблюденія вашего жениха въ васъ прорывается горячность праведности, то-есть желаніе слѣдовать Ему въ добродѣтеляхъ. Тогда Христоръ говоритъ въ васъ: *Выходите*. Этотъ выходъ долженъ имѣть три вида. Мы должны выйти къ Богу, къ самимъ себѣ, къ нашему ближнему, благостью и праведностью; ибо благодать всегда порывается въ высоту, то-есть въ царство Бога, которое есть самъ Богъ; ибо Онъ есть источникъ, изъ котораго она непосредственно истекла, и который пребываетъ всегда постояннымъ. Праведность, рождающаяся изъ благодати, стремится сдѣлать совершенными нравы и добродѣтели, соотвѣтствующія царству Бога, то-есть царству душъ.

Эти двѣ, благодать и праведность, утверждаютъ прочное основаніе въ царствѣ души, въ которомъ будетъ обитать Богъ, и это основаніе есть смиреніе.

Эти три добродѣтели поддерживаютъ всю тяжесть и все зданіе всѣхъ добродѣтелей и всего возвышеннаго; ибо благодать поддерживаетъ человѣка передъ лицомъ неизслѣдимыхъ благъ Бога, откуда она истекаетъ, такъ чтобы онъ твердо пребывалъ въ Богѣ и возрасталъ во всѣхъ добродѣтеляхъ и въ истинномъ смиреніи; и праведность поддерживаетъ человѣка въ присутствіи вѣчной истины Бога, чтобы истина была ему открыта, и чтобы онъ былъ просвѣтленнымъ и исполнялъ всѣ добродѣтели безъ заблужденія. Но смиреніе поддерживаетъ всегда человѣка передъ верховнымъ могуществомъ Бога, чтобы онъ всегда пребывалъ

уничженнымъ и малымъ, и предался Богу, и не полагался больше на себя. Вотъ какимъ образомъ человѣкъ будетъ держаться передъ Богомъ, чтобы всегда возрастать въ новыхъ добродѣтеляхъ.

Теперь поймите, ибо, сдѣлавъ изъ смиренія основаніе всего, мы будемъ говорить прежде всего о немъ.

Глава XII.
Какимъ образомъ смиреніе есть основаніе всѣхъ добродѣтелей.

Смиреніе есть желаніе униженія или глупины, то-есть склонность или внутреннее желаніе униженія сердца и совѣсти передъ верховнымъ величіемъ Бога. Праведность Бога требуетъ такой покорности, и, благодаря благодати, любящее сердце не можетъ ея покинуть. Когда человѣкъ любящій и смиренный размышляетъ о томъ, что Богъ служилъ ему такъ смиренно, такъ любовно и такъ вѣрно, и затѣмъ, что Богъ такъ высокъ, могущественъ, благороденъ, а человѣкъ такъ бѣденъ, малъ и низокъ, отъ всего этого происходитъ въ смиренномъ сердцѣ безмѣрное уваженіе и благоговѣніе передъ Богомъ; ибо благоговѣть передъ Богомъ во всѣхъ дѣлахъ, внутренне и внѣшне, есть первое и самое сладостное дѣло смиренія, и самое вкусное—благодати, и самое угодное—праведности. Ибо сердце смиренное и любящее не можетъ ни воздать Богу и Его высокой человѣчности такихъ почестей, ни погрузиться въ такія бездны униженія, которыя удовлетворили бы его желаніе. И поэтому человѣку смиренному кажется, что онъ всегда дѣлаетъ слишкомъ мало во славу Бога и въ своемъ

смиреномъ служеніи. И онъ смирененъ, и почитаетъ Святую Церковь и таинства, и онъ воздержанъ въ своей пищѣ и въ питъѣ, въ своихъ словахъ, въ своихъ отвѣтахъ всѣмъ и въ своихъ отношеніяхъ. Онъ довольствуется своимъ бѣднымъ одѣяніемъ, должностями самыми низкими, и лицо его смиренно, безъ дѣланности и притворства. И онъ смирененъ въ своихъ поступкахъ, внѣшне и внутренно, передъ Богомъ и передъ людьми, такъ чтобы никто не могъ соблазниться изъ-за него. И такимъ-то образомъ онъ укрощаетъ и удаляетъ гордость, которая есть причина и начало всѣхъ грѣховъ. Смиреніе сокрушаетъ западни врага, грѣха и міра. И человѣкъ бываетъ благоустроенъ въ самомъ себѣ и утвержденъ въ самомъ мѣстѣ добродѣтели. Небо ему открыто, и Богъ расположенъ слышать его молитву, и онъ преисполненъ благодатями. И Христось, крѣпкій камень,—его опора, и кто созидаетъ добродѣтели въ смиреніи, не можетъ заблудиться.

Глава XIII. Отъ этого смиренія рождается послушаніе, О послушаніи. ибо никто иной, кромѣ человѣка смиреннаго, не можетъ быть внутренно послушнымъ.

Послушаніе есть покорное и гибкое расположеніе и добрая воля, готовая на все, что добро. Послушаніе подчиняетъ человѣка повелѣніямъ, запрещеніямъ и волѣ Бога, и оно подчиняетъ душу и чувственную силу сверхчувственному разуму, такъ чтобы человѣкъ жилъ пристойно и разумно. И она дѣлаетъ человѣка покорнымъ и послушнымъ Святой

Церкви и таинствамъ, священнослужителямъ, ихъ наставленіямъ, повелѣніямъ, совѣтамъ и всѣмъ добрымъ дѣланіямъ святого христіанства. Оно приготовляетъ также человѣка, и дѣлаетъ его гибкимъ для служенія всѣмъ, совѣтами, дѣлами, заботами тѣлесными и духовными, сообразно нуждамъ каждаго и благоразумію.

И оно удаляетъ непослушаніе, которое есть порожденіе гордости, и котораго слѣдуетъ избѣгать больше яда или отравы. Послушаніе въ волѣ и въ дѣлахъ украшаетъ, расширяетъ и дѣлаетъ явнымъ смиреніе человѣка. Оно даетъ миръ монастырямъ, и, если оно есть у священнослужителя, какъ и слѣдуетъ ему быть у него, оно привлекаетъ тѣхъ, кто ему подчинены. Оно поддерживаетъ миръ и равенство между равными. И соблюдающій его любимъ тѣми, которые выше него, и дары Бога, которые вѣчны, возвышаютъ и обогащаютъ его.

Отъ этого послушанія рождается отреченіе отъ воли и личнаго удовольствія, ибо никто не можетъ во всемъ отказываться отъ своей собственной воли, въ пользу воли другого, какъ только человѣкъ послушный, ибо можно повиноваться внѣшне, сохраняя свою собственную волю. Отреченіе отъ воли заставляетъ человѣка жить безъ разборливаго отношенія къ тому или другому, безъ предпочтенія въ томъ, что онъ дѣлаетъ, или чего онъ не дѣлаетъ, когда рѣчь идетъ о вещахъ постороннихъ или удаляющихся отъ жизни и наставленій святыхъ. Но всегда онъ дѣйствуетъ во славу

Глава XIV.

Объ отреченіи отъ воли.

Бога, сообразно Его заповѣдямъ и волѣ своихъ начальниковъ, и имѣя въ виду покой всѣхъ, съ которыми онъ живетъ, сообразно истинному благо разумію.

Отреченіемъ отъ воли въ томъ, что дѣлаютъ, и чего не дѣлаютъ, и чѣмъ страдаютъ, бываютъ отвернуты сущность гордости и поводъ къ ней, и осуществляется высшее смиреніе. И Богъ управляетъ человѣкомъ, какъ Онъ хочетъ; и воля человѣка такъ полно соединяется съ волей Бога, что не можетъ больше ни хотѣть, ни желать иначе. Онъ совлекъ человѣка ветхаго и облекся человѣкомъ новымъ, обновленнымъ и совершеннымъ, сообразно божественной волѣ. Это о немъ Христосъ сказалъ: «Блаженны нищіе духомъ», то-есть отказавшіеся отъ своей воли, «ибо имъ принадлежитъ царство небесное».

Глава XV. Отъ оставленія воли рождается терпѣніе, ибо
 О терпѣніи. никто не можетъ быть въ совершенствѣ терпѣливымъ во всякой вещи, кромѣ того, кто подчинилъ свою волю волѣ Бога и всѣхъ людей во всемъ, что полезно и пристойно.

Терпѣніе есть спокойное перенесеніе всего, что можетъ постичь человѣка со стороны Бога или людей. Ничто не можетъ смутить человѣка терпѣливаго,—ни потеря земныхъ благъ, ни потеря друзей или родителей, ни болѣзни, ни безчестіе, ни жизнь, ни смерть, ни чистилище, ни диаволь, ни адъ. Ибо онъ предался волѣ Бога въ истинной любви. И если только смертный грѣхъ не постигнетъ его, все, что Богъ ему повелѣваетъ во времени или въ вѣчности, кажется

ему легкимъ. Это терпѣніе украшаетъ человѣка и даетъ ему оружіе противъ гнѣва и внезапной ярости и противъ нетерпѣливости въ страданіи, которая часто обольщаетъ человѣка внутренно и внѣшне и подвергаетъ его многообразнымъ искушеніямъ.

Отъ этого терпѣнія рождается кротость и тихость нрава, ибо никто не можетъ быть кроткимъ въ превратностяхъ, какъ только человѣкъ терпѣливый. Глава XVI.
О кротости.

Кротость создаетъ въ человѣкѣ миръ и покой отъ всего, ибо кроткій человѣкъ сноситъ грубыя слова и движенія, непріязненные лица и злыя поступки, и всѣ несправедливости по отношенію къ нему и къ его друзьямъ, и онъ всѣмъ довольствуется, ибо тихость нрава есть страданіе въ покоѣ. Благодаря кротости, сила гнѣва пребываетъ неподвижной въ его спокойствіи, сила желанія направляется къ добродѣтелямъ, и сила разума, которая это знаетъ, радуется, и совѣсть, которая это внушаетъ, пребываетъ въ мирѣ, ибо другіе смертные грѣхи, гнѣвъ и ярость, удалены отъ нея. Ибо духъ Бога покоится въ человѣкѣ кроткомъ и смиренномъ, и Христосъ говоритъ: «Блаженны кроткіе, ибо они будутъ обладать землею», то есть своей собственной природой и вещами земными въ кротости, а послѣ этой земли—вещами вѣчными.

Изъ того же источника, какъ и кротость, рождается тихость нрава, ибо никто не можетъ обладать тихостью нрава, какъ только чело- Глава XVII.
О тихости
нрава.

вѣкъ кроткій. Эта тихость нрава дѣлаетъ то, что человѣкъ противопоставляетъ любовное лицо, дружескія слова и всякія дѣла милосердія людямъ раздраженнымъ, если онъ надѣется, что они придутъ въ себя и исправятся.

Благодаря милосердію и тихости нрава, благость пребываетъ въ человѣкѣ живой и плодотворной; ибо сердце, исполненное тихости, подобно лампѣ, наполненной драгоценнымъ масломъ, ибо масло тихости свѣтитъ своими добрыми примѣрами сбившемуся съ пути грѣшнику, и оно умащаетъ и излѣчиваетъ словами и дѣлами угѣшенія тѣхъ, чье сердце ранено, опечалено или раздражено. И тихость нрава воспламеняетъ и просвѣтляетъ находящихся въ благодати, и никакая ревность и никакая зависть не могутъ ея достигъ.

Глава XVIII. Отъ тихости нрава рождается состраданіе, которое есть часть страданія всѣхъ, ибо никто не можетъ страдать со всѣми людьми, какъ только тотъ, у кого есть тихость нрава.

О состраданіи.

Состраданіе есть внутреннее движеніе сердца, достигаемое жалостью къ тѣлесной и духовной мукѣ всѣхъ людей. Это состраданіе производитъ то, что человѣкъ страдаетъ съ Христомъ въ Его страданіяхъ, когда размышляетъ о причинѣ Его мученій, объ образѣ Христа, о Его покорности, Его любви, Его ранахъ, Его чувствительности, Его мученіяхъ, Его позорѣ, Его благородствѣ, Его нищетѣ, о принятыхъ поношеніяхъ, перенесенномъ презрѣніи, вѣнцѣ, гвоздяхъ, о Его милосердіи, Его гибели и

смерти въ терпѣніи. Эти неслыханныя и многообразныя муки Христа, нашего избавителя и нашего жениха, пробуждаютъ всѣ жалости человѣка жалостливаго.

Состраданіе дѣлаетъ то, что человѣкъ наблюдаетъ за собой и замѣчаетъ свои ошибки и свое безсиліе въ добродѣтеляхъ и во всемъ, что касается славы Бога; свою нерадивость и медлительность, многочисленность своихъ недостатковъ, потерю своего времени, и свое настоящее несовершенство въ добродѣтеляхъ и добрыхъ нравахъ. Все это вызываетъ у человѣка жалость къ себѣ въ истинномъ состраданіи. Затѣмъ, состраданіе дѣлаетъ то, что человѣкъ размышляетъ о своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, какъ мало у него заботы о Богѣ и о своемъ вѣчномъ спасеніи, о своей неблагодарности за все добро, которое Богъ сдѣлалъ ему, и за все то, что Онъ претерпѣлъ за человѣка. И онъ размышляетъ также о томъ, что онъ чуждъ добродѣтелямъ и не знаетъ ихъ и не осуществляетъ, что онъ искусенъ и хитеръ во всемъ, что дурно и несправедливо; онъ видитъ вниманіе, которое удѣляетъ приобрѣтенію и утратѣ земныхъ даровъ, и свое невниманіе и безпечность по отношенію къ Богу, къ вещамъ вѣчнымъ и къ своему спасенію. Такое размышленіе заставляеть человѣка праведнаго испытывать великое сочувствіе къ спасенію всѣхъ людей.

Человѣкъ будетъ также съ жалостью смотрѣть на тѣлесныя нужды своего ближняго и на многообразныя природныя страданія, когда будетъ замѣчать голодь, который терпятъ лю-

ди, жажду, холодъ, наготу, болѣзнь, презрѣніе, всяческое притѣсненіе бѣдныхъ, печаль объ утратѣ родителей, друзей, благъ, чести, покоя и безчисленныя огорченія, падающія на чело-вѣка. Все это побуждаетъ праведнаго чело-вѣка къ состраданію, и онъ страдаетъ со всѣми людьми; но его самое великое страданіе, это—нетерпѣливость другихъ, и видѣть, что они теряютъ свою награду и часто заслуживаютъ ада. Вотъ дѣйствіе состраданія и милосердія.

Это дѣйствіе состраданія и великодушной любви побуждаетъ и удаляетъ третій смерт-ный грѣхъ, именно: ненависть и зависть, ибо состраданіе есть сердечная рана, которая за-ставляетъ любить всѣхъ людей и не можетъ быть излѣчена, пока какое-нибудь страданіе живетъ въ людяхъ, ибо Богъ предписалъ серд-цу всѣ скорби и печали прежде всѣхъ другихъ добродѣтелей. И поэтому Христосъ говоритъ: «Блаженны огорченные, ибо они будутъ утѣ-шены»; именно, когда они пожнутъ въ радости то, что теперь сѣютъ, состраданіемъ, въ печали.

Глава XIX. Отъ этого состраданія рождается велико-
 О великоду- душе, ибо никто не можетъ быть сверхъесте-
 ши. ственно великодушенъ съ довѣріемъ ко всѣмъ
 людямъ и съ любовью, какъ только чело-вѣкъ
 милосердный, ибо можно великодушно давать
 кому-либо въ отдѣльномъ случаѣ, безъ бла-
 гости и сверхъестественнаго великодушія.

Великодушіе есть широкое изліяніе сердца, движимаго благостью и милосердіемъ. Когда чело-вѣкъ съ состраданіемъ размышляетъ о

страданіяхъ и мукахъ Христа, отъ этого размышленія рождается великодушіе, которое побуждаетъ насъ восхвалять и благодарить Христа за Его скорби и за Его любовь, и въ то же время вызываетъ уваженіе, благоговѣніе и радостную и смиренную покорность сердца и души во времени и въ вѣчности. Когда человѣкъ наблюдаетъ за самимъ собой съ состраданіемъ къ себѣ, и когда онъ размышляетъ о добрѣ, которое Богъ ему сдѣлалъ, и о своемъ безсиліи, онъ не можетъ удержаться, чтобы не излиться въ щедрость Бога, и не укрыться въ Его милосердіе и въ Его вѣрность, и не положить на Него, со свободнымъ и совершеннымъ намѣреніемъ служить Ему навсегда. Великодушный человѣкъ, который наблюдаетъ ошибки, заблужденія и несправедливость людей, желаетъ и молить, съ сердечнымъ довѣріемъ, объ изліяніи божественныхъ даровъ и о воздѣйствіи ихъ щедрости на всѣхъ людей, чтобы они пришли въ себя и обратились къ истинѣ. Великодушный человѣкъ смотритъ также съ состраданіемъ на тѣлесныя нужды всѣхъ людей, онъ служитъ, даетъ, сужаетъ, утѣшаетъ тѣхъ, кого нужно утѣшить, сообразно своимъ средствамъ и согласно благоразумію.

Посредствомъ этого великодушія совершаютъ люди семь дѣлъ милосердія, богатые—своими услугами и имуществомъ, бѣдные—доброю волею и божественнымъ желаніемъ сдѣлать добро, если бы они имѣли къ тому возможность; и такимъ образомъ добродѣтель великодушія бываетъ совершенной.

На почвѣ великодушія, всѣ остальные добродѣтели бываютъ умножены и всѣ силы души украшены. Ибо человѣкъ великодушный всегда имѣетъ радость въ духѣ, онъ не знаетъ въ сердцѣ безпокойства, и преизбыточествуетъ въ желаніяхъ, и весь преданъ всѣмъ въ дѣлахъ добродѣтели; ибо тотъ, кто великодушенъ и не любитъ вещей земли, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, подобенъ Богу, ибо все, что онъ въ себѣ имѣетъ, и всѣ его чувствованія дарятъ и изливаются. И, такимъ образомъ, онъ удалилъ четвертый смертный грѣхъ, скупость и жадность. Иисусъ Христосъ говоритъ объ этихъ людяхъ: «Блаженны милосердные, ибо они найдутъ милосердіе» въ тотъ день, когда они услышатъ этотъ голосъ, говорящій имъ: «Придите вы, благословенные Отца Моего, владѣйте царствомъ, которое было приготовлено вамъ отъ начала міра».

Глава XX.
О ревности
и прилежаніи.

Отъ этого великодушія рождаются сверхъестественная ревность и прилежаніе во всѣхъ добродѣтеляхъ и во всемъ, что пристойно. Никто не можетъ чувствовать этой ревности, какъ только человѣкъ великодушный и прилежный. Это—внутреннее и нетерпѣливое побужденіе ко всѣмъ добродѣтелямъ и къ уподобленію Христу и Его святымъ. Въ этой ревности, человѣкъ желаетъ присоединить къ славѣ и растратить въ честь Бога свое сердце и свои чувства, свою душу и свое тѣло, все, что онъ есть, и все, что онъ можетъ вмѣстить.

Эта ревность заставляетъ человѣка быть бди-

тельнымъ въ разумѣнїи и въ различенїяхъ, и осуществляютъ добродѣтели душой и тѣломъ, въ праведности. Благодаря этой сверхъестественной ревности, всѣ силы души открыты Богу и приготовлены для всѣхъ добродѣтелей. Сожвѣсть обрадована и божественная благодать умножена, добродѣтель съ радостью осуществлена и внѣшнія дѣла украшены. Отъ того, кто получилъ отъ Бога эту живую ревность, удаленъ пятый смертный грѣхъ, который есть нерадивость и уныніе въ добродѣтеляхъ, необходимыхъ для спасенія. И иногда эта живая ревность уничтожаетъ тяжесть и медлительность тѣлесной природы. Это о ней Иисусъ Христосъ говоритъ: «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся». Это будетъ, когда слава Бога станетъ явной и наполнитъ cadaго изъ нихъ по мѣрѣ его любви и праведности.

Отъ ревности рождаются умѣренность и трезвость во внутреннемъ и внѣшнемъ; ибо никто не можетъ въ трезвости соблюдать истинную умѣренность, какъ только тотъ, кто особенно прилеженъ и ревностенъ къ сохраненію души и тѣла въ праведности. Трезвость раздѣляетъ высшую силу отъ силы животной и охраняетъ человѣка отъ неумѣренностей и излишествъ. Трезвость не желаетъ ни вкушать ни знать вещей, которыя не дозволены.

Непостижимая и высочайшая природа Бога превосходитъ всѣхъ тварей на небѣ и на землѣ, ибо все, что тварь постигаетъ, есть тварь.

Глава XXI.
Объ умѣренности и трезвости.

Но Богъ выше всякой твари, и Онъ внутри и внѣ всякой твари, и всякое сотворенное постиженіе слишкомъ ограничено, чтобы постичь Его. Но, чтобы тварь постигала и понимала Бога, Она должна быть привлечена, выше самой себя, въ Бога, и нужно, чтобы она постигала Бога черезъ Бога. Тѣ, которые захотѣли бы тогда знать, что есть Богъ, и изслѣдовать Его, пусть знаютъ, что это запрещено. Они бы помѣшались. Всякій сотворенный свѣтъ долженъ здѣсь изсякнуть. Это «что есть Богъ» превосходитъ всякую тварь. Но писаніе, природа и всѣ твари указываютъ намъ, гдѣ Онъ. Будемъ вѣрить въ догматы вѣры и не будемъ пытаться проникнуть ихъ, ибо это невозможно, пока мы здѣсь: вотъ—трезвость. Не будемъ излагать и объяснять иначе, какъ по жизни Христа и Его святыхъ, сокровенныя и тонкія наставленія Писанія, которое внушилъ Духъ Святой. Человѣкъ будетъ изслѣдовать природу и Писаніе, и всякая тварь отъ этого получитъ свою выгоду и ничего больше. Вотъ трезвость духа.

Человѣкъ будетъ охранять трезвость чувствъ, и онъ укротитъ, посредствомъ разума, животную силу, чтобы животное удовольствіе не слишкомъ услаждалось вкусомъ ѣды и питья, но чтобы человѣкъ ѣлъ и пилъ, какъ больной принимаетъ лѣкарство, потому что это нужно, чтобы сохранить свои силы и быть въ состояніи служить Богу. И въ этомъ трезвость тѣла. Человѣкъ будетъ хранить образъ и мѣру въ словахъ и дѣлахъ, въ молчаніи и рѣчи, въ питъѣ и въ ѣдѣ, въ томъ, что онъ дѣлаетъ, и

въ томъ, чего не дѣлаеть, по образу Святой Церкви и по примѣру святыхъ.

Умѣренностью и трезвостью духа во внутреннемъ человѣкѣ сохраняетъ твердость и постоянство въ вѣрѣ, и чистоту разумѣнія и успокоенность разума, необходимыя, чтобы постичь истину, и гибкость по волѣ Бога ко всѣмъ добродѣтелямъ, миръ сердца и ясную чистоту совѣсти. И, благодаря этому, онъ обладаетъ миромъ, утвержденнымъ въ Богѣ и въ немъ самомъ.

И умѣренностью и трезвостью тѣлесныхъ чувствъ во-внѣ, человѣкѣ часто сохраняетъ здоровье и довольство тѣлесной природы, свою честь во внѣшнихъ сношеніяхъ и свое доброе имя. И, такимъ образомъ, онъ имѣетъ миръ въ себѣ и миръ со своимъ ближнимъ. Ибо онъ привлекаетъ и радуется всѣхъ людей доброй воли, своей умѣренностью и своей трезвостью. И онъ удаляетъ шестой смертный грѣхъ, который есть неумѣренность, обжорство и лакомство. Объ этомъ Христосъ сказалъ: «Блаженны миротворцы, ибо они назовутся сынами Бога». Ибо они подобны Сыну, принесшему миръ всѣмъ тварямъ, которыя того желали и которыя творятъ миръ, въ свою очередь, умѣренностью и трезвостью, и Сынъ раздѣлитъ между ними наслѣдство своего Отца, и они будутъ владѣть этимъ наслѣдствомъ вмѣстѣ съ Нимъ въ вѣчности.

Отъ этой трезвости рождается чистота души Глава XXII.
и тѣла, ибо никто не можетъ быть безусловно О чистотѣ.

чистъ тѣломъ и душой, кромѣ того, кто трезвъ тѣломъ и душой.

Чистота духа состоитъ въ томъ, что человѣкъ ни къ какой твари не прилѣпляется какимъ-либо сердечнымъ желаніемъ, но привязывается къ одному Богу, ибо отъ всѣхъ тварей будемъ принимать служеніе и наслаждаться будемъ однимъ только Богомъ. Чистота духа производитъ то, что человѣкъ привязывается къ Богу выше разумѣнія, и выше чувствъ, и выше всѣхъ даровъ, какіе Богъ можетъ излить въ душу; ибо надъ всѣмъ, что тварь получаетъ въ своемъ разумѣніи или въ своихъ чувствахъ, чистота стремится подняться и успокоиться въ Богѣ. И не приступимъ къ таинству причащенія ради услажденій, желанія или удовольствія, ради мира, успокоенія и сладостей, которыя въ немъ обрѣтаютъ, ни по иной какой бы то ни было причинѣ, но единственно только во славу Бога, и чтобы возрастать во всѣхъ добродѣтеляхъ. Вотъ чистота духа.

Чистота сердца означаетъ, что человѣкъ во всякомъ тѣлесномъ искушеніи или во всякомъ движеніи естества обращается къ Богу безъ колебанія, въ свободѣ своей воли, полагаясь на Него съ новымъ довѣріемъ и твердымъ рѣшеніемъ пребывать всегда съ Богомъ. Ибо соглашались на грѣхъ или на желаніе, котораго тѣлесная природа желаетъ, какъ звѣрь, есть отлученіе отъ союза съ Богомъ.

Чистота тѣла хочетъ, чтобы человѣкъ воздерживался и оберегался отъ нечистыхъ дѣлъ, какого бы рода они ни были, когда его со-

вѣсть увѣритъ его, что они нечисты и противны заповѣдямъ, славѣ и волѣ Бога.

Благодаря этимъ тремъ видамъ чистоты, седьмой смертный грѣхъ, похоть, побѣжденъ и отвергнутъ. Похоть есть наслаждающаяся склонность духа, отклоняющагося отъ Бога къ вещи сотворенной; это есть нечистое дѣло плоти внѣ дозволенія Святой Церкви, и тѣлесное пребываніе сердца въ какомъ-либо услажденіи тварью, какова бы она ни была, или въ желаніи ея. Я не имѣю въ виду здѣсь внезапныхъ движеній любви или желанія, которыхъ никто не можетъ избѣжать.

Вы знаете теперь, что чистота духа сохраняетъ человѣка въ подобіи Бога, свободнымъ отъ попеченій о тваряхъ, наклоннымъ къ Богу и соединеннымъ съ Нимъ. Непорочность тѣла сравниваютъ съ бѣлизной лилій и чистотой ангеловъ. По ея сопротивленію ее сравниваютъ съ красотою розъ и благородствомъ мучениковъ. Если сохраняютъ ее изъ любви къ Богу и въ честь Его, она дѣлается тогда совершенной и ее уподобляютъ подсолнечнику, ибо это одно изъ высшихъ украшеній природы.

Отъ чистоты сердца обновляется и возрастаетъ благодать Бога. Въ чистотѣ сердца внушаются, осуществляются и сохраняются всѣ добродѣтели. Она бережетъ и сохраняетъ чувства во-внѣ, она укрощаетъ и связываетъ животное желаніе внутри, и она есть украшеніе всякой внутренней близости. Она есть выступленіе сердца изъ земныхъ вещей и всякой лжи и его расцвѣтъ для вещей небесныхъ и всякой

истины. И вотъ почему Христось сказалъ: «Блаженны имѣющіе чистое сердце, ибо они увидятъ Бога». Видѣніе, въ которомъ заключается наша вѣчная радость и вся наша награда и наступленіе нашего блаженства. Поэтому человѣкъ будетъ трезвымъ и умѣреннымъ во всякой вещи и будетъ оберегаться отъ посѣщеній и отъ всякихъ случайностей, могущихъ омрачить чистоту души и тѣла.

Глава XXIII. Если мы хотимъ обладать этой добродѣтелью
 О трехъ вра- и отразить этихъ враговъ, мы должны имѣть
 гахъ, побѣж- праведность и должны ее осуществлять и со-
 даемыхъ пра- хранять до нашей смерти въ чистотѣ сердца,
 ведностью. ибо у насъ есть три могущественныхъ врага,
 которые насъ искушаютъ и съ нами борются
 во всякое время, во всякомъ состояніи и мно-
 гими способами. Если мы заключаемъ миръ съ
 однимъ изъ нихъ и если мы слѣдуемъ ему,
 мы побѣждены, ибо они сходятся во всѣхъ
 распутствахъ.

Эти три врага суть: діаволь, міръ и наша собственная плоть, которая намъ наиболѣе близка и часто бываетъ для насъ злѣйшимъ и губительнѣйшимъ изъ враговъ. Ибо наши животныя желанія суть оружія, которыми наши враги сражаются съ нами. Бездѣйствіе и беспечность къ добродѣтели и къ славѣ Бога служатъ причиной и удобнымъ случаемъ для нападенія, а природная немощь, нерадѣніе и незнаніе истины—мечомъ, посредствомъ котораго наши враги насъ ранятъ и порою побѣждаютъ.

И поэтому нужно, чтобы мы образовали

отряды въ себѣ самихъ и были раздѣлены. И низшую часть насъ, которая животна и противна добродѣтелямъ, мы должны презирать, и преслѣдовать, и заставлять страдать посредствомъ раскаянія и суровой жизни, чтобы она всегда была подавлена и покорна разуму, и чтобы праведность съ чистотой сердца брали всегда верхъ во всѣхъ добродѣтельныхъ дѣлахъ. И всѣ бѣды, всѣ скорби и преслѣдованія, которыя Богъ заставляеть насъ терпѣть со стороны тѣхъ, кто враги добродѣтели, мы претерпимъ съ радостью, въ честь Бога и во славу добродѣтели, и въ намѣреніи достигнуть праведности и обладать ею въ чистотѣ сердца; ибо Христосъ говоритъ: «Блаженны терпящіе гоненіе за правду, ибо имъ принадлежитъ Царство Небесное». Ибо праведность, сохраненная въ добродѣтели и добродѣтельныхъ дѣлахъ, есть динарій, вѣсящій столько же, какъ и Царство Божіе, и благодаря ему получаемъ мы вѣчную жизнь. Этими добродѣтелями человекъ выходитъ, чтобы итти къ Богу и къ себѣ, и къ своему ближнему, въ добрыхъ нравахъ, добродѣтеляхъ и праведности.

Кто хочетъ получить эту добродѣтель и со-Глава XXIV.
хранять ее, будетъ украшать свою душу, вла- О царствѣ
дѣть и управлять ею, какъ царствомъ. Сво- души.
бодная воля есть царь души. Она свободна по природѣ и еще болѣе свободна по милосердію. Она будетъ увѣнчана вѣнцомъ, называемымъ Благостью. Этотъ вѣнецъ и это царство будутъ получены отъ Повелителя, который есть Го-

сподь, властитель и царь царей, и владѣть и управлять этимъ царствомъ и сохранять его будутъ во имя Его. Этотъ царь, свободная воля, будетъ обитать въ самомъ высокомъ городѣ царства, то-есть въ вождельюющей силѣ души. И онъ будетъ украшенъ и одѣтъ двусторонней одеждой; правая сторона одежды будетъ добродѣтель, называемая силой, чтобы онъ былъ силенъ и могущественъ для одолѣнія всякаго препятствія, и чтобы онъ могъ пребывать на небѣ, въ чертогѣ высочайшаго Повелителя, и склонять, съ любовью и въ полномъ отреченіи отъ желанія, свою увѣнчанную голову передъ высочайшимъ Царемъ. Это—прямое дѣйствіе благодати. Ею получаютъ вѣнецъ, ею украшаютъ вѣнецъ, и ею сохраняютъ царство и владѣютъ имъ въ вѣчности. Лѣвая сторона одежды будетъ основная добродѣтель, называемая нравственной силой. Благодаря ей, свободная воля, царь, покоритъ всякую безнравственность, и исполнитъ всякую добродѣтель, и будетъ имѣть могущество сохранить свое царство до своей смерти.

Этотъ царь выберетъ совѣтниковъ въ своихъ земляхъ, самыхъ мудрыхъ въ его странѣ. Это будутъ двѣ божественныхъ добродѣтели, знаніе и разсужденіе, просвѣщенные божественной благодатью. Онѣ будутъ жить подлѣ царя, во дворцѣ, называемомъ разумной силой души. И онѣ будутъ одѣты и украшены нравственной добродѣтелью, которая называется сдержанностью, чтобы царь дѣйствовалъ и воздерживался всегда по ихъ совѣтамъ. Посредствомъ

знанія будутъ очищать совѣсть отъ всѣхъ недостатковъ и украшать ее всѣми добродѣтелями, а благодаря разсужденію, будутъ давать и брать, будутъ дѣлать и не дѣлать, будутъ молчать и говорить, будутъ поститься и ѣсть, будутъ слушать и отвѣчать, и будутъ во всемъ поступать сообразно знанію и разсужденію, облеченнымъ ихъ нравственной добродѣтелью, которая называется сдержанностью или умѣренностью.

Этотъ царь, свободная воля, поставитъ также въ своемъ царствѣ судью, которымъ будетъ справедливость, являющаяся божественной добродѣтелью, когда она рождается отъ любви. И это — одна изъ высшихъ нравственныхъ добродѣтелей. Этотъ судья будетъ жить въ совѣсти, посрединѣ царства, въ гнѣвной силѣ. И онъ будетъ украшенъ нравственной добродѣтелью, которая называется благоразуміемъ. Ибо справедливость не можетъ быть совершенной. Этотъ судья, справедливость, будетъ обходить царство съ силою и могуществомъ царя, сопровождаемый мудростью совѣта и своимъ собственнымъ благоразуміемъ. И онъ будетъ производить повышенія и давать отставки, будетъ судить и присуждать, будетъ предавать смерти и оставлять жизнь, будетъ калѣчить, ослѣплять и возвращать зрѣніе, возвышать и унижать и устанавливать порядокъ, наказывать и карать все по справедливости и уничтожить всѣ пороки.

Населеніе царства, это — всѣ силы души; онъ будутъ опираться на смиреніе и божественный страхъ, покорныя Богу во всѣхъ добродѣтеляхъ, каждая изъ нихъ такъ, какъ ей свой-

ственно. Кто занялъ, сохранилъ и упорядочилъ такимъ образомъ царство своей души, тотъ, любовью и добродѣтелями, вышелъ навстрѣчу Богу, самому себѣ и своему ближнему. Это—третье изъ четырехъ главныхъ указаний.

Глава XXV. Когда человѣкъ сталъ видящимъ по благодати Бога, и когда у него чиста совѣсть, и если онъ изслѣдовалъ три пришествія Христа, нашего жениха, и если, наконецъ, онъ вышелъ добродѣтелями, тогда происходитъ встрѣча нашего жениха, и это—четвертое указаніе и послѣднее. Въ этой встрѣчѣ—все наше блаженство и начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей, и безъ этой встрѣчи никакая добродѣтель не была бы осуществлена.

О духовной
встрѣчѣ ме-
жду Богомъ
и нами.

Такъ что, кто хочетъ встрѣтить Христа, какъ своего любимаго жениха, и хочетъ обладать въ Немъ и съ Нимъ вѣчной жизнью, долженъ встрѣтить Христа теперь, во времени, въ трехъ отношеніяхъ или по тремъ образамъ. Во-первыхъ, онъ долженъ любить Бога во всемъ, гдѣ мы заслужимъ вѣчную жизнь. Во-вторыхъ, нужно, чтобы онъ не привязывался ни къ чему, что онъ могъ бы любить столько же, какъ Бога, или больше. Въ-третьихъ, нужно, чтобы онъ покоился въ Богѣ отъ всей своей ревности, выше всѣхъ тварей и выше всѣхъ даровъ Бога и всѣхъ дѣлъ добродѣтелей, и выше всѣхъ осязуемыхъ благодатей, какія Богъ можетъ проливать въ тѣло и душу.

Теперь поймите: кто имѣетъ Бога цѣлью, тотъ долженъ имѣть Его присущимъ себѣ въ

нѣкоемъ божественномъ разумѣ, то-есть онъ долженъ имѣть въ виду того, кто Господь неба и земли и всей твари, кто за него умеръ и кто можетъ и хочетъ дать ему вѣчное спасеніе. Въ какомъ бы образѣ или подѣ какимъ бы именемъ ни представлялъ онъ себѣ Бога, какъ Господа всей твари, это всегда благо. Возьметъ ли онъ какое-нибудь божественное лицо и въ немъ сущность и могущество божественной природы, это—благо; будетъ ли смотрѣть на Бога, какъ на спасителя, избавителя, творца, властителя, блаженство, могущество, мудрость, истину, доброту, и на все это—въ томъ же самомъ и безконечномъ разумѣ божественной природы, это—благо.

Хотя имена, какія мы присвоиваемъ Богу, многочисленны, высокая природа Бога проста и не имѣетъ имени для тварей. Но мы даемъ Ему всѣ эти имена ради Его непостижимыхъ благородства и высоты и потому, что мы не можемъ ни назвать Его ни выразить вполнѣ. Вотъ подѣ какимъ видомъ и послѣ какого знанія Богъ будетъ намъ присуць въ нашемъ намѣреніи. Ибо имѣть Бога цѣлю, это значитъ видѣть Его духовно. Къ этому исканію принадлежатъ также сердечная привязанность и любовь, ибо познавать Бога и быть безъ любви, это ни въ чемъ не помогаетъ и не подвигаетъ впередъ, и это не имѣетъ никакого смысла. Поэтому человѣкъ будетъ всегда, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, любовно склоняться къ Богу, котораго онъ отыскиваетъ и любитъ поверхъ всякой вещи. Вотъ встрѣча Бога посредствомъ намѣренія и любви.

Грѣшникъ, чтобы обратиться отъ своихъ грѣховъ къ достойному покаянію, долженъ встрѣтить Бога сокрушеніемъ сердца, свободнымъ обращеніемъ и искреннимъ намѣреніемъ всегда служить Богу и никогда больше не совершать грѣха. Тогда онъ получаетъ въ этой встрѣчѣ отъ милосердія Божія вѣрную надежду на вѣчное спасеніе и прощеніе своихъ грѣховъ, и онъ получаетъ основаніе всѣхъ добродѣтелей, Вѣру, Надежду и Благодать и добрую волю осуществлять всѣ добродѣтели.

Если этотъ человѣкъ подвигается впередъ въ свѣтѣ вѣры и если онъ имѣетъ въ виду всѣ дѣла Христа, и все Его страданіе и все, что Онъ намъ обѣщалъ, и все, что Онъ сдѣлалъ для насъ, и все, что Онъ сдѣлаетъ до дня суда и въ вѣчности,—если этотъ человѣкъ изслѣдуетъ все это съ полезной для своего спасенія цѣлью, неизбѣжно онъ встрѣтитъ Христа, и Христосъ станетъ присущъ его душѣ, исполненной признательности, хвалы и достойныхъ дѣяній любви, за всѣ Его дары и за все, что Онъ сдѣлалъ, и за все, что Онъ сдѣлаетъ въ вѣчности. Тогда вѣра его укрѣплена и онъ испытываетъ болѣе глубокое и могущественное побужденіе ко всѣмъ добродѣтелямъ. Если онъ тогда подвигается впередъ въ дѣлахъ добродѣтелей, онъ долженъ еще встрѣтить Христа уничтоженіемъ себя. Пусть онъ не ищетъ себя самого и не задается чуждыми цѣлями, но пусть будетъ разсудителенъ въ своихъ дѣлахъ, пусть во всемъ имѣетъ въ виду Бога и Его хвалу и Его славу, и пусть твердо продолжаетъ такъ

до своей смерти, тогда его разумъ будетъ просвѣтленъ и благость умножена, и онъ станетъ болѣе благочестивъ и болѣе способенъ ко всѣмъ добродѣтелямъ.

Бога надо имѣть въ виду во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ; впрочемъ, невозможно имѣть Его въ виду въ дѣлахъ злыхъ. Не надо имѣть двухъ стремлений, то-есть искать Бога и, въ то же время, что-нибудь другое, но нужно, чтобы всякое иное намѣреніе было подчинено Богу и не было Ему противно, но было бы того же порядка и обращалось бы въ помощь и побужденіе, которыя легче приводятъ насъ къ Богу. Такимъ образомъ человѣкъ находится на истинномъ пути.

Надо также покоиться на томъ и въ томъ, о комъ помышляютъ и кого любятъ, скорѣе, чѣмъ на вѣстникахъ, которыхъ Онъ посылаетъ, то-есть Его дарахъ. Душа, равнымъ образомъ, пусть покоится въ Богѣ, превыше всѣхъ одѣяній и всѣхъ даровъ, какіе могутъ послать Его вѣстники.

Вѣстники души суть: намѣреніе, любовь и желаніе. Они приносятъ Богу всѣ добрыя дѣла и всѣ добродѣтели. Превыше всего этого душа будетъ покоиться въ своемъ возлюбленномъ, превыше всякой множественности. Вотъ образъ и видъ, по которымъ мы будемъ встрѣчать Христа во всей нашей жизни, во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и во всѣхъ нашихъ добродѣтеляхъ, правымъ намѣреніемъ, чтобы мы могли встрѣтить Его въ часъ нашей смерти въ свѣтѣ славы.

Этотъ видъ или этотъ образъ, какъ вы его узнали, называется дѣятельною жизнью; онъ

необходимъ всѣмъ людямъ, или, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ, чтобы они жили противно какой-либо добродѣтели, хотя бы они и не обладали всѣми добродѣтелями на той ступени совершенства, какую я указалъ. Ибо жить противно добродѣтелямъ—значитъ жить въ грѣхѣ, ибо Христосъ говоритъ: «Кто не со Мною, тотъ противъ Меня», кто не смирененъ—гордъ, кто гордъ—не смирененъ и не принадлежитъ Богу. И это такъ со всѣми грѣхами и добродѣтелями. Необходимо всегда или обладать добродѣтелью и быть въ состоянїи благодати, или же обладать противоположнымъ ей и быть въ грѣхѣ. Пусть всякій человѣкъ испытаетъ себя и живетъ, какъ здѣсь указано.

Глава XXVI. Человѣкъ, который такъ живетъ, въ этомъ совершенствѣ, какъ оно здѣсь указано, и который всю свою жизнь и всѣ свои дѣла относитъ къ чести и славѣ Бога, и который ищетъ и любитъ Бога поверхъ всякой вещи, часто въ своемъ желанїи побуждается видѣть, узнать и познать Христа, этого жениха, который сдѣлался человѣкомъ изъ любви къ нему, трудился въ любви до смерти, отогналъ отъ него грѣхъ и врага, далъ ему свою благодать и далъ самого себя, оставилъ ему свои таинства, обѣщалъ свое царство и обѣщалъ самого себя въ вѣчную награду, и обѣщалъ ему, наконецъ, необходимое для его тѣла, внутреннїя утѣшенїя и сладости, и безчисленные дары, сообразно всѣмъ родамъ потребностей. Когда человѣкъ размышляетъ обо всемъ этомъ, онъ

Какъ желаютъ узнать жениха въ Его природѣ.

чрезвычайно бываетъ побужденъ къ тому, чтобы видѣть Христа, своего жениха, и познать, что Онъ есть въ себѣ самомъ. Хотя бы Онъ и зналъ Его въ Его дѣлахъ, это кажется ему недостаточнымъ. Тогда онъ сдѣлаетъ, какъ сдѣлалъ мытарь Закхей, пожелавшій видѣть, кто былъ Иисусъ Христосъ. Онъ пойдетъ впередъ всей толпы, то-есть множества тварей, ибо онѣ дѣлаютъ насъ настолько ничтожными и малыми по росту, что мы не можемъ видѣть Бога. И онъ поднимется на дерево вѣры, которое растетъ сверху внизъ, ибо его корни въ божествѣ. Это дерево имѣетъ двѣнадцать вѣтвей, это суть двѣнадцать членовъ символа. Нижнія вѣтви говорятъ о человѣчности Бога и о чертахъ, касающихся спасенія нашего тѣла и нашей души. Верхняя часть дерева говоритъ о божественности, о троичности божественныхъ лицъ и объ единствѣ божественной природы. Человѣкъ будетъ держаться на единствѣ у вершины дерева, ибо тамъ долженъ пройти Иисусъ со всѣми своими дарами.

Сюда приходитъ Иисусъ, и Онъ видитъ человѣка и говоритъ ему въ свѣтѣ вѣры, что Онъ безмѣренъ и непостижимъ, неприступенъ и бездоненъ по своей божественности, и что Онъ превосходитъ всякій сотворенный свѣтъ и всякое ограниченное постиженіе. Это высшее знаніе, приобрѣтаемое въ дѣятельной жизни, узнать такъ, въ свѣтѣ вѣры, что Богъ непостижимъ и непознаваемъ. Въ этомъ свѣтѣ Христосъ говоритъ желанію человѣка: «Сойди скорѣй, ибо подлежитъ Мнѣ сегодня быть въ

твоёмъ домѣ». Это быстрое нисхожденіе, куда призываетъ Богъ, есть не что иное, какъ нисхожденіе желаніемъ и любовью въ бездну божественности, которой никакое разумѣніе не можетъ достигнуть въ сотворенномъ свѣтѣ. Но гдѣ разумѣніе остается во-внѣ, тамъ выступаютъ любовь и желаніе. Душа, преклоняясь такимъ образомъ передъ Богомъ, намѣреніемъ любви, превыше всего, что она понимаетъ, покоится и пребываетъ въ Богѣ и Богъ пребываетъ въ ней. Затѣмъ, поднимаясь желаніемъ надъ множественностью тварей, надъ дѣйствіемъ чувствъ, надъ свѣтомъ природы, Она встрѣчаетъ Христа въ свѣтѣ вѣры, и она просвѣтлена, и она узнаетъ, что Богъ непознаваемъ и не постижимъ. Наконецъ, склоняясь своими желаніями къ этому непостижимому Богу, она встрѣчаетъ Христа и переполняется Его дарами; и, любя и покоясь превыше всѣхъ даровъ, превыше самой себя и превыше всѣхъ тварей, она обитаетъ въ Богѣ и Богъ въ ней.

Вотъ какимъ образомъ вы встрѣтите Христа на вершинѣ дѣятельной жизни, если основаніемъ вы имѣете праведность, благость и смиреніе; и если вы построили на нихъ домъ, то-есть добродѣтели, которыя указаны здѣсь, и если вы встрѣтили Христа вѣрою и намѣреніемъ любви, то вы обитаете въ Богѣ и Богъ обитаетъ въ васъ, и вы обладаете дѣятельной жизнью.

И это первый родъ жизни, о которомъ мы хотѣли говорить.

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ ВТОРАЯ КНИГА ОДЪЯНІЯ ДУХОВНАГО БРАКА.

Мудрая дѣва, то-есть чистая душа, отка-
завшаяся отъ земныхъ вещей и живущая жизнью Предисло-
віе.
Бога въ добродѣтеляхъ, почерпнула изъ сосуда
своего сердца масло благодати и божественныхъ
дѣлъ посредствомъ свѣтильника незапятнанной
совѣсти. Но когда Христось, ея женихъ, за-
держиваетъ свои утѣшенія и новое изліяніе
своихъ даровъ, душа дѣлается сонливой и спя-
щей и медлительной.

Среди ночи, то-есть когда этого меньше все-
го ожидаютъ, духовный крикъ раздается въ
душѣ: «Смотрите, женихъ идетъ, выходите на-
встрѣчу Его». Мы будемъ говорить объ этомъ
видѣніи и о внутреннемъ пришествіи Хри-
ста и о духовномъ выходѣ челоуѣка навстрѣчу
Иисуса, и будемъ разъяснять и изслѣдовать эти
четыре условія внутренней жизни, возвышен-
ной и полной желанія, до которой не всѣ до-
ходятъ, но которой, однако, многіе достигаютъ,
благодаря добродѣтелямъ и внутреннему му-
жеству.

Въ этихъ словахъ Христось учитъ насъ че-
тыремъ вещамъ. Въ первыхъ Онъ желаетъ, что-
бы наше разумѣніе было просвѣтлено сверхъ-
естественнымъ свѣтомъ, что мы усматриваемъ
въ этомъ словѣ, которое Онъ произноситъ:
Смотрите. Въ другихъ словахъ Онъ указы-
ваетъ намъ, что именно намъ нужно видѣть,
то-есть внутреннее пришествіе нашего жениха
вѣчной истины, и это мы видимъ, когда Онъ

говоритъ: Женихъ идетъ. Въ третьемъ мѣстѣ Онъ приказываетъ выйти внутреннимъ дѣланіемъ сообразно праведности, и вотъ почему Онъ говоритъ: Выходите. Въ четвертомъ мѣстѣ Онъ намъ указываетъ цѣль и побудительную причину всѣхъ дѣлъ, и это — встрѣча нашего жениха, Иисуса Христа, въ наслаждающемся единствѣ божественности.

Глава I. Теперь будемъ говорить о первомъ словѣ. Какимъ образомъ дѣлаются сверхъестественно видящими во внутреннихъ дѣланіяхъ. Христось говоритъ: Смотрите. Необходимы три вещи для желающаго сверхъестественно видѣть во внутреннихъ дѣланіяхъ. Первая, это — свѣтъ божественной благодати, испытываемой болѣе возвышенно, чѣмъ это можетъ быть въ жизни внѣшней и дѣятельной, безъ внутренней дѣятельности. Вторая, это — лишенность чуждыхъ образовъ и обнаженность сердца, такъ чтобы человѣкъ былъ свободенъ отъ образовъ, привязанностей и отъ всякой твари. Третья, это — свободное обращеніе воли, посредствомъ сосредоточенія всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, и освобожденное отъ всякой безпорядочной любви. Такимъ образомъ, эта воля сливается въ единствѣ Бога и въ единствѣ мыслей, чтобы разумная тварь могла сверхъестественно достигъ высочайшаго единства Бога, и обладать имъ. Ради этого и создалъ Богъ небо и землю и всякую вещь. Ради этого Онъ сдѣлался человѣкомъ, жилъ для насъ и научилъ насъ и показалъ намъ путь къ этому единству. И Онъ умеръ въ узахъ любви и вознесся на небеса и открылъ намъ то самое един-

ство, въ которомъ мы можемъ обладать вѣчнымъ блаженствомъ.

Теперь размыслите внимательно: существуютъ три рода естественныхъ единствъ во всѣхъ людяхъ и, поверхъ того, сверхъестественныхъ у праведниковъ.

Глава II.
О трехъ родахъ единства, естественно существующихъ намъ.

Первое и верховное единство человѣка—въ Богѣ, ибо всѣ твари постоянно пребываютъ въ этомъ единствѣ, что касается сущности, жизни и сохраненія, и если бы онѣ отдѣлились отъ Бога въ этомъ мірѣ, онѣ впали бы въ небытіе и стали ничѣмъ. Это единство существенно въ насъ по природѣ, хороши ли мы или худы. И, безъ нашего содѣйствія, оно насъ не дѣлаетъ ни святыми ни блаженными. Этимъ единствомъ мы обладаемъ въ самихъ себѣ и, тѣмъ не менѣе, надъ собою, какъ началомъ и опорю нашей сущности и нашей жизни.

Другое соединеніе или единство естественно существуетъ въ насъ. Это — единство высшихъ силъ, поскольку онѣ дѣятельно берутъ свое естественное начало въ единствѣ духа или мыслей. Это то же единство, какъ и то, которое непрестанно пребываетъ въ Богѣ, но здѣсь оно взято въ дѣятельности, а тамъ въ сущности. Тѣмъ не менѣе, духъ всецѣло пребываетъ въ каждомъ единствѣ, сообразно цѣлостности своей сущности. Мы обладаемъ этимъ единствомъ въ себѣ, выше чувствительности, и отсюда рождаются память, разумніе и воля, и все могущество духовныхъ дѣлъ. Въ этомъ единствѣ душа называется духомъ.

Третье единство, естественно существующее въ насъ, есть основа тѣлесныхъ силъ въ единствѣ сердца, источникъ и начало тѣлесной жизни. Душа владѣетъ этимъ единствомъ въ жизненномъ средоточіи сердца, и отъ него истекаютъ всѣ тѣлесныя дѣла и пять чувствъ, и душа отсюда получаетъ имя души; ибо она есть источникъ жизни и оживляетъ тѣло, то-есть дѣлаетъ и сохраняетъ его живымъ. Эти три единства существуютъ въ человѣкѣ естественно, какъ жизнь и управленіе. Въ низшемъ единствѣ даются чувствительность и животность, въ посредствующемъ — разумность и духовность, и въ высшемъ единствѣ сохраняется сущность. И это существуетъ во всѣхъ людяхъ естественно.

Теперь эти три единства сверхъестественно бываютъ украшены и воздѣланы добродѣтелями, въ благодати и дѣятельной жизни, какъ царство и вѣчное жилище. И еще лучше они бываютъ украшены и славнѣе воздѣланы внутренними дѣланіями жизни духовной, но еще болѣе славно и блаженно—сверхъестественной созерцательной жизнью.

Низшее единство, тѣлесное, бываетъ сверхъестественно украшено и воздѣлано внѣшней дѣятельностью, въ совершенствѣ нравовъ, по примѣру Христа и Святыхъ, несеніемъ креста со Христомъ, подчиненіемъ природы повелѣніямъ Святой Церкви и наставленіямъ святыхъ, сообразно силамъ природы и благоразумію.

Другое единство, которое заключается въ духѣ и вполне духовно, бываетъ украшено и

воздѣлано сверхъестественно тремя божественными дарами: Вѣрой, Надеждой и Любовью, и притокомъ божественной благодати и даровъ, и доброю волею, направленной ко всѣмъ добродѣтелямъ, и желаніемъ слѣдовать примѣру Христа и святого христіанства.

Третье единство, и верховное, — выше нашего разумѣнія, и, однако, по существу пребываетъ въ насъ; мы воздѣлываемъ его сверхъестественно, когда во всѣхъ нашихъ добрыхъ дѣлахъ имѣемъ въ виду только славу Бога, безъ иного желанія, какъ только покоиться въ Немъ, превыше мысли, превыше насъ самихъ и превыше всего. Это и есть то единство, изъ котораго мы истекли, какъ твари, и въ которомъ мы пребываемъ по существу, и къ которому мы стремимся вернуться любовью. Вотъ добродѣтели, украшающія это тройное единство въ жизни дѣятельной.

Теперь мы будемъ говорить, какъ это тройное единство бываетъ украшено болѣе возвышенно и воздѣлано болѣе благородно внутреннимъ дѣланіемъ, соединеннымъ съ дѣятельной жизнью. Когда человѣкъ, благодаря любви и правому намѣренію, возвышается во всѣхъ своихъ дѣлахъ и во всей своей жизни къ чести и славѣ Бога и ищетъ выше всего успокоенія въ Богѣ, онъ будетъ ждать въ смиреніи и въ терпѣніи, и въ отреченіи отъ себя, и въ надеждѣ новыхъ богатствъ и новыхъ даровъ, и будетъ всегда безъ заботы относительно того, угодно ли Богу сообщить ему свои дары или отказать ему въ нихъ. Такъ готовятъ

себя къ принятію внутренней жизни желаній, и когда человѣкъ готовъ, въ эту готовность будетъ влита благородная жидкость. Нѣтъ сосуда болѣе благороднаго, чѣмъ любящая душа, ни напитка болѣе необходимаго, чѣмъ благодать Бога. Человѣкъ принесетъ, такимъ образомъ, Богу всѣ свои дѣла и всю свою жизнь, въ простомъ и прямомъ намѣреніи, и въ покоѣ превыше своего намѣренія, превыше самого себя и превыше всего, въ высокое единство, гдѣ Богъ и любящій духъ соединены безъ посредства.

Глава III. Изъ этого единства, въ которомъ духъ безъ посредства соединенъ съ Богомъ, истекаютъ О притокъ божественной благодати въ нашъ духъ. благодать и всѣ дары. Объ этомъ самомъ единствѣ, въ которомъ духъ покоится превыше себя, въ Богѣ, Христосъ, вѣчная истина, говоритъ: Смотрите, женихъ идетъ, выходите навстрѣчу Его. Иисусъ Христосъ, который есть свѣтъ вѣчной истины, говоритъ: Смотрите. Ибо Имъ мы дѣлаемся видящими, ибо Онъ есть свѣтъ Отца, и безъ Него нѣтъ свѣта ни на небѣ ни на землѣ.

Это слово Христа въ насъ есть не что иное, какъ притокъ Его свѣта и Его благодати. Эта благодать ниспадаетъ въ насъ, въ единство нашихъ высшихъ силъ и нашего духа, откуда верховныя силы дѣятельно изливаются во всѣ добродѣтели силою благодати, и возвращаются въ него въ узахъ любви.

Въ этомъ единствѣ заключаются сила и начало и конецъ всѣхъ дѣлъ тварей, естествен-

но и сверхъестественно, въ той мѣрѣ, какъ оно выработано тварно, благодатию, божественными дарами и собственной силой тварей; и поэтому Богъ даетъ свою благодать въ единствѣ высшихъ силъ, чтобы человѣкъ постоянно осуществлялъ добродѣтель, силою, богатствомъ и потокомъ благодатей. Ибо Онъ даетъ свою благодать для дѣлъ и отдаетъ самого себя превыше всѣхъ благодатей, для наслажденія и покоя. Единство нашего духа есть наша обитель въ божественномъ мирѣ и въ изобиліи благодати; и все множество добродѣтелей объединяется тамъ и живетъ въ простотѣ духа. Теперь божественная благодать, истекающая отъ Бога, становится внутреннимъ токомъ или истеченіемъ Духа Святого, который заставляетъ нашъ духъ внутренне отдѣлиться и устремляетъ его во всѣ добродѣтели. Эта благодать течетъ внутри, а не во-внѣ, ибо Богъ для насъ болѣе внутрененъ, чѣмъ мы сами для себя, и Его внутреннее теченіе и Его работа въ насъ, естественно или сверхъестественно, намъ болѣе близки и внутренни, чѣмъ наша собственная работа. И поэтому Богъ дѣйствуетъ въ насъ изнутри наружу, а всѣ твари дѣйствуютъ на насъ извнѣ внутрь. И поэтому благодать, божественные дары и внушеніе Бога приходятъ изнутри, въ единствѣ нашего духа, а не извнѣ, въ призрачныхъ видѣніяхъ чувственныхъ образовъ.

Теперь Христосъ говоритъ духовно въ че- Глава IV.
ловѣкъ въ обращеніи внутрь: Смотрите; три Какимъ
образомъ мы

утвердимъ
единство въ
свободѣ безъ
образовъ.

вещи, какъ я говорилъ прежде, дѣлаютъ чело-
вѣка видящимъ во внутреннемъ дѣланіи. Пер-
вая есть просвѣщеніе божественной благодатью.
Благодать Бога въ душѣ подобна свѣчѣ въ фо-
нарѣ или въ стеклянномъ сосудѣ, ибо она
проясняетъ и просвѣтляетъ насквозь сосудъ,
то-есть праведнаго челоуѣка. И она становится
явной челоуѣку, который имѣетъ ее въ себѣ,
лишь бы только онъ внимательно наблюдалъ
за самимъ собой. А черезъ него она стано-
вится также явной и другимъ, посредствомъ
добродѣтелей и добрыхъ примѣровъ. Это излу-
ченіе божественной благодати вскорѣ внутренно
волнуетъ и возбуждаетъ челоуѣка. И это быстрое
возбужденіе есть первое, что дѣлаетъ насъ видя-
щими. Отъ этого быстраго возбужденія Богомъ
рождается, со стороны челоуѣка, второе усло-
віе, а именно объединеніе всѣхъ силъ внутрен-
но и внѣшне въ единствѣ духа и узахъ любви.
Третье условіе есть свобода, такъ чтобы чело-
уѣкъ могъ возвращаться въ себя, безъ образовъ и
препятствій, такъ часто, какъ онъ этого поже-
паетъ; и чтобы онъ помнилъ о своемъ Богѣ,
то-есть, что челоуѣкъ долженъ быть безраз-
личенъ къ радости или скорби, къ приобрѣ-
тенію или потерѣ, къ возвышенію или униженію,
къ чуждымъ заботамъ, къ счастью или страху,
и свободнымъ отъ всякой твари. Эти три
вещи дѣлаютъ челоуѣка видящимъ во внутрен-
немъ дѣланіи. Если вы обладаете ими, вы имѣ-
ете основаніе и начало дѣланія и внутренней
жизни.

Даже когда глаза ясны и зрѣніе изоощрено, если предложенный имъ предметъ ни любезенъ, ни миль, ясное зрѣніе мало радуется и пользуетъ. И поэтому Христось указываетъ просвѣтленнымъ духовнымъ глазамъ, что они увидятъ, а именно внутреннее пришествіе Иисуса Христа, ихъ жениха.

Глава V.
О троякомъ пришествіи нашего Господа во внутреннемъ человѣкѣ.

Существуютъ три рода особыхъ пришествій Бога въ людяхъ, благочестиво упражняющихся во внутренней жизни. И каждое изъ этихъ пришествій поднимаетъ человѣка къ сущности болѣе высокой и къ болѣе внутреннему дѣланію.

Первое пришествіе Христа во внутреннемъ дѣланіи ошутительно устремляетъ человѣка вовнутрь, и бурно увлекаетъ его къ небу, и требуетъ, чтобы онъ былъ едино съ Богомъ. Это устремленіе и это привлеченіе испытываются въ сердцѣ и въ единствѣ всѣхъ тѣлесныхъ силъ, и особенно въ силѣ вождельюющей, ибо это пришествіе волнуетъ и дѣйствуетъ въ низшей части человѣка, ибо послѣдняя должна быть совершенно очищена, и облечена, и сожжена, и привлечена къ внутренней. Это побужденіе Бога внутри, оно даритъ, оно беретъ, оно дѣлаетъ человѣка бѣднымъ и богатымъ, изобильнымъ и несчастнымъ, оно заставляетъ надѣяться и отчаиваться, оно охлаждаетъ и разогрѣваетъ. Эти противоположные дары и дѣйствія невыразимы ни на какомъ языкѣ.

Это пришествіе съ его дѣйствіями раздѣляется на четыре вида, одни болѣе возвышенные, чѣмъ другіе, какъ мы это покажемъ даль-

ше. И этимъ-то низшая часть человѣка бываетъ украшена во внутренней жизни.

Глава VI. Второй видъ внутренняго пришествія Христа, болѣе высокаго и болѣе подобнаго Ему самому, и сопровождаемаго болѣе многочисленными свѣтами и дарами, есть притокъ въ верховныя силы души съ изобиліемъ божественныхъ даровъ, укрѣпляющихъ, просвѣщающихъ и обогащающихъ духъ многообразно. Этотъ потокъ Бога въ насъ требуетъ изліянія и обратнаго потока, сопровождаемыхъ всѣми дарами, къ самому источнику, изъ котораго потокъ вышелъ. Богъ даетъ много въ этомъ потокѣ, Онъ являетъ въ немъ великія чудеса, но Онъ требуетъ обратно отъ души всѣ свои дары, умноженные превыше всего того, что могутъ совершить твари. Это дѣйствіе и этотъ видъ болѣе благородны и болѣе подобны Богу, чѣмъ первый, и этимъ-то бываютъ украшены три высшія силы души.

Глава VII. Нашъ Господь приходитъ еще третьимъ образомъ, и это есть душевное возбужденіе или внутреннее прикосновеніе въ единствѣ духа, гдѣ находятся высшія силы души, и откуда онѣ истекаютъ, и куда онѣ возвращаются, пребывающая всегда соединенными естественнымъ единствомъ духа и узами любви. Это пришествіе порождаетъ верховную и наиболѣе глубокую сущность во внутренней жизни, и черезъ него единство духа бываетъ украшено многообразно. Теперь, Христосъ въ каждомъ пришествіи требуетъ особаго выходненія насъ самихъ,

такъ чтобы жить жизнью, соотвѣтствующей Его пришествію. И поэтому въ каждомъ пришествіи Онъ говоритъ духовно въ нашемъ сердцѣ: «выходите, вашей жизнью и вашими дѣлами, и идите, куда моя благодать и мои дары устремлять васъ». Ибо, чтобы стать совершенными, намъ нужно выйти и дѣйствовать во внутреннихъ дѣланіяхъ, по мѣрѣ того какъ Богъ устремляетъ насъ, уноситъ насъ, влияетъ на насъ и прикасается къ намъ. Но если мы противимся духу Бога несоотвѣтствіемъ нашей жизни, мы теряемъ этотъ внутренній потокъ и тогда добродѣтели отсутствуютъ у насъ.

Вотъ три пришествія Христа во внутреннихъ дѣланіяхъ. Теперь мы будемъ разбирать и изъяснять каждое пришествіе особо. Окажите же намъ дѣятельное вниманіе, ибо тотъ, кто этого не испыталъ, не пойметъ этого хорошо.

Первое пришествіе Христа, въ движеніяхъ желанія, есть, какъ сказано выше, внутренняя и осязаемая струя Духа Святого, которая насъ устремляетъ и увлекаетъ ко всѣмъ добродѣтелямъ. Мы сравнимъ это пришествіе съ лучезарностью и могуществомъ солнца, которое, со своимъ восходомъ, проясняетъ, освѣщаетъ и согрѣваетъ цѣлый міръ въ мгновеніе ока. Такъ же сверкаетъ и сіяетъ Христосъ, вѣчное солнце, пребывающее на послѣдней вершинѣ духа, и освѣщаетъ и воспламеняетъ низшую часть человѣка, а именно его физическое сердце и его силу чувствованія, и это совершается въ срокъ болѣе короткій, чѣмъ

Глава VIII.

Первое изъ трехъ пришествій имѣетъ три вида, и основываетъ единство.

мгновеніе ока, ибо дѣйствіе Бога быстро, а человѣкъ, въ которомъ оно происходитъ, долженъ быть внутренно видящимъ посредствомъ духовныхъ очей.

Солнце сверкаетъ на Востокѣ, посреди міра, на горахъ; оно тамъ ускоряетъ лѣто и создаетъ хорошіе плоды и могучія вина, наполняя радостью землю. То же самое солнце свѣтитъ на Западѣ, на краю земли; страна тамъ болѣе холодная и сила жара тамъ меньше, тѣмъ не менѣе, оно тамъ производитъ много прекрасныхъ плодовъ, но тамъ мало найдется винъ.

Люди, живущіе на Западѣ самихъ себя, пребываютъ во внѣшнихъ чувствахъ, и своими добрыми намѣреніями, своими добродѣтелями и своими внѣшними дѣлами, въ благодати Бога, они приносятъ обильныя жатвы добродѣтелей многообразно, но они рѣдко вкушаютъ вино внутренней радости и духовнаго утѣшенія.

Человѣкъ, желающій испытать излученіе вѣчнаго солнца, которое есть самъ Христосъ, будетъ видящимъ, и будетъ обитать на горахъ Востока, сосредоточивая всѣ свои силы и возвышая свое сердце къ Богу, свободный и безпечный относительно радости и горя и всѣхъ тварей. Тамъ блистаетъ Христосъ, солнце праведности, надъ сердцемъ свободнымъ и восторженнымъ, и это тѣ горы, которыя я имѣю въ виду. Христосъ, славное солнце и божественный свѣтъ, освѣщаетъ и просвѣтляетъ насквозь и зажигаетъ своимъ внутреннимъ пришествіемъ и силою своего духа, свободное сердце и всѣ

способности души. И это—первое дѣйствіе внутренняго пришествія въ движеніяхъ желанія. Какъ сила и природа огня зажигаютъ предметы, предложенные пламени, такъ и Христосъ зажигаетъ предложенное ему сердце, свободное и восторженное, въ воспламененіи своего внутренняго пришествія, и Онъ говоритъ въ этомъ пришествіи: «Выходите дѣланіями, соотвѣтствующими этому пришествію».

Отъ этого жара рождается единство сердца, ибо мы не можемъ получить истиннаго единства, если духъ Бога не зажжетъ своего пламени въ нашемъ сердцѣ. Ибо это пламя дѣлаетъ единымъ и подобнымъ себѣ самому все, что оно можетъ одолѣть и преобразить.

Единство дѣлаетъ то, что человѣкъ чувствуетъ себя сосредоточеннымъ внутренно, со всѣми своими силами, въ единствѣ своего сердца. Единство даетъ внутренній миръ и покой сердца. Единство сердца есть связь, которая собираетъ и сплетаетъ тѣло и душу и всѣ внѣшнія и внутреннія силы, въ единствѣ любви.

Отъ этого единства рождается сердечность, ибо никто не можетъ имѣть сердечности, если онъ не единъ и не возсоединенъ въ себѣ самомъ; горячность или сердечность есть обращеніе человѣка внутрь, въ свое собственное сердце, чтобы постичь и испытать внутреннее дѣйствіе или привѣтствіе Бога. Сердечность есть осязаемое пламя любви, которое духъ Бога зажигаетъ и разводитъ въ человѣкѣ, и по-

Глава IX.

Объ
единствѣ
сердца.

Глава X.

Какимъ
образомъ
добродѣтели
происходятъ
изъ един-
ства.

слѣдній не знаетъ, ни откуда оно приходитъ, ни что съ нимъ случилось.

Глава XI.

Объ
ощутимой
любви.

Изъ сердечности рождается ощутимая любовь, которая проникаетъ сердце человѣка и вожделѣющую силу души. Этой вожделѣющей любви и ощутимаго услажденія сердца никто не можетъ испытать, если онъ не имѣетъ сердечности.

Эта ощутимая любовь есть необычайные вкусъ и потребность Бога, какъ вѣчнаго блага, гдѣ все содержится. Ощутимая любовь отказывается отъ всѣхъ тварей, поскольку они суть предметы не нужды, а наслажденія; внутренняя любовь чувствуетъ внутри прикосновеніе вѣчной любви, которую она должна вѣчно осуществлять. Внутренняя любовь легко отвергаетъ и презираетъ всякую вещь, чтобы получить любимое.

Глава XII.

О благоговѣніи.

Изъ этой ощутимой любви рождается благоговѣніе къ Богу и Его славѣ. Ибо никто не можетъ имѣть алчнаго благоговѣнія въ своемъ сердцѣ, какъ только человѣкъ, обладающій ощутимой любовью къ Богу. Благоговѣніе существуетъ, когда огонь любви поднимаетъ къ небу свое пламя желаній. Благоговѣніе потрясаетъ и разжигаетъ человѣка внутренне и внѣшне, чтобы побудить его къ служенію Богу. Благоговѣніе заставляетъ цѣсти тѣло и душу въ славѣ и достоинствахъ въ глазахъ Бога и всѣхъ людей. Богъ требуетъ благоговѣнія во всемъ, что мы дѣлаемъ. Благоговѣніе очищаетъ

тѣло и душу отъ всего, что могло бы насъ задержать или остановить. Благоговѣніе указываетъ и даруетъ истинный путь къ блаженству.

Отъ ревностнаго благоговѣнія рождается благодарность, ибо никто не можетъ совершенно ни благодарить ни восхвалять Бога, какъ только человѣкъ ревностный и благочестивый. Но намъ слѣдуетъ прославлять и благодарить Бога, ибо Онъ насъ создалъ и одарилъ разумомъ, Онъ создалъ небо и землю и приставилъ ангеловъ, чтобы служить намъ, и Онъ сдѣлался человѣкомъ изъ-за нашихъ грѣховъ, и Онъ насъ научилъ, Онъ наставилъ насъ и указалъ намъ путь, и Онъ претерпѣлъ за насъ позорную смерть, и Онъ общалъ самого себя и общалъ намъ свое вѣчное царство, не только какъ награду, но еще какъ нашу плату. И Онъ пощадилъ насъ въ нашихъ грѣхахъ, и затѣмъ желаетъ ихъ намъ простить или уже простилъ. И Онъ излилъ свою благодать и свою любовь въ нашу душу, Онъ хочетъ вѣчно пребывать въ насъ и съ нами. И въ продолженіе всѣхъ дней нашей жизни Онъ хочетъ насъ посѣщать и посѣщать насъ, сообразно нашимъ нуждамъ, посредствомъ своихъ высокихъ таинствъ. И Онъ отдалъ намъ свое тѣло и свою кровь въ пищу и питіе, сообразно желанію и потребности каждаго. И Онъ далъ намъ въ образецъ, и предложилъ какъ зеркала, природу, Писаніе и всѣхъ тварей, чтобы мы могли наблюдать и узнавать, какъ намъ преобразить всѣ наши дѣла въ добродѣтели. И Онъ

Глава XIII.
О благодарности.

послалъ намъ могущество и силу, а иногда посылалъ болѣзни для нашего блага, и внѣшнюю нищету, водворяя въ насъ внутренніе миръ и покой. И Онъ позволилъ намъ носить христіанскія имена и родиться отъ христіанскихъ родителей. Мы будемъ благодарить Бога за все это здѣсь, внизу, чтобъ благодарить Его вѣчно тамъ, наверху. Мы будемъ также восхвалять Бога всѣмъ, что мы сможемъ Ему предложить.

Восхвалять Бога, это—выказывать всемогуществу, въ продолженіе всей нашей жизни, почитаніе и благоговѣніе. Восхвалять Бога, это—существенное дѣло ангеловъ и святыхъ на небѣ, и людей любящихъ, на землѣ. Надо восхвалять Бога своими желаніями, своими воздвигнутыми силами, словомъ, дѣлами, тѣломъ, душой, богатствами и смиреннымъ рабствомъ, внутренне и внѣшне. Тѣ, которые не восхваляютъ Бога здѣсь, будутъ вѣчно нѣмы. Восхвалять Бога есть самое радостное и самое сладостное дѣло для любящихъ сердець. Сердце, полное хваленій, желаетъ, чтобы всѣ твари пѣли хвалы Богу. Нѣтъ предѣла хваламъ Богу, ибо это—наше спасеніе, и мы будемъ восхвалять Его вѣчно.

Глава XIV. Отъ внутренней благодарности и отъ восхваленія рождаются двойная печаль сердца и мука въ желаніи. Первая печаль есть безсиліе въ признательности и въ томъ, что надо дѣлать для восхваленія и почитанія Бога и служенія Ему. Другая печаль происходитъ отъ

О двухъ печаляхъ, рождающихся отъ внутренней благодарности.

того, что нельзя возражать, какъ бы того хотѣлось, въ благодати, въ добродѣтеляхъ, въ упованіи и въ совершенныхъ нравахъ, чтобы стать достойнымъ восхвалять Бога, благодарить Его и служить Ему, какъ подобаетъ. Вотъ другая печаль. Эти двѣ печали суть въ то же время корень и плодъ, начало и конецъ всѣхъ внутреннихъ добродѣтелей.

Внутреннія страданія и печаль отъ безсилія въ добродѣтеляхъ и въ хвалахъ Богу, суть высшее дѣйствіе въ этомъ родѣ внутренняго дѣланія и, благодаря имъ, это дѣланіе становится совершеннымъ.

Теперь выслушайте одно сравненіе, чтобы понять это дѣланіе. Когда естественный огонь своимъ жаромъ и своею силою привелъ въ кипѣніе воду или другую какую-нибудь жидкость, то это—его высшее дѣйствіе. Тогда вода крутится и падаетъ обратно на то же дно, потомъ она снова бываетъ поднята силою огня, чтобы опять упасть обратно, такъ что вода все время находится въ кипѣніи и огонь все время приводитъ ее въ движеніе.

И такимъ же самымъ образомъ дѣйствуетъ внутренній огонь Святого Духа. Онъ увлекаетъ, разогрѣваетъ и возбуждаетъ сердце и всѣ силы души до кипѣнія, то-есть до благодаренія и восхваленія Бога по тому образу, о которомъ я говорилъ. И падаютъ обратно на то же дно, гдѣ горитъ Духъ Святой, такъ что огонь любви горитъ всегда, и сердце человѣка всегда благодаритъ и восхваляетъ словами и

Глава XV.
Подобіе по предмету этого перваго рода дѣланія.

дѣлами и всегда пребываетъ въ смиреніи, такъ что считаютъ великимъ то, что будутъ дѣлать и что хотѣли бы сдѣлать, и бездѣлицей то, что дѣлають.

Глава XVI. Когда приближается лѣто и солнце поднимается выше, оно притягиваетъ влажность изъ земли по корнямъ и стволамъ деревьевъ, и даже до вѣтвей, и отъ этого появляются зелень, цвѣты и плоды.

Еще одно подобіе по предмету того же дѣланія.

Точно такъ же, когда Христось, вѣчное солнце, восходитъ въ нашемъ сердцѣ, такъ что царствуетъ лѣто надъ одѣяніемъ добродѣтелей, Онъ посылаетъ свой свѣтъ и свой жаръ въ наши желанія, и извлекаетъ сердце изъ всей множественности земныхъ вещей, и создаетъ единство и сердечность, и заставляетъ сердце расти и зеленѣть отъ внутренней любви, и заставляетъ его цвѣсти любовнымъ благоговѣніемъ, и заставляетъ приносить плоды благодарности и любви, и вѣчно сохраняетъ эти плоды въ смиренной печали безсилія.

Здѣсь кончается первый изъ четырехъ главныхъ родовъ внутреннихъ дѣланій, которыя украшаютъ низшую часть человѣка.

Глава XVII. Но сравнивая такъ съ блескомъ и могуществомъ солнца четыре вида пришествій Іисуса Христа, мы открываемъ еще въ солнцѣ такую силу или такое вліяніе, которыя дѣлають плоды болѣе ранними и многочисленными.

О другомъ способѣ увеличенія сердечности смиреніемъ.

Когда солнце поднимается непомѣрно и входитъ въ знакъ Близнецовъ, то-есть въ нѣчто

двойное и одной природы, въ срединѣ мѣсяца мая, солнце имѣетъ удвоенную власть надъ цвѣтами, травами и всѣмъ, что растетъ на землѣ. Если тогда планеты, управляющія природой, хорошо расположены по времени года, то солнце сіяетъ на землю, и поднимаетъ влагу въ воздушныя области. Отсюда рождаются роса и дождь, и плоды почвы растутъ и умножаются.

Точно такъ же, когда Христосъ, ясное солнце, возшелъ въ нашемъ сердцѣ превыше всего, и когда требованія тѣлесной природы, противныя духу, достаточно обузданы и управлены согласно разуму, когда обладаютъ добродѣтелями по образу, о которомъ я сказалъ въ первомъ видѣ, когда, наконецъ, жаромъ благодати, мы приносимъ и возвращаемъ Богу, съ признательностью и любовью, услаждение и миръ, находимыя нами въ добродѣтеляхъ,—то отъ всего этого рождаются порою сладостный дождь новыхъ внутреннихъ утѣшеній и небесная роса божественной кротости. Эта роса и этотъ дождь заставляютъ расти и ежедневно умножаютъ всѣ добродѣтели, если мы тому не ставимъ препятствій. Это—новое и особенное дѣйствіе, и новое пришествіе Христа въ любящемъ сердцѣ. И, благодаря этому, человѣкъ бываетъ поднятъ выше, въ видѣ болѣе высокій. И Христосъ говоритъ на этой вершинѣ: «Выходите сообразно виду этого пришествія».

Отъ этой кротости рождается сладострастіе Глава XVIII.
сердца и всѣхъ тѣлесныхъ силъ, такъ что че- О чистомъ
ловѣкъ воображаетъ, что онъ внутренно оку- удовлетворе-
- ніи сердца и

объ ощути-
мой силѣ.

танъ въ божественные перегибы любви. Это сладострастіе и это утѣшеніе болѣе велики и болѣе сладостны для тѣла и души, чѣмъ всѣ сладострастія земли, даже если бы человѣкъ могъ ими всецѣло наслаждаться. Въ этомъ сладострастіи Богъ погружается въ сердце посредствомъ своихъ даровъ съ такимъ изобиліемъ услажденій, утѣшеній и радостей, что сердце внутренно выходитъ изъ береговъ. И это даетъ человѣку замѣтить, какъ несчастны живущіе внѣ любви. Это сладострастіе расплавляетъ сердце до того, что человѣкъ не можетъ сдерживаться, такъ велика полнота внутренней радости.

Глава XIX.

О духовномъ
опьянѣніи.

Отъ этихъ сладострастій рождается духовное опьянѣніе. Духовное опьянѣніе происходитъ, когда человѣкъ испытываетъ больше услажденій и увеселеній, чѣмъ его сердце или его желаніе могли бы пожелать или вмѣстить. Духовное опьянѣніе даетъ рожденіе въ человѣкѣ страннымъ привычкамъ. Оно заставляетъ однихъ пѣть хвалы Богу вслѣдствіе преизбытка радости, а другихъ плакать великими слезами отъ полноты сердца. Оно порождаетъ въ одномъ нетерпѣніе во всѣхъ его членахъ, такъ что онъ бѣгаетъ, прыгаетъ, топаетъ; другого возбуждаетъ до того, что онъ начинаетъ производить тѣлодвиженія и рукоплескать. Одинъ кричитъ громкимъ голосомъ и тѣмъ выражаетъ полноту, которую онъ испытываетъ внутри; другой принужденъ молчать и таять отъ наслажденія во всѣхъ своихъ чувствахъ. Временами ему ка-

жется, что весь міръ испытываетъ то же, что онъ; въ другихъ случаяхъ онъ воображаетъ, что никто не вкушаетъ того, что выпало ему. Часто ему кажется, что никогда больше онъ не будетъ въ состояніи потерять и не потеряетъ эту полноту, а иногда онъ изумляется, что всѣ люди не дѣлаются духовными и божественными; порою онъ воображаетъ, что Богъ принадлежитъ весь ему одному, и никому другому въ той мѣрѣ, какъ ему; въ другихъ случаяхъ онъ спрашиваетъ себя съ удивленіемъ, что такое эти наслажденія, откуда они исходятъ, и что съ нимъ случилось. Это—жизнь наиболѣе сладострастная (съ точки зрѣнія тѣлесныхъ чувствъ), какой человѣкъ можетъ достигъ на землѣ. Въ извѣстныя мгновенія это сладострастіе становится такимъ огромнымъ, что человѣкъ воображаетъ, что его сердце сейчасъ разорвется. Человѣкъ будетъ смиренно благодарить, восхвалять, чтить и прославлять Бога за эти многообразныя дары и эти чудесныя дѣла, и онъ съ горячимъ благоговѣніемъ будетъ благодарить Господа, который все это можетъ, за то, что Ему угодно это совершить. И человѣкъ всегда будетъ бодрствовать въ своемъ сердцѣ, и говорить чистосердечно: «Господи, я этого не достоинъ, но я нуждаюсь въ твоей безграничной добротѣ и въ твоей помощи». Въ такомъ смиреніи онъ можетъ возрастать и подниматься къ болѣе высокимъ добродѣтелямъ.

Это пришествіе, или этотъ родъ пришествія Глава XX.
даруется начинающимъ, когда они отвращаются О препят-

ствіяхъ, ко-
торыя при
этомъ встрѣ-
чаются.

отъ міра, когда ихъ обращеніе полно и когда они отказываются отъ всѣхъ земныхъ утѣшеній, чтобы быть всецѣло въ Богѣ и жить только для Него; однако, они еще слабы и нуждаются въ молокѣ и другихъ сладостяхъ, а не въ слишкомъ крѣпкой пищѣ, каковы большія искушенія или оставленіе Богомъ. Иней и туманъ часто вредятъ имъ въ это время года, то-есть въ этомъ состояніи души, ибо они находятся въ серединѣ мѣсяца мая внутренней жизни. Иней, это—желаніе быть чѣмъ-нибудь, или воображеніе, что нѣчто представляешь собою, или нѣкоторая привязанность къ себѣ самому, или же вѣра, что заслужилъ утѣшеній и что достоинъ ихъ, это—иней, который могъ бы уничтожить цвѣтъ и плодъ всѣхъ добродѣтелей. Туманъ, это—желаніе успокоиться во внутреннихъ утѣшеніяхъ и внутреннихъ сладостяхъ. Онъ помрачаетъ область разума, и силы, которыя были готовы распуститься и цвѣсти и приносить плоды, снова закрываются; и вотъ почему теряется сознаніе истины и, тѣмъ не менѣе, сохраняются иногда нѣкоторыя ложныя сладости, дарованныя врагомъ и, съ теченіемъ времени, сбивающія съ пути человѣка.

Глава XXI. Я хочу дать вамъ здѣсь небольшое сравненіе, чтобы вы не сбивались съ пути и могли мудро вести себя въ этомъ случаѣ. Наблюдайте мудрую пчелу и поступайте, какъ она. Она пребываетъ въ единствѣ среди собранія себѣ подобныхъ, и выходитъ не во время бури, а

Примѣръ,
показываю-
щій, какъ
надо вести
себя въ
этомъ слу-
чаѣ.

когда время спокойно и ясно, въ лучахъ солнца; и она летитъ ко всѣмъ цвѣтамъ, гдѣ можетъ найти сладость. Она не отдыхаетъ ни на одномъ цвѣткѣ, ни на его красотѣ, ни на его приятности, но добываетъ изъ чашечекъ медъ и воскъ, то-есть сладость и вещество свѣта, и она ихъ приноситъ въ единство, образованное собраніемъ всѣхъ пчелъ, чтобы медъ и воскъ могли быть хорошо использованы.

Раскрывшееся сердце, на которое свѣтитъ Христось, вѣчное солнце, растетъ и цвѣтетъ подъ Его лучами и изливается со всѣми внутренними силами въ радости и въ сладостяхъ.

И человѣкъ мудрый будетъ поступать, какъ пчела, и онъ вылетитъ, чтобы спуститься со вниманіемъ, съ разумніемъ и съ благоразуміемъ на всѣ дары и на всю сладость, имъ испытанную, и на все добро, которое Богъ ему сдѣлалъ; и, благодаря лучу любви и внутренняго наблюденія, онъ испытаетъ множество утѣшеній и благъ. И онъ не успокоится ни на одномъ цвѣткѣ даровъ, но, обремененный признательностью и хвалами, направитъ свой полетъ обратно къ единству, гдѣ онъ желаетъ пребывать и покоиться съ Богомъ вѣчно.

Вотъ другой родъ внутренняго дѣланія, который многообразно украшаетъ низшую часть человѣка.

Когда небесное солнце достигаетъ своего
 высшаго положенія, именно въ знакѣ Рака (это
 значитъ, что оно не можетъ подниматься
 выше, но начинаетъ опускаться), тогда насту-

Глава XXII.
 О третьемъ
 видѣ духов-
 наго прише-
 ствія Христа.

паютъ наиболѣе сильныя жары въ году. И солнце притягиваетъ влагу, и земля высыхаетъ, и плоды спѣютъ.

Точно также, когда Христось, божественное солнце, восходитъ на высочайшія вершины нашего сердца, то-есть превыше всѣхъ даровъ, всѣхъ утѣшеній и всѣхъ сладостей, какія Онъ можетъ намъ даровать, такъ чтобы мы не могли успокоиться ни на одной изъ сладостей, которыя Онъ можетъ разлить въ нашей душѣ, какъ бы онѣ ни были велики,—если мы тогда владѣемъ собою, и если, какъ я сказалъ объ этомъ выше, мы всегда возвращаемся со смиренными хвалами и внутренними дѣлами благодатей къ источнику, изъ котораго истекаютъ всѣ дары, смотря по нуждамъ и заслугамъ тварей, то Христось останавливается и пребываетъ вознесеннымъ на высочайшей вершинѣ нашего сердца, и хочетъ привлечь въ себя все, то-есть всѣ наши силы. Ибо, когда услажденіе и утѣшеніе не могутъ ни побѣдить ни удержать любящее сердце, но когда, напротивъ, оно хочетъ переступить черезъ всѣ дары и всѣ утѣшенія, чтобы достигъ того, кого любить, отъ всего этого рождается третій родъ внутренняго дѣланія, посредствомъ котораго человѣкъ поднимается выше, и бываетъ украшенъ сообразно своей любви и въ низшей части своего существа.

Первое дѣйствіе Христа и начало этого вида заключаются въ слѣдующемъ: Богъ привлекаетъ къ небу сердце, желаніе и всѣ силы души, и требуетъ, чтобы они соединились съ

Нимъ, и говоритъ духовно въ сердцѣ: «Выходите изъ себя самихъ, чтобы придти ко Мнѣ, по тому образу, какъ Я васъ привлекаю и какъ требую васъ». Я не могу ясно показать это привлеченіе и это требованіе, грубымъ и безчувственнымъ людямъ, но это есть внутреннее приглашеніе и требованіе Бога, соединиться въ сердцѣ съ Его высшимъ единствомъ. Это внутреннее приглашеніе для сердца любящаго болѣе сладостно, чѣмъ все, что оно когда-либо испытало, ибо отъ него рождаются новый видъ и дѣланіе болѣе возвышенное. Тутъ сердце раскрывается въ радости и въ желаніи, и всѣ жилы зіяютъ, и всѣ силы души готовы и желаютъ совершить требуемое Богомъ и Его единствомъ. Это приглашеніе есть излученіе Христа, вѣчнаго солнца, и причиняетъ такія великія радость и сладострастіе въ сердцѣ, и заставляетъ его такъ широко раскрываться, что снова его закрыть можно только съ мучительнымъ усиліемъ. Человѣкъ внутренне раненъ въ свое сердце и чувствуетъ язву любви. Быть раненымъ любовью—чувствованіе самое сладостное и мука самая тяжкая, какія только можно испытать. Быть раненымъ любовью, это—вѣрный признакъ, что наступитъ исцѣленіе. Эта духовная рана причиняетъ одновременно и добро и зло.

Христось, истинное солнце, свѣтитъ и отражается въ раскрытомъ и раненомъ сердцѣ, и требуетъ новаго единства. И это возобновляетъ рану и всѣ язвы.

Глава XXIII. Отъ этого внутренняго требованія, и отъ
 О томлені- этого приглашенія, и отъ безсилія твари, ко-
 яхъ и нетер- торая выпрямляется, и предлагаетъ себя со-
 пѣніяхъ всѣмъ, что она можетъ сдѣлать, и, однако, не
 любви. въ состоянїи ни достигъ этого единства, ни
 получить его, рождается духовное томленіе.
 Когда самая внутренняя часть сердца и источ-
 никъ жизни ранены любовью, и когда невоз-
 можно получить то, чего желаютъ превыше все-
 го, и когда приходится вѣчно пребывать тамъ,
 гдѣ не хотятъ быть, это—опять томленіе, рож-
 дающееся отъ этихъ страданій. Христосъ взо-
 шелъ здѣсь на высочайшія вершины сознанія
 и мечетъ свои божественные лучи въ алчныя
 желанія и въ порывы сердца, и это блистаніе
 воспламеняетъ, высушиваетъ и снѣдаетъ всякую
 влажность, то-есть всѣ силы и всѣ могущества
 природы. Но сердце, зіяющее желаніями, и
 излученіе божественныхъ лучей порождаютъ
 безпрерывное томленіе.

Если тогда не могутъ получить Бога, и если
 не хотятъ и не могутъ отъ Него отказаться,
 то прорываются внутри и во-внѣ ужасные
 пыль и нетерпѣніе въ такихъ людяхъ. Пока
 длится это нетерпѣніе, ни одна тварь на небѣ
 и на землѣ не можетъ ихъ ни утѣшить, ни
 дать имъ покой. Въ этомъ изступленіи любви,
 иногда даруются внутренно высокія и полез-
 ные слова и мудрость и необычныя наученія.
 Въ этомъ внутреннемъ нетерпѣнїи бываютъ
 готовы претерпѣть все, что можно претерпѣть,
 чтобы быть въ состоянїи получить любимое.
 Изступленіе любви есть внутреннее нетерпѣ-

ніе, которое не хочетъ больше слѣдовать требованіямъ разума, безъ того чтобы было получено любимое. Внутреннее изступленіе поѣдаетъ сердце человѣка и пьетъ его кровь. Ощутимый пылъ любви тутъ болѣе жарокъ, чѣмъ во всякое другое время человѣческой жизни. И тѣлесная природа человѣка бываетъ тайно ранена, и сгораетъ безъ внѣшней работы, и плоды добродѣтелей спѣютъ такъ быстро, какъ ни въ одномъ изъ другихъ видовъ, разсмотрѣнныхъ выше.

Въ это самое время года тѣлесное солнце вступаетъ въ знакъ Льва, который буйной природы, ибо онъ царь всѣхъ звѣрей. И подобнымъ образомъ, когда человѣкъ вступаетъ въ это состояніе своего существа, Христось, ясное солнце, находится въ знакѣ Льва, ибо излученіе Его жара такъ сильно, что кровь сердца человѣка нетерпѣливаго приходитъ въ кипѣніе. И этотъ пылающій видъ, когда царствуетъ, то подчиняетъ и порабощаетъ всѣ виды; ибо этотъ видъ хотѣлъ бы быть безъ вида, то-есть безъ образа. Тогда человѣкъ впадаетъ порою въ томительную надежду и въ безпокойное желаніе быть освобожденнымъ изъ темницы своего тѣла, чтобы соединиться съ тѣмъ, кого онъ любитъ. Онъ поднимаетъ свои внутренніе глаза и созерцаетъ чертоги неба, полные славы и радости, и въ нихъ своего увѣнчаннаго возлюбленнаго, изливающагося въ своихъ святыхъ въ изобильныхъ сладострастіяхъ, между тѣмъ какъ онъ лишенъ всего этого. И отсюда часто рождаются у этихъ людей внѣшнія

слезы и великія желанія. Онъ осматривается здѣсь на землѣ и видитъ мѣсто изгнанія, гдѣ онъ заключенъ въ темницу и откуда онъ не можетъ убѣжать, и слезы печали и бѣдствія текутъ тогда. Эти естественныя слезы успокаиваютъ и освѣжаютъ его духъ, и онъ необходимъ для тѣлесной природы, чтобы сохранить силу и мощь, и чтобы пройти этотъ пылающій видъ; всѣ разнообразныя размышленія и внѣшнія дѣланія полезны человѣку нетерпѣливому отъ любви, чтобы сохранить свою силу и долго жить въ добродѣтеляхъ.

Глава XXIV. Нѣкоторыя лица иногда бываютъ вознесены

О восторгахъ и божественныхъ проявленіяхъ.

въ духѣ превыше чувствъ этимъ нетерпѣніемъ и пыланіемъ, и имъ бываютъ высказаны въ словахъ, или показаны въ образахъ и подобіяхъ, нѣкоторыя истины, которыя необходимы для нихъ или для другихъ людей, или же открываютъ будущее. Это называется откровеніями или видѣніями. Если это тѣлесные образы, ихъ получаютъ въ воображеніи. Ангелъ заставляетъ ихъ рождаться въ человѣкѣ могуществомъ Бога. Если это духовная истина или умственное подобіе, въ которомъ Богъ является безконечнымъ образомъ, то получается въ умѣ и можетъ быть выражено словами, въ предѣлахъ силы выразительности словъ. Мгновеніями человѣкъ можетъ также быть привлеченъ выше себя и выше духа (но однако не всецѣло внѣ себя), въ непостижимое благо, котораго онъ уже не можетъ ни выразить, ни показать, какъ онъ его видѣлъ и слышалъ, ибо видѣтъ

и слышать, это—одно и то же въ этомъ простомъ дѣйствии и видѣннн. И никто не можетъ дѣйствовать въ человѣкѣ безъ посредства или безъ содѣйствія какой-либо твари, какъ только одинъ Богъ. Это называется восхищеніемъ, чѣмъ выражается, что человѣкъ бываетъ похищенъ или унесенъ. Богъ даетъ мгновеніями этимъ людямъ краткія молніи въ духѣ, подобныя молніямъ въ небѣ. Такъ рождается молнія странной ясности и она блистаетъ внѣ простой наготы. И такъ духъ бываетъ вознесенъ въ одно мгновение выше самого себя, и тотчасъ эта ясность прошла, и человѣкъ снова приходитъ въ себя. Богъ производитъ это самъ, и это—высокое дѣйствіе, ибо часто тѣ, въ которыхъ оно совершается, становятся просвѣтленными.

Иногда живущіе въ буйствѣ любви чувствуютъ Бога инымъ образомъ, ибо порою свѣтитъ въ нихъ нѣкоторый свѣтъ, возбуждаемый Богомъ черезъ посредство. Въ этомъ свѣтѣ сердце и сила желанія возносятся къ этому свѣту, и во встрѣчѣ съ нимъ радость и сладострастіе таковы, что сердце не можетъ ихъ вынести, но разрѣшается въ крикахъ счастья, и это называется ликовать или ликованіемъ, и это—радость, которую нельзя объяснить словами. И невозможно удержаться, если захочешь съ сердцемъ вознесеннымъ и широко открытымъ, пойти навстрѣчу этому свѣту; необходимо, чтобы голосъ сопутствовалъ, пока продолжаются это движеніе и этотъ свѣтъ. Иные внутренніе люди наставляются тогда своими ангелами или другими ангелами, въ

сновидѣнійхъ, различнымъ вещамъ, въ которыхъ они нуждаются. Есть также люди, у которыхъ бываетъ много внезапныхъ призывовъ, или вдохновеній, или мыслей, или чудесныхъ сновъ и которые, однако, пребываютъ во внѣшнихъ чувствахъ, но такіе не знаютъ изступленія любви, ибо они множественны во-внѣ и не имѣютъ раны любви. Эти явленія могутъ быть естественными или происходить либо отъ врага, либо отъ добраго ангела. И вотъ почему имъ можно давать вѣру, пока они безразличны по отношенію къ Писанію и къ истинѣ, но если давать имъ вѣру въ случаѣ противоположномъ, легко можно оказаться вовлеченнымъ въ обманъ.

Глава XXV. Теперь я хочу вамъ указать препятствія и бѣды, встрѣчаемыя тѣми, кто находится въ буйствѣ любви. Въ это время года, какъ вамъ было сказано, солнце вступаетъ въ знакъ Льва, и это самое нездоровое время въ году, хотя оно плодоносно, ибо тогда начинается вліяніе Большого Пса, который приноситъ много бѣдъ. Тогда жара дѣлается такой неестественной и горячей, что въ нѣкоторыхъ странахъ травы и деревья засыхаютъ и въ нѣкоторыхъ водахъ рыбы задыхаются и умираютъ, между тѣмъ какъ на землѣ люди тоже изнемогаютъ и умираютъ. И это зависитъ не отъ одного солнца, ибо, въ противномъ случаѣ, это было бы одинаково во всѣхъ странахъ и во всѣхъ водахъ и со всѣми людьми. Но это происходитъ порою отъ нечистоты и невоздержности тѣхъ

О двухъ примѣрахъ, показывающихъ, какія препятствія могутъ встрѣтиться при этомъ видѣ.

веществъ, на которыя солнце оказываетъ свое дѣйствіе. Точно также, когда человѣкъ вступаетъ въ это нетерпѣніе, онъ дѣйствительно вступаетъ въ созвѣздіе Большого Пса; и блистаніе божественныхъ лучей жжетъ такъ пламенно съ высотъ, и раненое любовью сердце такъ буйно пылаетъ внутри, когда пылъ порыва и нетерпѣніе желаній такъ разгораются, что человѣкъ въ нетерпѣніи и неутоленности—совершенно какъ женщина въ потугахъ родовъ и которая не можетъ исцѣлиться. Если онъ хочетъ тогда непрерывно созерцать свое раненое сердце и того, кого онъ любитъ, боль непрестанно возрастаетъ. И страданіе развивается такъ долго, что человѣкъ изсыхаетъ въ своей тѣлесной природѣ, какъ деревья въ жаркихъ странахъ, и умираетъ въ любовномъ изступленіи, и поднимается на небо, минуя чистилище. Хотя умирающій отъ любви умираетъ хорошо, однако не губятъ и не срубаютъ дерева, пока оно можетъ приносить хорошіе плоды. Порою Богъ изливается съ великими сладостями въ сердце, кипящее отъ любви, и тогда сердце плаваетъ въ сладострастіяхъ, какъ рыба въ водѣ; и глубочайшее основаніе сердца пылаетъ отъ изступленія и жара, сладострастно плавая въ дарахъ Бога, и загорается сладострастнымъ нетерпѣніемъ любви. И долго оставаться тамъ—губить тѣлесную природу. Всѣ, распаленные любовью, принуждены томиться въ этомъ состояніи, но они не всѣ умираютъ, если ведутъ себя мудро.

Глава XXVI. Я хочу васъ предостеречь отъ одной вещи, которая могла бы причинить большой ущербъ. Иногда въ эти пылающіе дни выпадаетъ медовая роса нѣкоторой ложной сладости, которая оскверняетъ плоды или совершенно ихъ портитъ; и она выпадаетъ по преимуществу среди дня, при ясномъ солнцѣ, большими каплями, и ее трудно отличить отъ дождя. Точно также, иные люди могутъ быть оторваны отъ своихъ внѣшнихъ чувствъ нѣкоторой ясностью, вызываемой врагомъ. И эта ясность облекаетъ и окутываетъ ихъ, и въ этотъ мигъ имъ бывають явлены образы, ложныя видѣнія, многообразныя истины, и съ ними всячески говорятъ, и все это видится и принимается съ большой радостью. И тутъ выпадають по временамъ капли меда ложной сладости, въ которыхъ человѣкъ находитъ удовольствіе. Придающіе этому меду большую цѣнность получаютъ его много; и такъ человѣкъ бываетъ часто оскверненъ, ибо, если онъ хочетъ принимать за истину вещи, непохожія на истину, потому что онѣ были ему показаны или онъ былъ имъ наученъ, то онъ впадаетъ въ заблужденіе, и плодъ добродѣтелей бываетъ утраченъ. Но тѣ, которые достигли указанныхъ мною выше путей, хотя и могутъ еще быть искушены этимъ духомъ и этой ясностью, однако узнають ихъ, и это не сможетъ имъ повредить.

Глава XXVII. Я хочу дать краткое уподобленіе тѣмъ, которые живутъ въ кипѣніяхъ любви, чтобы они благородно и пристойно переносили этотъ видъ, Сравненіе съ муравьями.

и достигли болѣе высокой добродѣтели. Есть маленькое насѣкомое, которое называется муравьемъ; оно весьма мудро и жизнь у него очень суровая, и оно живетъ съ себѣ подобными въ земляхъ жаркихъ и сухихъ. Муравей работаетъ въ продолженіе лѣта и собираетъ съѣстные запасы и хлѣбныя зерна на зиму, и онъ раскалываетъ хлѣбныя зерна, чтобы они не гнили и не портились, и чтобы ими можно было пользоваться, когда ничего больше нельзя найти. И онъ не пролагаетъ постороннихъ путей. Но всѣ слѣдуютъ одному пути, и, въ ожиданіи благопріятнаго времени, онъ дѣлается способнымъ летать.

Эти люди будутъ поступать такъ же: они будутъ тверды въ ожиданіи пришествія Христа, и мудры относительно облика и внушеній врага. Они не изберутъ смерти, но предпочтутъ одну только славу Бога и приобрѣтеніе новыхъ добродѣтелей. Они будутъ обитать въ собраніи своего сердца и своихъ силъ, и будутъ слѣдовать призыву и требованію божественнаго единства. Они будутъ жить въ земляхъ жаркихъ и богатыхъ, то-есть въ буйномъ пыланіи любви и въ великомъ нетерпѣніи. И они будутъ трудиться въ продолженіе лѣта этой жизни и собирать для вѣчности плоды добродѣтелей, и раскалывать ихъ на-двое. Одна изъ частей означаетъ, что они всегда будутъ желать высокой радостной вѣчности; другая—что разумомъ они всегда будутъ себя обуздывать, насколько это въ ихъ силахъ, и будутъ ждать времени, которое Богъ имъ назначилъ, и такъ

плодь добродѣтелей будетъ сохраненъ въ вѣчности. И они не будутъ создавать ни постороннихъ путей, ни необычныхъ видовъ, но будутъ слѣдовать черезъ всѣ бури по пути любви, къ мѣсту, куда любовь ихъ приведетъ. И, въ ожиданіи благоприятнаго времени, пребывая твердо во всѣхъ добродѣтеляхъ, они будутъ въ состояніи созерцать Бога и вылетать въ Его тайну.

Глава XXVIII. Теперь я хочу говорить о четвертомъ родѣ
 О четвертомъ родѣ
 томъ родѣ
 пришествія
 пришествія
 нашего Гос-
 спода Иисуса
 Христа.

пришествія нашего Господа Иисуса Христа, которое возвышаетъ и усовершенствуетъ человѣка въ его внутреннихъ дѣланіяхъ, что касается низшей части его существа. Но сравнивъ всѣ внутреннія пришествія съ блистаніемъ солнца и съ его силой, сообразно движенію года, мы будемъ говорить и далѣе, слѣдуя теченію временъ года, о другихъ воздѣйствіяхъ и дѣлахъ солнца.

Когда солнце начинаетъ спускаться съ неба, оно вступаетъ въ знакъ Дѣвы, названный такъ, потому что это время года становится безплоднымъ, какъ дѣва. Славная дѣва Марія, мать Христа, полная радости и богатая всѣми добродѣтелями, вознеслась на небо въ это время года. Жаръ начинаетъ тогда спадать, и съ полей убираютъ для пользованія въ продолженіе всего года спѣлые плоды, которые можно употреблять долго, какъ пшеницу, виноградъ и другіе плоды, окончательно созрѣвшіе. И тогда сѣютъ эту самую пшеницу, чтобы она умножилась на пользу людямъ. Въ это время оканчивается вся солнечная работа года. Точ-

но также, когда Христось, славное солнце, поднялся до высшей точки въ сердцѣ человѣка, какъ я это указалъ въ третьемъ видѣ, и когда затѣмъ Онъ начинаетъ спускаться, скрывать излученіе своихъ божественныхъ лучей и покидать человѣка, жаръ и нетерпѣніе любви спадаютъ. Но это скрытіе Христа и отнятіе Имъ излученія своего свѣта и своего жара суть первое дѣйствіе и новое пришествіе этого вида. Теперь Христось говоритъ духовно въ человѣкѣ: Выходите по тому образу, который Я вамъ теперь являю, и человѣкъ выходитъ, и находитъ себя бѣднымъ, несчастнымъ и оставленнымъ. Вся буря, все изступленіе и все нетерпѣніе любви здѣсь остываютъ, и пылающее лѣто становится осенью, и все обиліе превращается въ великую бѣдность. И человѣкъ начинаетъ сѣтовать, такъ велико его несчастіе: куда ушли жаръ любви, близость, признательность, дѣйствіе сладостныхъ благодатей, внутреннее утѣшеніе, сердечная радость, ощутимая пріятность? Какъ онъ лишился всего этого? И кипучее буйство любви и всѣ полученные дары, какъ все это умерло въ немъ? И онъ похожъ на ученаго, который потерялъ свое знаніе и свое твореніе, и естество бываетъ часто смущено подобной утратой.

Иногда эти несчастные бываютъ лишены земныхъ благъ, своихъ друзей, своихъ родныхъ, и покинуты всѣми тварями, и люди не признають и презирають ихъ святость, и толкують во зло всѣ ихъ дѣла и всю ихъ жизнь,

и они бывают отвергнуты и пренебрегаемы всѣми окружающими; а иногда поражены язвами и различными болѣзнями, и иные изъ нихъ впадаютъ въ тѣлесныя искушенія, или даже духовныя, самыя тяжкія изъ всѣхъ.

Отъ этого несчастія рождаются боязнь паденія и состояніе полусомнѣнія, и это крайній предѣлъ, на которомъ можно остановиться безъ отчаянія. Такіе люди отыскиваютъ добрыхъ, жалуются имъ, и указываютъ на свое бѣдствіе, и просятъ помощи, и умоляютъ Святую Церковь и всѣхъ праведниковъ.

Глава XXIX. Человѣкъ смиренно замѣтитъ тутъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ его скорби, и онъ скажетъ, въ покорности и отреченіи отъ себя, это слово, сказанное святымъ человѣкомъ Іовомъ: Богъ далъ, Богъ взялъ, случилось только то, что Ему было угодно; имя Бога да будетъ благословенно. И онъ во всемъ отречется отъ себя и будетъ говорить и думать въ своемъ сердцѣ: «Господи, съ такую же охотою я бѣденъ во всемъ, чего Ты меня лишилъ, съ какою былъ бы богатъ, Господи, если бы Ты этого пожелалъ и если бы это совершилось для твоей чести. Не моя воля природная должна совершиться, но твоя воля и моя воля духовная, Господи, ибо я съ Тобой, и я столь же былъ бы счастливъ быть твоимъ въ аду, какъ на небѣ, если бы это могло служить къ твоей славѣ; и поэтому, Господи, исполни надо мной превосходство твоей воли». Всѣ страданія и всѣ смиренныя покор-

Что будетъ дѣлать покинутый человекъ.

ности человѣкъ обратитъ себѣ во внутреннюю радость, и предастъ себя въ руки Бога и будетъ радоваться возможности претерпѣть въ честь Бога. И если онъ будетъ въ этомъ постоянень, онъ вкуситъ неизвѣданныхъ дотолѣ, по глубинѣ, сладострастій; ибо ничто такъ не радуеть того, кто любитъ Бога, какъ чувствовать, что онъ со своимъ возлюбленнымъ. И если онъ въ самомъ дѣлѣ возвысился до этого вида, на пути добродѣтелей, то нѣтъ необходимости, чтобы онъ прошелъ черезъ различныя состоянія, указанные нами выше, ибо онъ чувствуетъ въ себѣ, въ трудѣ, въ смиренномъ повиновеніи и въ терпѣннн и покорности, источникъ всѣхъ добродѣтелей. И вотъ чѣмъ этотъ видъ вѣчно надеженъ.

Въ это время года небесное солнце вступаетъ въ знакъ Вѣсовъ, ибо день и ночь равны и солнце уравниваетъ свѣтъ и мракъ. Точно также, Иисусъ Христосъ находится въ знакѣ Вѣсовъ для человѣка покорнаго; и посылаетъ ли Онъ сладость или горечь, мракъ или свѣтъ, или даруетъ что бы то ни было, человѣкъ возстановляетъ равновѣсіе, всѣ вещи для него равны, исключая грѣха, изгнаннаго разъ навсегда. Когда всякое угѣшеніе отнято, такимъ образомъ, у этихъ покорныхъ людей и они думаютъ, что утратили всѣ свои добродѣтели и покинуты Богомъ и всѣми тварями, если они умѣютъ пожинать тогда различныя плоды, то хлѣбъ и виноградъ готовы и спѣлы. Это означаетъ, что все, что тѣлесныя добродѣтели могутъ претерпѣть въ какомъ бы то

ни было видѣ, будетъ принесено Богу съ радостью, безъ противленія Его верховной волѣ. Всѣ внѣшнія и внутреннія добродѣтели, которыя недавно осуществлялись съ радостью въ пыланіяхъ любви, теперь, когда онѣ познаны и могутъ быть исполнены однѣми собственными силами, будутъ осуществляться отъ добраго сердца и трудолюбиво, и будутъ принесены Богу, и никогда бы онѣ не имѣли такого достоинства въ нашихъ глазахъ. Никогда бы онѣ не были болѣе благородны, ни болѣе прекрасны. Съ радостью будетъ переноситься лишеніе всѣхъ утѣшеній, которыя Богъ когда-то даровалъ, такъ какъ это во славу Бога. Это — жатва пшеницы и временныхъ и различныхъ плодовъ, которыми мы будемъ жить вѣчно; и она сдѣлаетъ насъ вѣчно богатыми въ глазахъ Бога. И вотъ какъ добродѣтели становятся совершенными и печаль превращается въ вѣчное вино. Эти люди, и ихъ жизнь, и ихъ терпѣніе, исправляютъ и наставляютъ всѣхъ, кто ихъ знаетъ и окружаетъ, и такъ пшеница ихъ добродѣтелей бываетъ посѣяна и умножена на благо всѣмъ праведнымъ. Вотъ четвертый родъ пришествія, который украшаетъ и усовершенствуетъ человѣка во внутреннихъ дѣланіяхъ, сообразно его тѣлеснымъ силамъ и низшей части его существа. Если же онъ здѣсь не пойдетъ этимъ путемъ, то онъ не можетъ непрерывно повышаться и становиться болѣе совершеннымъ. Но такъ какъ Богъ, и ихъ собственное сердце, и всѣ твари, посѣщаютъ ихъ суровостью, испытываютъ, искушаютъ и борются съ ними,

то покорность становится у нихъ рѣдкаго совершенства. Впрочемъ, покорность или уничиженіе всякой собственной воли въ волѣ божественной безусловно необходимы для всѣхъ, желающихъ быть спасенными.

Послѣ этого срока равноденствія солнце спускается и жара остываетъ. Есть неблагоразумные люди, которые собираютъ тогда зловредныя влаги и онѣ наполняютъ желудокъ, разрушаютъ здоровье и вызываютъ различныя болѣзни, и заставляютъ терять вкусъ къ хорошей пищѣ и радость о ней, и ведутъ этихъ людей къ смерти. Эти губельныя влаги поражаютъ нѣкоторыхъ людей водянкой, отъ которой они изнемогаютъ и иногда умираютъ. Отъ чрезмѣрнаго обилія влагъ происходятъ слабости и лихорадки, отъ которыхъ многіе люди страдаютъ и нѣкоторые умираютъ. Точно также, всѣ люди доброй воли, которые вкусили Бога и которые затѣмъ падаютъ и удаляются отъ Бога и отъ истины,—изнемогаютъ на пути совершенствованія, или умираютъ для добродѣтели вѣчною смертію, отъ одной изъ этихъ болѣзней и иногда отъ всѣхъ трехъ. И особенно въ этой покинутости необходима человѣку большая сила, и нужно, чтобы онъ упражнялся такъ, какъ я это вамъ указалъ; тогда онъ не будетъ обольщенъ. Но человѣкъ неблагоразумный, который дурно себя ведетъ, подверженъ болѣзнямъ, ибо жаръ въ немъ понизился. И вотъ почему естество начинаетъ медлить въ добродѣтеляхъ и добрыхъ дѣлахъ,

Глава XXX.
Сравненіе по поводу одного прегрѣшя, которое можно встрѣтить въ этомъ четвертомъ видѣ.

и желаетъ удовольствій и сладостей для тѣла, часто безъ разсудительности и болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Иные люди желали бы божественныхъ утѣшеній, если бы только они могли быть съ Богомъ безъ усилія и труда. Иные ищутъ утѣшенія въ тваряхъ, отъ которыхъ часто приходитъ большое зло. Иные воображаютъ, что они больны и нѣжны, и что ихъ силы истощены, и что все, что они могутъ достать, имъ необходимо, и что они могутъ отдаться попеченію о своемъ тѣлѣ со спокойствіемъ и расслабленіемъ. Эти склонности къ вещамъ и удовольствіямъ тѣлеснымъ суть зло-вредныя влаги, которыя наполняютъ желудокъ, то-есть сердце человѣка, и отнимаютъ у него вкусъ къ хорошей пицѣ и радость о ней, то-есть о добродѣтели.

Глава XXXI. Когда человѣкъ впадаетъ, такимъ образомъ, въ болѣзни и холодности, онъ жаждетъ воды, то-есть имѣетъ склонность въ виѣшнему обладанію земными вещами. Чѣмъ больше онъ тогда получаетъ, тѣмъ больше жаждетъ, ибо онъ дѣлается больнымъ водянкою; тѣло, то-есть потребность и желаніе становятся огромными, и жажда ничуть не уменьшается. Но обликъ совѣсти и благоразумія стягивается и худѣетъ, ибо человѣкъ тогда препятствуетъ притоку благодатей Бога. Если онъ собираетъ воду земныхъ обладаній вокругъ сердца, то-есть если онъ на это соизволяетъ со сладострастной любовью, онъ не можетъ пребывать въ дѣлахъ благодати, ибо онъ боленъ, у него недостаетъ

О другомъ
препятствіи.

внутренняго духа и дыханія, то-есть благодати Бога и внутренней благодсти. И поэтому онъ не можетъ изгнать воду земныхъ благъ, но сердце бываетъ окружено ею, и часто случается, что такіе люди умирають вѣчною смертью. Но тѣ, которые собирають воды земныхъ вещей гораздо ниже сердца, такъ чтобы господствовать надъ своими благами и мочь ихъ оставить, когда это будетъ нужно,—хотя бы и долго еще изнемогали въ неправильныхъ склонностяхъ, однако могутъ выздоровѣть.

Эти люди, полные зловредныхъ влагъ, то-есть безчинныхъ пристрастій къ удовольствіямъ тѣла и постороннимъ утѣхамъ тварей, могутъ впасть въ четыре рода лихорадокъ.

Глава XXXII.
О четырехъ родахъ лихорадокъ, которыя могутъ терзать человека.

Первая лихорадка называется ежедневной; это — множественность сердца, ибо эти люди хотять все узнать, обо всемъ говорить, все исправлять и судить, и забываютъ часто о самихъ себѣ. Они нагружены сторонними безпокойствами, часто бываютъ принуждены слышать то, что имъ не нравится, и малѣйшее обстоятельство ихъ смущаетъ. Ихъ лихорадка переменчива, то — это, то — то, то здѣсь и то тамъ, она подобна вѣтру. Это — лихорадка ежедневная, ибо все ихъ поглощаетъ, безпокоитъ, лишаетъ единства, съ утра до вечера, и иногда ночью, во снѣ или въ бодрствованіи. Хотя бы и могло такъ быть въ состояніи благодати и безъ смертнаго грѣха, это мѣшаетъ, однако, сердечной глубинѣ и внутреннимъ дѣланіямъ,

и уничтожаетъ вкусъ къ Богу и ко всѣмъ добродѣтелямъ. А это вѣчный ущербъ.

Другая лихорадка наступаетъ черезъ день; она называется непостоянствомъ. Когда она продолжается, она часто становится опасною. Эта лихорадка имѣетъ двѣ различныхъ природы; одна рождается отъ безчиннаго жара, другая—отъ холода. Та, которая рождается отъ безчиннаго жара, поражаетъ иногда праведниковъ, ибо, когда они испытали прикосновеніе Бога и потомъ были оставлены, то впадаютъ иногда въ непостоянство. Сегодня они принимаютъ одинъ родъ жизни, а завтра другой, и если они въ это мгновеніе желаютъ безмолвія, то въ другія—хотятъ говорить. Сейчасъ они хотятъ вступить въ такой-то орденъ, затѣмъ въ другой. Сегодня они хотятъ раздать свои богатства во имя Бога, а завтра предпочитаютъ ихъ сохранить. То они хотятъ объѣхать чужія земли, а то запереться въ кельѣ. То желаютъ часто приступать къ Святому Причастію, а немного спустя, ихъ благоговѣніе падаетъ. Въ иныя мгновенія они хотятъ произносить обильныя молитвы, а немного позже предпочитаютъ долгое безмолвіе. Это есть вмѣстѣ и любопытство и непостоянство, задерживающія человѣка и мѣшающія ему постичь внутреннюю истину, и они разрушаютъ источникъ и дѣланія сердечной глубины.

Но узнайте, откуда происходитъ это непостоянство у праведниковъ. Когда эти люди прилагаютъ свое размышленіе и свою внутреннюю дѣятельную склонность къ добродѣтелямъ

и къ внѣшнимъ образамъ болѣе, чѣмъ къ Богу и къ единству съ Богомъ, то хотя они и пребываютъ въ божественной благодати (ибо они имѣютъ Бога цѣлью въ добродѣтеляхъ), тѣмъ не менѣе, ихъ жизнь бываетъ непостоянна, ибо они не чувствуютъ себя успокоенными въ Богѣ надъ всеми добродѣтелями. Вотъ почему они обладаютъ тѣмъ, кого не знаютъ, ибо тотъ, кого они ищутъ въ добродѣтеляхъ и многочисленныхъ образахъ, они имѣютъ Его въ самихъ себѣ, выше мысли, выше добродѣтелей и выше всякихъ образовъ; и вотъ почему тотъ, кто хочетъ побѣдить это непостоянство, долженъ научиться успокаиваться въ Богѣ и въ высокомъ единствѣ Бога.

Другую лихорадку непостоянства, которая рождается отъ холода, испытываютъ все люди, которые любятъ Бога, но, тѣмъ не менѣе, ищутъ и неумѣренно любятъ въ то же время и другое. Эта лихорадка происходитъ отъ холода, ибо въ нихъ скуденъ жаръ благодати, такъ какъ стороннія вещи побуждаютъ и будятъ вмѣстѣ съ Богомъ дѣла добродѣтелей. Эти люди непостоянны сердцемъ, ибо во всемъ, что они дѣлаютъ, природа тайно ищетъ того, что ей свойственно, и часто безъ ихъ вѣдома, ибо они не сознаютъ самихъ себя. Они выбираютъ или отвергаютъ попеременно то тотъ, то другой родъ жизни. Сегодня они выбираютъ такого-то священника въ духовники и совѣтники, а завтра другого. Они просятъ совѣта во всякомъ дѣлѣ и рѣдко слѣдуютъ совѣту. Все, за что ихъ порицаютъ и обвиняютъ, они хотѣли

бы продолжать дѣлать, и чтобы это имъ прощали. Они говорятъ красивыя слова, но въ нихъ мало содержанія. Они хотѣли бы получить славу за свои добродѣтели безъ большого труда. Они желаютъ, чтобы ихъ добродѣтели были обнародованы, и вотъ почему они пусты и не имѣютъ больше вкуса Бога ни самихъ себя. Они хотятъ наставлять другихъ, но не принимаютъ ни указаній ни упрековъ. Естественное пристрастіе къ самимъ себѣ и скрытая гордость дѣлаютъ ихъ непостоянными. Эти люди на краю ада; если они дѣлаютъ еще одинъ шагъ, они падаютъ туда.

Отъ этой лихорадки непостоянства рождается иногда у этого рода людей четверодневная лихорадка, то-есть человѣкъ становится чуждымъ Богу, себѣ, истинѣ и всѣмъ добродѣтелямъ, и впадаетъ въ заблужденіе, въ которомъ онъ больше не знаетъ, ни къ чему приложить голову, ни что нужно дѣлать. Это зло болѣе опасно, чѣмъ всякое другое.

Отъ этого заблужденія человѣкъ часто впадаетъ въ лихорадку, которая называется вдвойнѣ четверодневною, и это—невниманіе. Тогда четвертый день удваивается и зло почти неисцѣлимо, ибо человѣкъ дѣлается безпечнымъ по отношенію ко всему, что необходимо для вѣчной жизни. И онъ можетъ впасть въ грѣхъ, подобно человѣку, который никогда не слышалъ о Богѣ. Если это случается съ тѣми, которые ведутъ себя дурно въ этомъ видѣ покорности, они должны весьма сильно презирать себя, они, не знавшіе никогда ни Бога, ни

внутренней жизни, и ни одного изъ услажденій, получаемыхъ праведниками въ ихъ дѣланіяхъ.

Намъ слѣдуетъ идти въ свѣтѣ, чтобы не сбиваться съ дороги, и чтобъ наблюдать Иисуса Христа, который показалъ намъ эти четыре вида и намъ въ нихъ предшествовалъ.

Глава XXXIII
Какимъ образомъ эти четыре вида находятся въ Иисусѣ Христѣ.

Христось, ясное солнце, вознеся на небо высочайшей Троицы и въ зарю Его славной Матери, дѣвы Маріи, которая была, и есть еще теперь, заря дня всѣхъ благодатей, въ который мы будемъ вѣчно радоваться.

Теперь, замѣтите: Иисусъ Христось имѣлъ и теперь еще имѣетъ первый видъ, ибо Онъ былъ единственнымъ и соединеннымъ. Въ Немъ были и теперь продолжаютъ быть собранными и объединенными всѣ добродѣтели, какія только когда-либо были и будутъ осуществлены, и, сверхъ того, всѣ твари, которыя будутъ воздѣлывать эти добродѣтели. Онъ былъ, такимъ образомъ, единственнымъ сыномъ Отца, и соединеннымъ съ человѣческой природой. И Онъ былъ, равнымъ образомъ, внутреннимъ, ибо Онъ принесъ на землю огонь, пожегшій всѣхъ святыхъ и всѣхъ добрыхъ людей. И Онъ имѣлъ осязаемую и вѣрную любовь къ своему Отцу и ко всѣмъ, которые вѣчно будутъ Имъ наслаждаться, и Его жалость и Его восторженное отъ любви сердце воздыхали и пламенѣли передъ Его Отцомъ о нуждахъ всѣхъ людей. Вся Его жизнь и всѣ Его дѣла, внутреннія и внѣшнія, и всѣ Его слова были хвалами Его Отцу. Вотъ первый видъ.

Христось, любовное солнце, сияль и блисталь еще яснѣе и пламеннѣе, ибо въ Немъ пребывала и пребываетъ полнота всѣхъ даровъ. И вотъ почему сердце Христа, и Его нравы, и Его привычки, и Его служеніе, изливались въ милосердіяхъ, кротостяхъ, смиреніяхъ и великодушіяхъ. И Онъ былъ такъ прекрасенъ и любящъ, что Его внѣшность и Его личность привлекали всѣхъ, у кого природа была добрая. И Онъ былъ непорочной лиліей среди полевыхъ цвѣтовъ, къ которой добрые шли черпать медъ вѣчныхъ сладостей и вѣчныхъ утѣшеній. По своей человѣчности Онъ благодарилъ своего вѣчнаго Отца за всѣ дары, которые когда-либо были даны человечеству, и Онъ восхвалялъ Его, ибо Его Отець есть Отець всѣхъ даровъ, и Онъ покоился, по высшимъ силамъ своей души, превыше всѣхъ даровъ, въ высочайшемъ единствѣ Бога, откуда истекають всѣ дары; и такъ Онъ имѣлъ второй видъ.

Христось, славное солнце, сияль и блисталь еще болѣе высоко, и еще болѣе свѣтло и горячо, ибо, въ продолженіе всѣхъ Его смертныхъ дней, силы Его тѣла и Его чувствительность, Его сердце и Его чувства, призывались и требовались Его Отцомъ для высокой славы и для сладострастій, которыя Онъ испытываетъ теперь въ своихъ чувствахъ и по своему тѣлу. И Онъ былъ склоненъ къ этому самъ, по своимъ желаніямъ, естественно и сверхъестественно, и, тѣмъ не менѣе, пожелаль въ этомъ изгнаніи дожидаться времени, которое

Отецъ предувидѣлъ и опредѣлилъ отъ всей вѣчности. И такъ Онъ имѣлъ третій видъ.

Когда пришло благопріятное время, въ которое Христось долженъ былъ пожать и унести въ вѣчное царство плоды всѣхъ добродѣтелей, какія только когда-либо были и будутъ осуществлены, вѣчное солнце начало опускаться, ибо Христось смирился и предалъ жизнь своего тѣла въ руки своихъ враговъ. И Его друзья отказались отъ Него и оставили Его въ такомъ бѣдствіи; и всякое утѣшеніе, внутреннее и внѣшнее, было отнято у природы, и она была подавлена скорбями и страданіями, презрѣніемъ, отяжелѣніемъ, и заплатила все, что слѣдовало по справедливости за грѣхи. И Онъ перенесъ все это въ смиренномъ терпѣніи, и Онъ совершилъ самыя великія дѣла любви въ этой покорности, и, благодаря этому, Онъ получилъ и выкупилъ наше вѣчное наслѣдство. И такъ была украшена низшая часть Его благородной человѣчности, ибо въ ней Онъ претерпѣлъ это страданіе за наши грѣхи. И потому Онъ называется Спасителемъ міра, и именитъ, и прославленъ, вознесся и сѣлъ одесную своего Отца, и царствуетъ въ своемъ могуществѣ. И всякая тварь земная, небесная и адская, вѣчно преклоняетъ колѣна передъ Его высокимъ именемъ.

Человѣкъ, живущій, по истинному повину-Глава XXXIV.
венію заповѣдямъ Бога, въ нравственныхъ
добродѣтеляхъ и, сверхъ того, упражняющійся Какъ дол-
въ добродѣтеляхъ внутреннихъ, согласно ука- женъ жить
занію и побужденію Святого Духа, поступа- человекъ,
етъ просвѣтлен- если онъ хо-
нымъ. четъ быть
просвѣтлен- нымъ.

и говоря по справедливости, и не ищущій самого себя ни во времени, ни въ вѣчности, и переносящій одинаково, въ истинномъ терпѣніи, неизвѣстность и скорбь и всѣ роды несчастій, и благодарящій Бога за все это, и предающій себя въ смиренной покорности,—принялъ первое пришествіе Христа по виду внутреннихъ дѣланій. И онъ вышелъ изъ себя по внутренней жизни, и онъ украсилъ въ себѣ богатыми добродѣтелями и дарами свое живучее сердце и свое чувственное и тѣлесное единство. Когда такой человѣкъ очищенъ и умирень, и вернулся въ себя по своей низшей природѣ, онъ можетъ быть внутренно просвѣтленъ, если онъ этого просить и если Богъ находитъ время благопріятнымъ. Можетъ случиться также, что онъ будетъ просвѣтленъ съ самаго начала своего обращенія, чтобы онъ всецѣло предался волѣ Бога и отказался отъ всякаго обладанія собой, что есть верховная цѣль. Но если бы онъ долженъ былъ затѣмъ достигнуть этого вида и этого пути, которые я вамъ показалъ, одновременно въ жизни внѣшней и внутренней, то это было бы ему гораздо легче, нежели тому, кто поднимается изъ низинъ, ибо онъ имѣлъ бы больше познаній, чѣмъ другіе люди.

Глава XXXV. Теперь мы будемъ говорить о другомъ видѣ пришествія Христа, во внутреннихъ дѣланіяхъ, которыя украшаютъ, просвѣтляютъ и обогащаютъ человѣка, по тремъ высшимъ силамъ его души. Мы сравнимъ это пришествіе съ нѣкимъ животворнымъ родникомъ о трехъ потокахъ.

О другомъ
пришествіи
Христа.

Этотъ родникъ, отъ котораго текутъ три потока, есть полнота божественной благодати въ единствѣ нашего духа. Тутъ пребываетъ благодать, сущностно и постоянно, подобно полному роднику, и она дѣйственно изливается своими потоками въ каждую изъ силъ души, по ихъ нуждамъ. Эти потоки суть особыя наитія или дѣйствія Бога въ высшихъ силахъ, въ которыхъ Богъ дѣйствуетъ различнымъ образомъ черезъ посредство благодати.

Первый потокъ благодати, которому Богъ Глава XXXVI. даетъ течъ въ этомъ пришествіи, есть чистая Какимъ образомъ первый потокъ этого родника украшаетъ пасть. простота, сіяющая въ духѣ безъ различія. Этотъ потокъ беретъ свое начало въ родникѣ, въ единствѣ духа, и течетъ прямо книзу, и проникаетъ всѣ силы души, высшія и низшія, и поднимаетъ ихъ выше всякой множественности и всякой неуспокоенности, и создаетъ въ человѣкѣ простоту, и даруетъ и являетъ ему внутреннюю связь въ единствѣ его духа. Такъ человѣкъ бываетъ поднятъ по своей памяти, и освобожденъ отъ чуждыхъ вторженій и отъ непостоянства.

Теперь, Христось въ этомъ свѣтѣ требуетъ выхода, сообразно виду этого свѣта и этого пришествія. Тогда человѣкъ выходитъ и замѣчаетъ себя, и находитъ себя самого (благодаря простому свѣту, разлитому въ немъ) возсоединеннымъ, водвореннымъ, проникнутымъ и утвержденнымъ, въ единствѣ своего духа или своихъ мыслей. Здѣсь человѣкъ бываетъ вознесенъ и водворенъ въ новую сущность, и

онъ обращается внутрь себя и утверждаетъ свою память на обнаженности, выше всякаго вторженія чувственныхъ образовъ и выше множественности. Здѣсь человѣкъ обладаетъ сущностно и сверхъестественно единствомъ своего духа, какъ своимъ собственнымъ жилищемъ и собственнымъ и вѣчнымъ наслѣдіемъ. У него всегда есть естественная и сверхъестественная склонность къ этому самому единству, и это самое единство, дарами Бога и простодушнымъ стремленіемъ, будетъ имѣть вѣчную и любовную склонность къ тому болѣе высокому единству, гдѣ Отецъ и Сынъ возсоединены со всѣми святыми въ устахъ Святого Духа.

И такъ бываетъ удовлетворенъ первый потокъ, требующій единства.

Глава XXXVII.

Какимъ образомъ другой потокъ просвѣщаетъ разумѣніе.

Благодаря внутренней любви, любовной склонности и божественному довѣрію, рождается изъ полноты благодатей, въ единствѣ духа, другой потокъ, и это есть духовная ясность, которая течетъ и освѣщаетъ въ разумѣніи, съ различіемъ въ различныхъ видахъ. Ибо этотъ свѣтъ являетъ и даруетъ духу, въ истинѣ, различіе всѣхъ добродѣтелей. Но этотъ свѣтъ не находится всецѣло въ нашей власти, ибо, хотя мы и имѣемъ его всегда въ нашей душѣ, Богъ заставляетъ его говорить и умолкать, и Онъ можетъ его проявить и скрыть, даровать и отнять, въ такое время и въ такомъ состояніи, въ какихъ Онъ хочетъ, ибо этотъ свѣтъ—Его. И вотъ почему Онъ воздѣлываетъ, въ этомъ

свѣтѣ, и когда Онъ хочетъ, и гдѣ Онъ хочетъ, и кого Онъ хочетъ, и что Онъ хочетъ. Эти люди не имѣютъ необходимой нужды ни въ откровеніяхъ, ни въ томъ, чтобы быть привлеченными выше чувствъ, ибо ихъ жизнь, и ихъ жилище, и ихъ привычки, и ихъ сущность, — въ духѣ, выше чувствъ и выше чувствительности. И Богъ имъ являетъ тамъ, что Онъ хочетъ и что имъ необходимо, для нихъ или для другихъ людей. Со всѣмъ тѣмъ, если бы Богъ того захотѣлъ, Онъ могъ бы у нихъ отнять ихъ внѣшнія чувства, и явить имъ внутренне, различными способами, будущее и невѣдомыя подобія.

Теперь, Христосъ хочетъ, чтобы этотъ человѣкъ вышелъ, и шелъ въ свѣтѣ, сообразно виду свѣта. Итакъ, этотъ просвѣтленный человѣкъ выйдетъ и будетъ наблюдать свое состояніе и свою жизнь, внутри и во-внѣ, чтобы узнать, подобенъ ли онъ совершенно Христу по Его человѣчности и также по Его божественности. Ибо мы сотворены по образу и подобію Бога. И этотъ человѣкъ подниметъ свои глаза, просвѣтленные просвѣтленнымъ разумомъ, къ разумѣваемой истинѣ, и онъ будетъ наблюдать и разсматривать, сообразно виду тварей, высокую природу Бога, и безграничныя свойства, которыя въ Богѣ; ибо ихъ бездонной и безграничной природѣ принадлежатъ бездонныя добродѣтели и дѣла.

Итакъ, слѣдуетъ разсматривать и изслѣдовать высокую природу Бога; какимъ образомъ она—простота и искренность, недоступная вы-

сота и бездонная глубина, непостижимая широта и вѣчная долгота; темное молчаніе и дикая пустыня; покой всѣхъ святыхъ въ единствѣ и общее радование собою и всѣми святыми въ вѣчности. Можно бы различить еще много удивительнаго въ безграничномъ морѣ божества, и хотя мы употребляемъ чувственные сравненія, чтобы представить его внѣшне, по причинѣ грубости нашихъ чувствъ, въ дѣйствительности, однако, мы наблюдаемъ и изслѣдуемъ во внутреннемъ безконечное и безвидное благо. Но когда мы представляемъ его во внѣшнемъ, мы одѣваемъ его подобіями и различными видами, сообразно большей или меньшей просвѣтленности разума того, кто его представляетъ и выражаетъ.

Этотъ просвѣтленный человѣкъ будетъ разсматривать и изслѣдовать также свойства Отца въ божествѣ, какимъ образомъ Онъ—всемогущая сила и могущество, творецъ, двигатель, хранитель, начало и конецъ, причина и бытіе всѣхъ тварей; вотъ что являетъ, въ блистаніяхъ, потокъ благодати, просвѣтленному разуму. Онъ являетъ также свойства вѣчнаго Слова, бездонная мудрость и истину, образецъ всякой твари и всякой жизни, непоколебимый вѣчный порядокъ, созерцаніе и проникновеніе всѣхъ вещей безъ покрова, свѣтъ и просвѣтленіе всѣхъ святыхъ, сообразно ихъ заслугамъ, на небѣ и на землѣ. Но этотъ потокъ свѣта, дарующій въ различеніи многіе виды, являетъ также просвѣтленному разуму свойства Святого Духа; непонятныя благодать и щедрость, жалость и ми-

лосердіе, безконечныя благоволеніе и вѣрность, изливающееся и непостижимо безмѣрное обиліе, безграничное благо, текущее въ услажденіяхъ чрезъ всѣхъ небесныхъ духовъ, пылающее пламя, снѣдающее все въ единствѣ, льющійся родникъ, царство всѣхъ вкусовъ, по желаніямъ каждаго, приготовленіе всѣхъ святыхъ къ ихъ вѣчному блаженству, и введеніе ихъ въ него; проникающее объятіе Отца, Сына и всѣхъ святыхъ въ наслаждающемся единствѣ. Все это бываетъ наблюдаемо и изслѣдовано, нераздѣльно и цѣльно, въ единой природѣ божества. И однако, эти свойства состоятъ, согласно нашему изслѣдованію, въ многообразномъ различіи, по виду лицъ. Ибо, согласно нашему видѣнію, слѣдуетъ дѣлать различіе между могуществомъ и благостью, щедростью и истиной, и, тѣмъ не менѣе, все это состоитъ въ единствѣ и нераздѣльно въ высокой природѣ божества. Но отношенія, образующія свойства лицъ, пребываютъ въ вѣчномъ различіи. Ибо Отецъ порождаетъ различіе. Отецъ рождаетъ своего Сына безъ перерыва, а самъ не рождается. А Сынъ рождается и не можетъ родить; и, такимъ образомъ, Отецъ всегда имѣетъ въ вѣчности Сына, а Сынъ Отца. И это суть отношенія Отца къ Сыну и Сына къ Отцу. И Отецъ и Сынъ выдыхаютъ Духа, то-есть Ихъ волю или любовь Ихъ обоихъ. И этотъ Духъ не рождаетъ и не рождается; но Онъ долженъ быть вѣчно выдыхаемъ Ими двумя. И эти три лица суть единый Богъ и единый Духъ. И всѣ свойства, изливающимися дѣлами, общи

всѣмъ лицамъ, ибо они дѣйствуютъ въ силѣ своей простой природы.

Глава XXXVIII.

Какимъ образомъ приходятъ въ удивленіе отъ общаго изліянія Бога.

Изобиліе и непостижимая высота, и общность щедрости, изливаясь изъ божественной природы, повергаютъ человѣка въ удивленіе, и прежде всего онъ изумляется общности Бога и Его изліянію выше всякой вещи, ибо онъ видитъ непостижимую сущность, которая есть общее наслажденіе Бога и святыхъ. И онъ видитъ, что божественныя лица являются общимъ изліяніемъ въ дѣйствіяхъ, въ благодатяхъ и въ славѣ, въ природѣ и выше природы, во всѣхъ состояніяхъ и во всѣ времена, въ святыхъ и въ людяхъ, на небѣ и на землѣ, во всѣхъ тваряхъ разумныхъ, или неразумныхъ, или матеріальныхъ, по заслугамъ, нуждамъ и воспріимчивости каждаго. И онъ видитъ созданныя, небо и землю, солнце и луну, и четыре стихіи со всѣми тварями, и общій для всѣхъ ходъ неба. Богъ—общъ для всѣхъ, со всѣми дарами, ангелы—общі, душа—обща во всѣхъ своихъ силахъ, и во всей жизни, и во всѣхъ членахъ, и она—всецѣло вся въ каждомъ членѣ, ибо ее нельзя раздѣлить, развѣ только разумомъ. Ибо сила высшая и сила низшая, духъ и душа, различны, согласно разуму, и, однако, они одно въ природѣ. Такъ Богъ принадлежитъ всецѣло и особо каждому и, тѣмъ не менѣе, Онъ общъ для всѣхъ тварей, ибо Имъ существуютъ всѣ вещи, и въ Немъ и Имъ держатся небо, земля и вся природа. Когда человѣкъ замѣчаетъ, такимъ образомъ, изумитель-

няя обиліе и высоту божественной природы, и всѣ многообразные дары, которые Богъ посылаетъ и предлагаетъ своимъ твореніямъ, въ немъ внутренно поднимается изумленіе при видѣ столь многообразныхъ обилія и высоты, при видѣ безмѣрной вѣрности Бога ко всѣмъ Его тварямъ. Отсюда рождаются особая внутренняя радость духа, и обширное довѣріе къ Богу, и эта внутренняя радость окружаетъ и проникаетъ всѣ силы души въ глубинѣ духа.

Отъ этой радости, и отъ полноты благодати, и отъ божественной вѣрности рождается и изливается третій потокъ въ этомъ же самомъ единствѣ духа. Этотъ потокъ, подобно пламени, зажигаетъ волю и поглощаетъ и вбираетъ всѣ вещи въ единство. И онъ заставляетъ выходить изъ береговъ, и насыщаетъ богатыми дарами и особымъ благородствомъ всѣ силы души, и онъ создаетъ въ волѣ любовь безъ труда, духовную и тонкую.

Глава XXXIX.
Какимъ образомъ третій потокъ утверждаетъ волю во всякомъ совершенствѣ.

Теперь, Христось говоритъ внутренно въ духѣ чрезъ посредство этого воспламененнаго потока: Выходите дѣланіями, подобно виду этихъ даровъ и этого пришествія. Благодаря первому потоку, то-есть простому свѣту, память бываетъ вознесена выше чувственныхъ вторженій, и водворена и утверждена въ единствѣ духа. Благодаря другому потоку, то-есть разлитой внутри ясности, умъ и разумъ бываютъ просвѣтлены, чтобы узнавать различные виды добродѣтелей и дѣланій, и отчетливо—тайны писаній. Благодаря треть-

ему потоку, то-есть вдохновенному горѣнію, высшая воля воспламеняется въ болѣе спокойной любви, и украшается еще большими богатствами. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ сталъ духовно просвѣтленнымъ, ибо благодать Бога пребываетъ, какъ родникъ, въ единствѣ духа; и эти потоки создаютъ въ силахъ души изліяніе всѣхъ добродѣтелей. И родникъ благодати всегда требуетъ обратнаго тока къ тому же источнику, изъ котораго вышло это теченіе.

Глава XL. Теперь, человѣкъ, утвержденный въ узахъ любви, пребудетъ въ единствѣ своего духа, и какъ чело- выйкъ утвер- жденный выйдеть четырьмя образами. выйдеть четырьмя образами. выйдеть четырьмя образами. выйдеть четырьмя образами.

любови, пребудетъ въ единствѣ своего духа, и выйдеть просвѣтленнымъ разумомъ и преизобильными дѣлами милости на небѣ и на землѣ, и будетъ наблюдать все съ яснымъ различеніемъ и давать все изъ источника истинной щедрости и божественнаго изобилія.

Этотъ человѣкъ долженъ выйти четырьмя образами, къ чему онъ, впрочемъ, также и склоненъ. Первый выходъ направляется къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Второй—къ грѣшникамъ и людямъ развратнымъ. Третій—къ чистилищу, и четвертый—къ самому себѣ и ко всѣмъ благимъ.

Глава XLI. Теперь, поймите: человѣкъ выйдеть и увидеть Бога въ Его славѣ со всѣми святыми. И Первый вы- ходъ направ- ляется къ Богу и ко всѣмъ свя- тымъ. онъ будетъ наблюдать богатое и щедрое истеченіе Бога, полное славы, самого Бога и непостижимыхъ услажденій, и изливающееся во всѣхъ святыхъ, по желанію всѣхъ духовъ. И какимъ

образомъ они текутъ обратно, нагруженные самими собой и всѣмъ, что они получили, и всѣмъ, что они могутъ совершить, къ тому же самому и богатому единству, откуда истекаютъ всѣ сладострастія.

Этотъ токъ Бога вызываетъ всегда возвратный токъ; ибо Богъ есть океанъ, текущій и возвращающійся, который изливается непрерывно во всѣхъ своихъ возлюбленныхъ, сообразно нуждамъ и заслугамъ каждаго, и онъ забираетъ всѣхъ годныхъ, на небѣ и на землѣ, со всѣмъ, что они имѣютъ, и всѣмъ, что они могутъ. И бываетъ такъ, что Онъ требуетъ больше, чѣмъ они могутъ предложить собой, ибо Онъ являетъ себя слишкомъ богатымъ, слишкомъ щедрымъ и слишкомъ безмѣрно добрымъ, и въ своихъ явленіяхъ требуетъ любви и славы, достойныхъ Его. Ибо Богъ хочетъ быть любимымъ нами соразмѣрно Его величію, и это есть то, въ чемъ оказываются несостоятельными всѣ души, и такъ любовь становится безвидной и безобразной; ибо они не знаютъ, ни какъ ее совершить, ни какъ къ ней придти. Ибо любовь всѣхъ духовъ ограничена мѣрой, и вотъ почему любовь всегда возобновляется въ нихъ для того, чтобы Богъ былъ любимъ сообразно Его требованію и ихъ желанію. И вотъ почему всѣ души непрерывно собираются и образуютъ пылающее въ любви пламя, чтобы мочь любить Бога совершенно, сообразно Его величію. Разумъ ясно показываетъ, что это невозможно для твари, но любовь всегда хочетъ совершить любовь, или растаять, или

изойти и уничтожиться въ своемъ безсиліи. Однако Богъ никогда не былъ любимъ, какъ Онъ того заслуживаетъ, ни одною тварью. И для просвѣтленнаго разума это великая радость и великое удовлетвореніе, имѣть Бога и возлюбленнаго такого высокаго и такого богатаго, что Онъ превосходитъ всѣ сотворенныя силы и не можетъ быть любимъ, какъ Онъ того заслуживаетъ, никѣмъ, кто бы то ни былъ, кромѣ Его самого.

Этотъ богатый и просвѣтленный человѣкъ раздаетъ дары изъ сокровищницы своего Бога, и изъ щедротъ своего собственнаго запаса, просвѣтленнаго и переполненнаго черезъ край великими чудесами, всѣмъ ликамъ ангеловъ и всѣмъ духамъ, и каждому въ отдѣльности по его заслугамъ. Онъ бродитъ среди ликовъ, хваленій и всѣхъ существей, и наблюдаетъ вселеніе въ нихъ Бога, соразмѣрное съ благородствомъ каждаго. Этотъ просвѣтленный человѣкъ блуждаетъ духовно и быстро вокругъ и среди всѣхъ небесныхъ фалангъ, богатый и изливающийся черезъ край благостью, обогащающій и наводняющій небесныя воинства новыми славами и сокровищами, почерпнутыми въ изливающейся черезъ край троицѣ и единствѣ божественной природы. Вотъ первый выходъ, направляющійся къ Богу и Его святымъ.

Глава XLII. Этотъ человѣкъ будетъ иногда спускаться
Другой вы- къ грѣшникамъ, съ великимъ состраданіемъ и
ходъ напра- щедрымъ милосердіемъ, и будетъ приводить ихъ
вится ко щедрымъ милосердіемъ, и будетъ приводить ихъ
всѣмъ грѣш- къ Богу, съ глубокимъ благоговѣніемъ и вели-
никамъ.

кими мольбами. И онъ будетъ напоминать Богу о добротѣ, которая—Онъ самъ, и объ Его могуществѣ, и о томъ, что Онъ сдѣлалъ для насъ и что Онъ намъ общалъ; какъ если бы Онъ объ этомъ забылъ, ибо Богъ хочетъ, чтобы Его просили. Благость будетъ имѣть все, чего она желаетъ, но ей не слѣдуетъ быть ни угрюмой, ни упорной, она покоится на всѣхъ сокро-вищахъ и на всѣхъ щедротахъ Бога, ибо Богъ любитъ безъ мѣры, и это—то, въ чемъ любовь лучше всего сохраняетъ покой. Этотъ человѣкъ, обладая всеобъемлющей любовью, проситъ Бога излить Его любовь и Его милосердіе на языч-никовъ и евреевъ и на всѣхъ невѣрующихъ, чтобы Онъ былъ любимъ, познаваемъ и восхва-ляемъ на небѣ, и чтобы наши слова, наша ра-дость и нашъ миръ распространялись до краевъ земли. Вотъ второй выходъ къ грѣшникамъ.

Человѣкъ будетъ иногда смотрѣть на своихъ друзей въ чистилищѣ и размышлять объ ихъ изгнаніи, ихъ желаніяхъ и ихъ тяжелыхъ стра-даніяхъ. Тогда онъ будетъ умолять и звать къ жалости, милосердію и великодушію Бога, и будетъ выставлять ихъ добрую волю, и ихъ великое несчастіе, и ихъ воздыханія къ боже-ственнымъ богатствамъ, и будетъ напоминать, что они умерли въ любви, и что крестныя страданія и жалость Спасителя—ихъ единствен-ное приобѣжище.

Глава XLIII.
Третій вы-
ходъ напра-
вится къ его
друзьямъ въ
чистилищѣ.

Теперь, поймите: если случается, что этотъ просвѣтленный человѣкъ возбуждается духомъ Божиимъ молить особенно объ опредѣленной

вещи, о такомъ-то грѣшникѣ, о такой-то душѣ, или о достиженіи нѣкотораго духовнаго благодѣянія, такъ что онъ очень хорошо замѣчаетъ и чувствуетъ, что это—дѣйствіе Духа Святого, то не слѣдуетъ ему упорствовать въ слѣдованіи своей собственной волѣ. Случается иногда, что человѣкъ становится столь внутреннимъ и такъ сильно воспламеняется въ своей молитвѣ, что онъ бываетъ духовно увѣдомленъ объ услышаніи его молитвы. И въ этомъ увѣдомленіи утихаютъ побужденіе духа и молитва.

Глава XLIV. Теперь, человѣкъ придетъ къ самому себѣ и ко
 Человѣкъ всѣмъ благимъ доброй воли; и онъ вкуситъ и
 направитъ четвертый испытаетъ сообщество и единеніе, которыя они
 выйдетъ къ имѣютъ въ любви, и будетъ пламенно умолять
 самому себѣ Бога позволить излиться Его обычнымъ да-
 и ко всѣмъ рамамъ, чтобы они утвердились въ Его любви и
 благимъ. Его вѣчномъ почетѣ. Этотъ просвѣтленный
 человѣкъ будетъ поучать, наставлять, укорять
 всѣхъ людей и служить имъ въ вѣрности и
 разсудительно, ибо онъ имѣетъ всеобъемлющую
 любовь. И вотъ почему онъ—посредникъ ме-
 жду Богомъ и всѣми тварями. Затѣмъ онъ вер-
 нется въ себя съ цѣльностью, со всѣми свя-
 тыми и всѣми благими, и будетъ обладать въ
 мирѣ единствомъ своего духа и, въ то же вре-
 мя, высокимъ единствомъ Бога, гдѣ покоятся
 всѣ души. Это—истинная духовная жизнь, ибо
 всѣ виды и всѣ внутреннія и внѣшнія добро-
 дѣтели и высшія силы души украшены этимъ
 сверхестественно, въ истинномъ благовременьи.

Встрѣчаются нѣкоторые люди, которые весь- Глава XLV.
ма тонки въ словахъ, и способны къ истол- По какимъ
кованію высокихъ вещей, и однако, не испы- признакамъ
тываютъ ни просвѣтленнаго вида, ни всеобъ- узнавать
емлющей любви въ великодушіяхъ. Чтобы эти тѣхъ, кто
люди научились узнавать самихъ себя и были встрѣчаютъ
также узаны другими, я обозначу ихъ тремя прелятствія
признаками. По первому признаку смогутъ въ истинной
узнать себя они сами, по двумъ другимъ любви.
узнаетъ ихъ всякій разумный человѣкъ.

Первый признакъ: тамъ, гдѣ просвѣтленный
человѣкъ простъ, и стоекъ, и свободенъ отъ
наблюденія, благодаря божественному свѣту, тѣ,
напротивъ, бываютъ сложны, непостоянны и
полны изученій и наблюденій, и не вкушаютъ
никакого внутренняго единства и никакого успо-
коенія безъ образовъ, и по этому признаку
смогутъ узнать себя они сами.

Другой признакъ заключается въ томъ, что
тамъ, гдѣ просвѣтленный человѣкъ имѣетъ въ
себѣ разлитую Богомъ мудрость, которою онъ
ясно, безъ труда, узнаетъ истину, тѣ имѣютъ
тонкія частныя случайности, надъ которыми
работаетъ ихъ воображеніе, и которыя они ис-
кусно украшаютъ и наблюдаютъ; но ихъ поч-
ва бесплодна, и они не могутъ произвести ве-
ликодушныхъ поученій, и ихъ поученія слож-
ны, мудрены, и относятся къ вещамъ посто-
роннимъ, и стѣсняють, задерживаютъ и загро-
мождаютъ, затрудняютъ внутреннихъ людей; и
не являютъ единства и не ведутъ къ нему; но
сообщаютъ тонкія наблюденія и сложности.
Эти люди упрямо хранятъ свое ученіе и свое

мнѣніе, хотя бы другое мнѣніе было такъ же хорошо, какъ ихъ. И они не осуществляютъ никакой добродѣтели и не имѣютъ объ этомъ никакой заботы. Они духовно горды во всемъ ихъ существѣ. Вотъ второй признакъ.

Третій признакъ проявляется въ томъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ любовный и просвѣтленный изливается всеобъемлюще въ благодати, на небѣ и на землѣ, какъ вы это слышали, тотъ, напротивъ, бываетъ исключителенъ во всякой вещи. Ему кажется, что онъ самый мудрый и лучший. Онъ хочетъ, чтобы его цѣнили, какъ и его ученіе. Всѣ тѣ, которыхъ онъ не обучаетъ и не наставляетъ совѣтами, и которые не слѣдуютъ его образу жизни и не признаютъ его учителемъ, кажутся ему заблуждающимся. Онъ щедро удовлетворяетъ потребности своего тѣла, и мало беспокоится о легкихъ проступкахъ. Этотъ человѣкъ не бываетъ ни справедливымъ, ни смиреннымъ, ни великодушнымъ, ни служителемъ бѣдныхъ, ни внутреннимъ, ни дѣятельнымъ, ни чувствительнымъ къ божественной любви, и онъ не знаетъ Бога и не знаетъ самого себя въ истинной добродѣтели. Вотъ третій признакъ. Наблюдайте его, изучайте и избѣгайте его въ васъ самихъ, и во всѣхъ людяхъ, гдѣ вы его встрѣтите. Но не предполагайте его ни въ комъ безъ того, чтобы не испытать его сначала на дѣлахъ; ибо это осквернило бы ваше сердце и препятствовало бы познать божественную истину.

Чтобы обладать, поверхъ всѣхъ другихъ ви-
 довъ, о которыхъ мы говорили, этимъ всеобъ-
 емлющимъ видомъ, ибо это высшій видъ, и
 желать его, мы возьмемъ за образецъ Иисуса
 Христа, который былъ весьма всеобъемлющъ
 и еще остается такимъ, и останется въ вѣч-
 ности; ибо Онъ былъ посланъ на землю для
 блага всѣхъ людей, желавшихъ обратиться.
 Тѣмъ не менѣе, Онъ самъ говоритъ, что Онъ
 посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома
 Израиля. Это—не только евреи, но всѣ, кото-
 рые будутъ вѣчно созерцать Бога; и они при-
 надлежать къ дому Израиля, а не тѣ, ибо
 евреи презирали Евангеліе, и язычники вошли
 и приняли его, и черезъ нихъ обращенъ весь
 Израиль, то-есть всѣ избранные въ вѣчности.

Теперь, замѣтьте, какъ Христось отдался
 всѣмъ въ истинной вѣрности. Его внутренняя
 и высокая молитва изливалась къ Его Отцу,
 и была общимъ достояніемъ всѣхъ, желающихъ
 быть спасенными. Иисусъ Христось былъ весь
 для всѣхъ въ своей любви, въ своихъ поуче-
 ніяхъ, въ своихъ упрекахъ, въ своихъ утѣ-
 шеніяхъ въ кротости, въ своихъ щедрыхъ да-
 рахъ, въ своихъ милосердныхъ прощеніяхъ.
 Его душа и Его тѣло, Его жизнь и Его смерть
 и Его служеніе были и суть общее достояніе
 всѣхъ: Христось не принималъ ни пищи, ни
 питья, ничего, что было необходимо для Его
 тѣла, не помышляя объ общемъ благѣ всѣхъ
 людей, которые будутъ спасены до послѣдняго
 дня. Христось не имѣлъ ничего въ собствен-
 ность; но все было общимъ, тѣло и душа, мать

Глава XLVI.
 Какъ Хрис-
 тось былъ,
 пребываетъ
 и будетъ
 вѣчно воз-
 любимнымъ
 всѣхъ.

и ученики, хитонъ и плащъ. Онъ ѣлъ и пилъ для насъ, Онъ жилъ и умеръ для насъ. Его мученія, и Его страданія, и Его бѣдствія были Его собственными и личными, но преимуществва и блага, происходившія отъ нихъ, были общими. И слава Его заслугъ пребудетъ общей, вѣчно.

Глава XLVII. Теперь Христось оставилъ свое сокровище и свои доходы на землѣ. Это—семь таинствъ и всѣмъ, которые живутъ и внѣшнія блага Святой Церкви, которыя Онъ завоевалъ своею смертию и которыя должны быть общими. И его служители, которые ими живутъ, должны быть общими. Всѣ, живущіе мірскимъ даяніемъ и находящіеся въ церковномъ званіи, должны быть общими, по крайней мѣрѣ въ ихъ молитвѣ; именно все духовенство и всѣ находящіеся въ монастыряхъ и одинокихъ кельяхъ. Въ началѣ Святой Церкви и нашей вѣры, папы, епископы и священники были общими, ибо они обратили народъ и основали Святую Церковь и нашу вѣру, запечатлѣли ее своею кровью и своею смертию. Они были просты и безхитростны, и они обладали непрерывнымъ миромъ въ единствѣ духовъ. И они были просвѣтлены божественной мудростью, богаты и изобильны вѣрностью и благостью къ Богу и ко всѣмъ людямъ. Но въ настоящее время—совсѣмъ наоборотъ; ибо тѣ, кто владѣютъ теперь этимъ наслѣдствомъ и этими доходами, которые были даны другимъ изъ любви и по причинѣ ихъ святости, непостоянны въ душѣ своей, и не-

утолены и сложны; ибо они всецѣло обращены къ міру, и не изслѣдуютъ до дна тѣ вещи и причины, которыя у нихъ въ рукахъ. Вотъ почему они молятся устами; но сердце не вкушаетъ, что это значитъ, и они не испытываютъ таинственнаго чуда, сокрытаго въ Писаніи, въ таинствахъ и въ ихъ священнослуженіи. И вотъ почему они тупы и грубы, и непроевѣщены въ божественной истинѣ, и они часто неумѣренно ищутъ яствъ и напитковъ, и удовольствій тѣла, и дай Богъ, чтобы они были чисты тѣломъ! Пока они живутъ такъ, они никогда не будутъ просвѣтлены, и насколько первые были великодушны и изливались въ благодати, и ничего не удерживали себѣ, настолько въ настоящее время эти скупы и жадны, и ни отъ чего не воздерживаются. Все это противоположно святымъ и тому всеобъемлющему виду, о которомъ мы говорили. Я говорю такъ съ общей точки зрѣнія. Пусть каждый испытываетъ себя, наставляетъ и обличаетъ самъ себя, если это нужно; а если не нужно, пусть имѣетъ радость, миръ и покой въ своей доброй совѣсти, и пусть служитъ и воздастъ хвалу Господу, и будетъ полезнымъ себѣ и всѣмъ людямъ, въ честь Бога.

Желая особенно оцѣнить и восхвалить этотъ всеобъемлющій видъ, я нахожу еще одно особое благодѣяніе, которое Христось, въ своей Святой Церкви, оставилъ всѣмъ благимъ на этой вечерѣ великаго праздника Пасхи, когда Ему предстояло уйти изъ этого бѣдственнаго

Глава XLVIII.

Какимъ образомъ Христось отдалъ себя всѣмъ людямъ въ таинствѣ Причастія.

состоянія, къ Его Отцу, послѣ вкушенія пасхальнаго агнца со своими учениками и по исполненіи ветхаго закона. Къ концу трапезы и праздника, Онъ пожелалъ дать имъ особенное блюдо, что Онъ хотѣлъ сдѣлать издавна. И это есть то, чѣмъ Онъ пожелалъ кончить ветхій законъ и освятить законъ новый, и Онъ взялъ хлѣба въ свои преподобныя руки, и принесъ въ жертву свое священное тѣло, и затѣмъ свою священную кровь, и далъ ихъ всѣмъ своимъ ученикамъ, и оставилъ ихъ въ общее достояніе всѣмъ праведнымъ, для ихъ вѣчнаго блага.

Этотъ особый даръ и это особое блюдо дѣлаютъ радостными и украшаютъ всѣ большіе праздники и всѣ пиршества на небѣ и на землѣ. Въ этомъ дарѣ Христосъ намъ даетъ самого себя тремя образами: Онъ даетъ намъ свою плоть и свою кровь и свою тѣлесную жизнь, прославленную и полную радостей и страданій. И Онъ даетъ намъ своего духа съ высшими силами и полного славы, даровъ, истинъ и оправданій. И Онъ даетъ намъ свою личность съ божественнымъ свѣтомъ, поднимающимъ Его духъ и всѣхъ просвѣтленныхъ духовъ, до высокаго наслаждающагося единства.

Теперь, Христосъ хочетъ, чтобы мы вспоминали о Немъ всякій разъ, какъ мы будемъ освящать, предлагать и принимать Его тѣло. Теперь, замѣтьте, какъ мы будемъ вспоминать о Немъ. Мы будемъ наблюдать и изслѣдовать, какимъ образомъ Христосъ склоняется къ намъ, любовными склоненіями, великими желаніями,

любеобильной радостью и сердечнымъ изліяніемъ въ нашу тѣлесную природу. Ибо Онъ намъ даетъ то, что Онъ получилъ отъ нашей человѣчности, а именно, плоть и кровь и свою тѣлесную природу. Мы будемъ, равнымъ образомъ, наблюдать и изслѣдовать это драгоцѣнное тѣло, измученное, истерзанное и израненное отъ любви, по причинѣ его вѣрности намъ. Этимъ мы бываемъ украшены и вскормлены въ низшей части нашей человѣческой природы. Онъ даетъ намъ также въ этомъ высокомъ дарѣ таинства свой духъ, полный славы, и болѣе богатые дары добродѣтелей, и неизреченныя чудеса благодати и благородства.

И этимъ мы вскормлены, и украшены и просвѣтлены въ единствѣ нашего духа и въ высшихъ силахъ, благодаря обитанію въ насъ Христа со всѣми Его богатствами. Онъ даруетъ намъ еще въ таинствѣ Причастія свою высокую личность въ непостижимомъ свѣтѣ. И, благодаря этому, мы присоединены и перенесены къ Отцу, и Отецъ принимаетъ своихъ избранныхъ сыновъ, одновременно со своимъ Сыномъ по природѣ, и такъ мы прибываемъ въ свое наслѣдіе божественности, въ вѣчное блаженство. Если человѣкъ достойно объ этомъ размыслилъ, онъ встрѣтитъ Христа тѣмъ же самымъ образомъ, какимъ Христосъ приходитъ къ нему. Онъ поднимется такъ, чтобы принять Христа, сердцемъ, желаніями, ощутимой любовью, и всѣми своими силами, и съ ненасытимой радостью. И такъ принялъ Христосъ самъ себя. И невозможно, чтобы эта радость была слиш-

комъ велика; ибо наша природа принимаетъ Его природу, а именно человѣчность Христа прославленнаго, полного веселій и заслугъ. И вотъ почему я хочу, чтобы человѣкъ, въ этомъ принятіи, растворился и изливался отъ избытка желаній, радостей и сладострастій, ибо онъ принимаетъ того, кто самый прекрасный, самый ласковый и самый любвеобильный изъ сыновъ человѣческихъ, и онъ соединенъ съ Нимъ. Въ этомъ соединеніи и въ этой радости часто великія счастья приходятъ къ человѣку; и многія таинственныя и сокровенныя чудеса божественныхъ сокровищъ бываютъ явлены и раскрыты. Когда человѣкъ размышляетъ, въ этомъ принятіи, о мученичествѣ и страданіяхъ этого драгоцѣннаго тѣла Христа, которое онъ принимаетъ, онъ приходитъ порою въ такое любовное благоговѣніе и въ такое великое ошутимое состраданіе, что онъ хочетъ быть пригвожденнымъ со Христомъ къ дереву креста, и пролить кровь своего сердца въ честь Христа. И онъ тѣснитъ въ раны и въ раскрытое сердце Христа, своего спасителя. Въ этихъ дѣланіяхъ часто откровенія и великія благодѣанія случались съ людьми.

Эта ошутимая любовь, рожденная изъ состраданія, и воображеніе, возбужденное внутреннимъ наблюденіемъ въ ранахъ Христа, могутъ развиваться до такой степени, что этимъ людямъ кажется, что они испытываютъ въ своемъ сердцѣ и во всѣхъ своихъ членахъ язвы и раны Христа. И если бы какой-нибудь человѣкъ дѣйствительно получилъ какимъ-либо образомъ

знаки язвъ Господа, то это былъ бы одинъ изъ такихъ людей. И такъ мы удовлетворяемъ Христа, по низшей части Его человѣчности.

Мы будемъ пребывать такъ въ единствѣ нашего духа, и изливаться къ безмѣрной благодати въ небѣ и на землѣ, съ яснымъ различеніемъ. И такъ мы несемъ подобіе Христа, по духу, и удовлетворяемъ Его.

Благодаря личности Христа, и простымъ намѣреніемъ, и наслаждающейся любовью, мы переступимъ самихъ себя, и мы переступимъ также сотворенное существо Христа, и успокоимся въ нашемъ наслѣдіи, которое есть вѣчная и божественная сущность. Это есть то, что Христосъ всегда хочетъ духовно даровать намъ, всякій разъ какъ мы упражняемся въ такомъ дѣланіи и готовимся принять Его въ насъ. И Онъ хочетъ, чтобы мы Его приняли тайнодѣйственно и духовно, въ подходящее и разумное время. И хотя бы человѣкъ не всегда имѣлъ такія чувствованія и такія желанія, лишь бы только у него не было другого намѣренія, кромѣ славы Бога и своего собственнаго успѣха на пути спасенія, онъ можетъ свободно идти къ столу Господа, если совѣсть его чиста отъ всякаго смертнаго грѣха.

Высокое и сверхсущностное единство божественной природы, въ которомъ Отецъ и Сынъ обладаютъ своей природой въ единствѣ Святого Духа, выше пониманія и постиженія всей нашей силы въ голой сущности нашего духа, превосходить, въ этой высокой тишинѣ, всѣхъ

Глава XLIX.
Объ единствѣ природы Бога въ троицѣ лицъ.

тварей сотвореннаго свѣта. Это высокое единство божественной природы животворно и плодотворно, ибо отъ этого самаго единства вѣчное Слово рождается непрерывно отъ Отца. И этимъ рожденіемъ Отецъ познаетъ Сына, и всѣ вещи въ Сынѣ. И Сынъ знаетъ Отца, и всѣ вещи въ Отцѣ, ибо Ихъ природа проста и едина. Отъ этого взаимнаго видѣнія Отца и Сына въ вѣчной ясности, истекаетъ вѣчное благоволеніе и бездонная любовь,—Святой Духъ. И черезъ Святого Духа и вѣчную премудрость Богъ склоняется къ каждой твари, отлично, и осыпаетъ дарами и воспламеняетъ любовью каждую изъ нихъ, сообразно ея благородству и сообразно состоянію, въ которомъ она утверждена и избрана, благодаря своимъ добродѣтелямъ и вѣчному предвидѣнію Бога. И вотъ чѣмъ соединены въ добродѣтеляхъ и въ праведности, всѣ праведные духи, на небѣ и на землѣ.

Глава L. Теперь, будьте внимательны: я дамъ вамъ сравненіе по этому вопросу. Богъ создалъ верхнее небо, какъ чистую и единую ясность, окружающую и облекающую всѣ небеса, и все, что Богъ создалъ матеріальнаго и тѣлеснаго; ибо это есть внѣшнее жилище и царство Бога и Его святыхъ, полныхъ вѣчной славы и радости. Но такъ какъ это небо — безпримѣсный свѣтъ, то здѣсь нѣтъ ни времени, ни состоянія, ни искушенія, и никогда больше никакого потрясенія, ибо оно непоколебимо утверждено выше всѣхъ вещей. Самая близкая сфера раска-

Сравненіе по вопросу о томъ, какимъ образомъ Богъ подвигаетъ душу и облагаетъ ея естественно и сверхъестественно.

леннаго неба называется первымъ двигателемъ. Всякое движеніе, силою Бога, проистекаетъ отъ верхняго неба. Это есть то движеніе, которое влечетъ развитіе небесной тверди и всѣхъ планетъ. И этимъ самымъ начальнымъ движеніемъ живутъ и растутъ всѣ твари, каждая въ своемъ порядкѣ. Теперь поймите: сущность души равнымъ образомъ подобна духовному царству Бога, полному божественныхъ свѣтовъ, превосходящему всѣ наши силы, развѣ только эти силы будутъ преобразованы простымъ способомъ, о которомъ я не хочу говорить теперь. Смотрите: въ этой сущности души, гдѣ царствуетъ Богъ, единство нашего духа подобно первому двигателю; ибо въ этомъ единствѣ, духъ движимъ свыше, въ силѣ Бога, естественно и сверхъестественно; ибо, сами по себѣ, мы ничего не имѣемъ въ природѣ, ни выше природы. И это побужденіе Бога, когда оно сверхъестественно, есть первая и главная причина всякой добродѣтели. И въ этомъ побужденіи Бога даруются нѣкоторымъ просвѣтленнымъ людямъ, семь даровъ Святого Духа, подобные семи планетамъ, освѣщающимъ и оплодотворяющимъ всю жизнь челоуѣка. Вотъ образъ, по которому Богъ обладаетъ сущностнымъ единствомъ нашего духа, какъ своимъ царствомъ; и такъ Онъ дѣйствуетъ и изливается со своими дарами въ нашемъ скрытомъ единствѣ и во всѣхъ нашихъ силахъ.

Теперь, наблюдайте внимательно, какимъ способомъ мы можемъ приобрѣсть самое вну-

Глава LI.
Какъ челоуѣкъ дол-

жень быть
украшенъ,
чтобы полу-
чить самое
внутреннее
дѣланіе.

тренное дѣланіе нашего духа и обладать имъ въ сотворенномъ свѣтѣ. Человѣкъ, хорошо украшенный нравственными добродѣтелями во внѣшней жизни, и поднявшійся въ божественный миръ и въ возвышенность, внутренними дѣланіями, обладаетъ единствомъ своего духа, просвѣтленнымъ сверхъестественной мудростью, изливающейся щедрою благодію на небѣ и на землѣ, и воздвигающей, и текущей обратно съ благоговѣніями и заслугами, къ тому же источнику и въ высокое единство Бога, откуда изливаются всѣ потоки; ибо всякая тварь, сообразно тому, получаетъ ли она больше или меньше божественныхъ даровъ, имѣетъ больше или меньше восходящей любви и тѣснаго единенія со своимъ началомъ; ибо Богъ и всѣ Его дары требуютъ насъ въ Него, и добродѣтелями, благодію и подобіемъ, мы хотимъ, въ свою очередь, войти въ Него.

Отъ этого любовнаго склоненія Бога, и Его внутренней работы въ единствѣ нашего духа, въ то же время, какъ и отъ нашей воспламенной любви и отъ полного напора всѣхъ нашихъ силъ, въ этомъ самомъ единствѣ, гдѣ пребываетъ Богъ, возникаетъ третье пришествіе Христа во внутреннемъ дѣланіи. И это есть побужденіе или внутреннее прикосновеніе Христа, въ Его божественномъ свѣтѣ, къ самой внутренней глубинѣ нашего духа. Мы сравнили предыдущее пришествіе съ родникомъ о трехъ потокахъ. А это пришествіе мы сравнимъ съ самой бьющей струею родника. Ибо никакой потокъ не бываетъ безъ родника, и

никакой родникъ—безъ живой струи; и точно такъ же течетъ потоками, въ высшія силы, божественная благодать, и она побуждаетъ и воспаляетъ человѣка на всѣ добродѣтели. И она подобна роднику въ единствѣ нашего духа, и она падаетъ обратно въ то же единство, откуда она брызнула, какъ живая и кипящая струя, исшедшая изъ живого источника божественнаго изобилія, гдѣ никогда не могутъ истощиться ни вѣрность, ни жалость. Вотъ то прикосновеніе, которое я имѣю въ виду. И тварь выдерживаетъ это прикосновеніе, ибо здѣсь происходитъ соединеніе высшихъ силъ въ единствѣ духа, выше множественности всѣхъ добродѣтелей. И здѣсь никто другой не трудится, кромѣ одного Бога, по чистой добротѣ, и это источникъ всѣхъ нашихъ добродѣтелей и всего нашего блаженства. Въ единствѣ духа, гдѣ кипитъ эта струя, мы находимся выше труда и разума, но не безъ разума. Ибо просвѣтленный разумъ и, въ особенности, сила любви, испытываютъ это прикосновеніе; и разумъ не можетъ постичь ни вида, ни рода этого прикосновенія, ни что оно такое въ себѣ; ибо это—божественное дѣйствіе, источникъ и водоемъ всѣхъ благодатей и всѣхъ даровъ, и послѣднее посредство между Богомъ и тварью. И выше этого прикосновенія, въ спокойной сущности духа, плещетъ непостижимая ясность. И это—высокое тріединство, откуда исходитъ прикосновеніе. Тамъ живетъ и царитъ Богъ въ духѣ, и духъ въ Богѣ.

Глава LII. Теперь Христосъ говоритъ внутренно въ духѣ, этимъ прикосновеніемъ: **Выходите пришествіи Христа, которе насъ совершенствуетъ во внутреннихъ дѣланіяхъ, и о самомъ внутреннемъ выходѣ духа, благодаря божественному прикосновенію.** дѣланіями, сообразно виду прикосновенія. Ибо это глубокое прикосновение привлекаетъ и призываетъ нашъ духъ къ дѣланію самому внутреннему, какое только тварь можетъ выдержать, сообразно виду тварей въ сотворенномъ свѣтѣ. Здѣсь духъ воздвигается, благодаря любящей силѣ, выше дѣяній, въ единство, гдѣ кипитъ этотъ живой источникъ прикосновенія. И это прикосновение требуетъ, чтобы разумѣніе узнало Бога въ Его ясности, и привлекаетъ и приглашаетъ любовную силу наслаждаться Богомъ безъ посредства; и это—то, чего желаетъ, естественно и сверхъестественно, поверхъ всякой вещи, любящій духъ. Просвѣтленнымъ разумомъ духъ возвышается во внутреннемъ наблюдѣніи, и созерцаетъ и наблюдаетъ, въ самой внутренней глубинѣ духа, мѣсто, гдѣ живетъ это прикосновение.

Здѣсь изнемогаютъ въ своемъ движеніи впередъ разумъ и весь сотворенный свѣтъ, ибо превосходящая все божественная ясность, совершающая это прикосновение, ослѣпляетъ при своей встрѣчѣ всякое сотворенное зрѣніе, ибо она бездонна. И всякое разумѣніе въ сотворенномъ свѣтѣ подобно здѣсь играмъ летучей мыши въ блескѣ солнца. Однако духъ всегда снова призывается и побуждается Богомъ и самимъ собою, изслѣдовать это внутреннее прикосновение и узнавать, что есть Богъ и это прикосновение. И разумъ постоянно вновь спра-

шиваетъ себя, откуда это приходитъ, и всегда развѣдываетъ заново, чтобы слѣдовать за этими медовыми сотами до ихъ источника. Но онъ объ этомъ знаетъ столько же въ первый день, какъ и въ послѣдній. И вотъ почему разумъ и всякое наблюдение говорятъ: Я не знаю, что это такое. Ибо превосходящая все божественная ясность отражаетъ и ослѣпляетъ всякое разумѣніе при своей встрѣчѣ.

Такъ Богъ держится въ своей ясности выше всѣхъ духовъ неба и земли. И тѣ, которые прорыли глубину свою посредствомъ добродѣтелей и внутреннихъ дѣланій, до своего начала, то-есть до дверей вѣчной жизни, могутъ испытать это прикосновение. Тамъ такъ безмѣрно сіяетъ блистаніе Бога, что разумъ и всякое познание изнемогаютъ въ своемъ движеніи впередъ, и должны отступить передъ непостижимой ясностью Бога. Но въ духѣ, испытывающемъ это въ своей глубинѣ, хотя бы разумъ и всякое познание изнемогли передъ божественнымъ блескомъ и остались во-внѣ, передъ дверьми, любовная сила хочетъ, тѣмъ не менѣе, подвигаться впередъ, ибо она также призвана и потребована, подобно познанію; и она слѣпа и хочетъ наслаждаться, а наслажденіе заключается болѣе во вкусѣ и въ возбужденіи, чѣмъ въ постиженіи. И вотъ почему любовь хочетъ подвигаться впередъ, тогда какъ познание пребываетъ во-внѣ.

Здѣсь начинается вѣчное алканіе, которое уже никогда не будетъ утолено. Это — внутрен-

Глава LIII.

О вѣчномъ алканіи Бога,

которое испытываетъ нашъ духъ. нія жадность и устремленіе любовной силы и сотвореннаго духа къ несотворенному благу. И такъ какъ духъ желаетъ наслажденія и для этого призванъ и потребованъ Богомъ, онъ всегда хочетъ его осуществлять. Смотрите, здѣсь начинаются вѣчное устремленіе и вѣчныя усилія въ вѣчномъ безсиліи. Это люди самые жалкіе, какіе только есть, ибо они алчны и лакомы и у нихъ необычайный голодъ. Что бы они ни пили и ни ѣли, они никогда не бывають сыты въ этомъ мірѣ, ибо этотъ голодъ вѣченъ. Ибо сосудъ сотворенный не можетъ вмѣстить блага несотвореннаго, и вотъ почему тамъ вѣчные алчные порывы, и Богъ потопляетъ все въ безсиліи.

Здѣсь великія пиршества яствъ и напитковъ, которыхъ никто не знаетъ, кромѣ тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ; но полное насыщеніе въ наслажденіи есть та пища, которой здѣсь недостаетъ; и вотъ почему голодъ всегда возобновляется. Между тѣмъ, въ прикосновеніи текутъ медовыя рѣки, полныя всѣхъ сладострастій, ибо духъ вкушаетъ эти сладострастія всѣми способами, которые онъ можетъ вообразить, но все это—по виду тварному и ниже Бога, и вотъ почему здѣсь вѣчные голодъ и нетерпѣніе.

Если бы Богъ сообщилъ такому человѣку всѣ дары, которыми обладаютъ всѣ святые, и все, что Онъ можетъ предложить, но не давая себя самого, зіяющая алчность духа пребывала бы голодной и неутоленной. Внутреннія возбужденіе и прикосновеніе Бога изнуряють насъ

голодомъ и заставляють дѣлать усилія, ибо духъ Бога гонится за нашимъ духомъ, и чѣмъ больше прикосновеній, тѣмъ больше голода и усилій. И вотъ жизнь любви, въ ея высшихъ дѣйствіяхъ, выше разума и постиженія; ибо здѣсь разумъ не можетъ ничего ни похитить у любви ни доставить ей, ибо къ нашей любви прикоснулась божественная любовь. И, по-моему, здѣсь никогда больше не бываетъ разлученія съ Богомъ. Прикосновеніе Бога въ насъ, насколько мы его чувствуемъ, и наши любовныя усилія, оба сотворены и изъ рода тварей, и вотъ почему они могутъ расти и увеличиваться столь долго, какъ длится наша жизнь.

Въ этой бурѣ любви борются два духа: духъ Бога и нашъ духъ. Богъ Духомъ Святымъ склоняется въ насъ, и отъ этого мы получаемъ прикосновеніе въ любви. И нашъ духъ, дѣйствіемъ Бога и любовной силой, поспѣшаетъ и склоняется въ Бога, и отъ этого Богъ получаетъ прикосновеніе. Отъ этихъ двухъ сопрікосновеній возникаетъ борьба любви, во встрѣчѣ самой глубокой; и въ этомъ посѣщеніи, самомъ внутреннемъ и остромъ, какое только есть, духъ наиболѣе глубоко бываетъ раненъ любовью. Эти два духа, то-есть духъ Бога и нашъ духъ, освѣщаютъ и просвѣтляютъ другъ друга, и каждый изъ нихъ показываетъ свое лицо другому. Это заставляетъ ^{любовныхъ} влюбленныхъ единодушно порываться отъ любви другъ въ друга; каждый изъ нихъ требуетъ отъ другого всего, что онъ есть, и предлагаетъ другому все, что онъ есть, и

Глава LIV.

О любовной
борьбѣ между
духомъ
Бога и на-
шимъ ду-
хомъ.

приглашаетъ ко всему, что онъ есть, и это заставляетъ влюбленныхъ растворяться. Прикосновеніе Бога и Его дары, наши любовныя усилія и то, что мы отдаемъ, поддерживаютъ любовь. Этотъ потокъ и это обратное теченіе заставляетъ выступать изъ краевъ родникъ любви. Такъ прикосновеніе Бога и наши любовныя усилія становятся единой простой любовью. Здѣсь человѣкъ во власти любви до такой степени, что онъ забываетъ себя самого, что онъ забываетъ Бога, и ничего больше не можетъ, кромѣ какъ любить. Такъ духъ бываетъ сожженъ въ огнѣ любви, и проникаетъ такъ далеко въ прикосновеніе Бога, что бываетъ побѣжденъ во всѣхъ своихъ усиліяхъ, и уничтожается во всѣхъ своихъ дѣлахъ, и истощается, и самъ становится любовью выше всякаго сочетанія, и обладаетъ самой внутренней глубиной своей сотворенности, выше всѣхъ добродѣтелей; тамъ, гдѣ начинаются и кончаются всѣ дѣла тварей. Вотъ любовь сама въ себѣ, основаніе всѣхъ добродѣтелей.

Глава LV. Теперь, нашъ духъ и эта любовь бываютъ живы и плодотворны въ добродѣтеляхъ; и вотъ О плодотворныхъ дѣлахъ духа, которыя вѣчны. почему силы не могутъ больше удерживаться въ единствѣ духа. Ибо непостижимая ясность Бога и Его бездонная любовь держатся выше духа и прикасаются къ любовной силѣ; и духъ падаетъ обратно въ свои дѣла и въ желаніе болѣе высокое и болѣе внутренне глубокое, чѣмъ когда-либо. И чѣмъ онъ болѣе внутрененъ и благороденъ, тѣмъ болѣе быстро онъ

истощается и уничтожается въ любви; и онъ падаетъ обратно въ новыя дѣла, и вотъ небесная жизнь. Зіяющій духъ всегда ищетъ вкушать и поглощать Бога; но онъ самъ пребываетъ поглощеннымъ въ прикосновеніи Бога, и изнемогаетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ; ибо въ единствѣ духа — соединеніе высшихъ силъ. И здѣсь, благодать и любовь сущностны, выше усилія; ибо это — источникъ благодати и всѣхъ добродѣтелей. Здѣсь — вѣчное истечение въ благодати и добродѣтеляхъ, и вѣчное возвращеніе во внутреннемъ алканіи, для наслажденія Богомъ, и вѣчное пребываніе въ любви болѣе простой. И все это происходитъ по виду тварей и ниже Бога: и это самое внутреннее дѣланіе, какое можно совершить въ сотворенномъ свѣтѣ, на небѣ и на землѣ. И выше этого нѣтъ ничего, кромѣ созерцательной жизни въ божественномъ свѣтѣ, и по виду Бога. Въ этомъ дѣланіи нельзя ни заблуждаться ни быть обольщеннымъ, и оно начинается здѣсь въ благодати, и вѣчно будетъ длиться въ славѣ.

Теперь, я вамъ показалъ, какъ человекъ, свободно вознесенный божественной благодатью, дѣлается видящимъ во внутреннемъ дѣланіи. И мы замѣчаемъ, что это первое условіе, котораго Христосъ желаетъ и требуетъ отъ насъ, потому что Онъ говоритъ: Смотрите. Для второго и третьяго условій, гдѣ Онъ говоритъ: Женихъ идетъ, выходите, — я вамъ указалъ три вида внутреннихъ пришествій Христа; и что первое пришествіе имѣетъ четыре вида,

Глава LVI.

Какъ мы
встрѣтимъ
Бога, духовно,
съ посредствомъ
и безъ посредства.

и какъ мы выйдемъ дѣланіями, сообразно всѣмъ образамъ, которыми Христосъ, внутренно въ своемъ пришествіи, насъ воспаляетъ, ставляетъ и побуждаетъ. Теперь намъ нужно изслѣдовать четвертое условіе и послѣднее. Это—встрѣча Христа, нашего жениха. Ибо все наше внутреннее духовное зрѣніе, въ благодати или въ славѣ, и весь нашъ добродѣтельный выходъ, въ какомъ бы ни было дѣланіи, все это существуетъ только для встрѣчи Христа, нашего жениха, и для нашего соединенія въ Немъ. Ибо Онъ наше вѣчное успокоеніе, и послѣдняя цѣль и награда всѣхъ нашихъ трудовъ.

Вы знаете, что всякая встрѣча есть воссоединеніе двухъ лицъ, приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ, противоположныхъ и раздѣленныхъ. Теперь, Христосъ приходитъ свыше, какъ господинъ и щедрый всемогущій даритель. И мы приходимъ снизу, какъ бѣдные слуги, ничего не могущіе сами по себѣ, но во всемъ нуждающіеся. Христосъ приходитъ въ насъ изнутри ко-внѣ; и мы идемъ къ Нему извнѣ во-внутрь; и вотъ почему здѣсь должна произойти духовная встрѣча. И это пришествіе и эта встрѣча Христа и насъ, происходятъ двояко, а именно, съ посредствомъ и безъ посредства.

Глава LVII.

О встрѣчѣ Бога, сущностной и безъ посредства, въ голый природѣ.

Теперь, поймите и замѣтьте внимательно. Единство нашего духа имѣетъ два вида, одинъ сущностный и другой дѣятельный. Вы узнаете, что духъ, по своему сущностному бытію, при-

нимаетъ пришествіе Христа въ голой природѣ, безъ посредства и безъ перерыва. Ибо эта сущность и эта жизнь, которую мы составляемъ въ Богѣ, въ нашемъ вѣчномъ образѣ, и которую мы имѣемъ въ себѣ самихъ, по сущностному бытію, онѣ безъ посредства и неразлучены. И вотъ почему духъ получаетъ безъ перерыва, въ своей высшей и самой внутренней части въ голой природѣ, напечатлѣніе своего вѣчнаго образа, и божественный свѣтъ, и бываетъ вѣчнымъ жилищемъ Бога, которое Богъ занимаетъ постояннымъ обитаніемъ, и которое Онъ всегда посѣщаетъ новымъ пришествіемъ и новымъ излученіемъ новаго блеска своего вѣчнаго рожденія. Ибо гдѣ Онъ приходитъ, тамъ Онъ есть, и гдѣ Онъ есть, тамъ Онъ приходитъ. И гдѣ Онъ никогда не былъ, Онъ никогда не придетъ, ибо въ Немъ нѣтъ ни случайности, ни измѣненія, и все, гдѣ Онъ есть,— въ Немъ, ибо Онъ не выходитъ изъ себя. И вотъ почему духъ обладаетъ Богомъ сущностно въ голой природѣ, и Богъ духомъ, ибо духъ живетъ въ Богѣ и Богъ въ духѣ. И онъ способенъ въ своей высшей части къ воспринятію, безъ посредства, свѣта Бога, и всего, что Богъ можетъ даровать. И свѣтомъ вѣчнаго образа, который свѣтитъ въ немъ сущностно и лично, духъ погружается, по высшей части своей жизненности, въ божественную сущность, и обладаетъ тамъ, у себя дома, своимъ блаженствомъ; и изливается снова со всѣми тварями, въ вѣчномъ рожденіи Сына, и бываетъ водворенъ въ своей сотворенной сущности сво-

бодною волей святой Троицы. И здѣсь онъ подобенъ образу высокой Троицы и Единства, для котораго онъ созданъ. И въ своей сотворенной природѣ онъ претерпѣваетъ напечатлѣніе своего вѣчнаго образа, безъ перерыва, какъ незапятнанное зеркало, гдѣ пребываетъ всякое изображеніе, и которое безъ перерыва возобновляетъ въ себѣ сходство, новымъ обликомъ въ новыхъ освѣщеніяхъ. Это сущностное единство нашего духа въ Богѣ, не существуетъ въ себѣ самомъ, но пребываетъ въ Богѣ, и истекаетъ отъ Бога, и продолжается въ Богѣ и возвращается въ Бога, какъ въ свою вѣчную причину. Оно не разлучается съ Богомъ и никогда больше не удаляется отъ Него по этому виду, ибо это единство существуетъ въ насъ отъ голой природы, и если бы природа отдѣлилась отъ Бога, она впала бы въ небытіе. И это единство—выше времени и состоянія, и всегда въ непрерывной работѣ, по виду Бога. Это есть благородство, которое мы имѣемъ естественно въ сущностномъ единствѣ нашего духа, тамъ, гдѣ онъ естественно соединенъ съ Богомъ.

Это не дѣлаетъ насъ ни святыми ни блаженными, ибо всѣ люди имѣютъ его въ себѣ, хорошіе, какъ и дурные, но это—первая причина всякой святости и всякаго блаженства; и вотъ встрѣча и соединеніе Бога въ нашемъ духѣ, въ голой природѣ.

Глава LVIII.

Какъ быва-
ютъ подобны

Теперь, изслѣдуйте эту мысль со стараніемъ, ибо, если вы хорошо поймете то, что я вамъ

хочу сказать, и что я вамъ сказалъ, вы поймете всю божественную истину, которую тварь можетъ теперь узнать, и много больше. Въ другомъ видѣ нашъ духъ бываетъ дѣятельно въ этомъ самомъ единствѣ, и существуетъ самъ собой, какъ въ своей личной сотворенной сущности. Это—наслѣдіе высшихъ силъ, и здѣсь начало и конецъ всѣхъ дѣлъ сотворенной природы, совершенныхъ по виду тварей, въ природѣ и, въ то же время выше природы.

Однако, единство не дѣйствуетъ поскольку оно единство; но всѣ силы души, какимъ бы образомъ онѣ ни дѣйствовали, обладаютъ всей своей дѣйственностью и всѣмъ своимъ могуществомъ въ своемъ основаніи, т. е. въ единствѣ духа, тамъ, гдѣ онъ пребываетъ въ своей личной сущности. Въ этомъ единствѣ духъ всегда долженъ быть подобенъ Богу, черезъ благодать и добродѣтель, или отличенъ, черезъ смертный грѣхъ; ибо человекъ сдѣланъ по подобію Бога, что слѣдуетъ разумѣть въ смыслѣ благодати; ибо благодать есть богообразный свѣтъ, просвѣтляющій насъ насквозь и дѣлающій подобными Богу, и безъ этого свѣта, дѣлающаго насъ подобными, мы не можемъ быть сверхъестественно соединены съ Богомъ, хотя бы мы и не могли потерять ни образъ Бога, ни наше естественное единство въ Немъ. Если мы теряемъ это подобіе, то есть благодать, мы осуждены.

И вотъ почему, лишь только Богъ находитъ въ насъ что-нибудь, способное воспринять Его благодать, Онъ хочетъ насъ оживить своей доб-

Богу черезъ благодать, и отличны черезъ смертный грѣхъ.

ротой, и сдѣлать насъ подобными Ему своими дарами. И это происходитъ каждый разъ, какъ мы обращаемся къ Нему съ полной волей; ибо въ это самое мгновеніе Христосъ приходитъ къ намъ и въ насъ, черезъ посредство и безъ посредства, т.-е. черезъ добродѣтели и выше всѣхъ добродѣтелей. И Онъ напечатлѣваетъ свой образъ и свое подобіе въ насъ, то есть себя самого и всѣ свои дары, и Онъ облегчаетъ насъ отъ грѣха и дѣлаетъ насъ свободными и подобными себѣ самому.

И въ томъ же самомъ дѣйствіи, въ которомъ Богъ насъ облегчаетъ отъ грѣха, и дѣлаетъ насъ подобными и свободными въ благодати, духъ погружается въ наслаждающуюся любовь. И здѣсь происходятъ встрѣча и соединеніе, которыя сверхъестественны и бывають безъ посредства, и въ которыхъ наше высшее блаженство. Хотя все, что Онъ даетъ любовью и чистою добротой, естественно для Бога, для насъ оно случайно и сверхъестественно, по нашему виду, потому что передъ тѣмъ мы были чуждыми и отличными, и мы сдѣлались подобными и достигли соединенія съ Богомъ лишь въ послѣдствіи.

Глава LIX. Эта встрѣча въ этомъ единствѣ, котораго любящій духъ достигаетъ въ Богѣ, и которымъ обладаемъ, должно произойти въ единствѣ въ сущностномъ постиженіи, глубоко скрытомъ и покоѣ, выше всякаго подобія благодати. для нашего познанія, кромѣ познанія дѣятельнаго, по виду простоты. Въ этомъ наслаждающемся единствѣ мы всегда будемъ успокаивать-

ся выше насъ самихъ и выше всѣхъ вещей. Изъ этого единства истекаютъ всѣ дары, естественно и сверхъестественно, и тѣмъ не менѣ любящій духъ покоится въ этомъ единствѣ, выше всѣ даровъ, и здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ Бога, и духъ соединенъ съ Богомъ, безъ посредства. Въ этомъ единствѣ мы приняты Святымъ Духомъ и мы принимаемъ Святого Духа и Отца и Сына, и полную божественную природу, ибо невозможно разлучить Бога. И наслаждающееся склоненіе духа, который ищетъ покоя въ Богѣ, выше всякаго подобія, достигаетъ и сверхъестественно обладаетъ, въ своемъ сущностномъ бытіи, всѣмъ, что духъ тамъ когда либо естественно получалъ. Это то, чѣмъ обладаютъ всѣ благіе; но образъ, по которому это бываетъ, остается сокрытымъ отъ нихъ во всю жизнь, если они не внутренни и не праздно отъ всякой твари. Въ то самое мгновеніе, какъ человѣкъ отвращается отъ грѣха, онъ принятъ Богомъ въ сущностномъ единствѣ своего существа, въ высшей части своего духа, чтобы покоиться въ Богѣ, теперь и всегда. И онъ получаетъ благодать и подобіе Бога въ свойствѣ своей силы, чтобы постоянно расти и преуспѣвать въ новыхъ добродѣтеляхъ. И пока это подобіе пребываетъ въ благодати и добродѣтеляхъ, единство пребываетъ въ покоѣ, и оно не можетъ быть утрачено, кромѣ какъ черезъ смертный грѣхъ.

Теперь, всякая святость и всякое блаженство зависятъ отъ введенія духа, черезъ подобіе и Глава LX.
Какъ необходима бла-

годать Бога, дѣлающая насъ подобными Богу и приводящая насъ къ Богу безъ посредства. черезъ посредство благодати или славы, въ подобной въ сущностномъ единствѣ; ибо благодать Бога есть путь, которымъ намъ всегда надо пройти, чтобы вступить въ голую сущность, гдѣ Богъ даруетъ себя безъ посредства во всемъ своемъ богатствѣ. И вотъ почему грѣшники и осужденные духи находятся во мракѣ, такъ какъ у нихъ нѣтъ божественной благодати, которая ихъ просвѣтляла бы и вела къ наслаждающемуся единству. Однако, сущностное бытіе духа такъ благородно, что осужденные не могутъ желать быть уничтоженными. Но грѣхъ образуетъ посредство и мракъ, и столь большое несходство между силою и сущностью, гдѣ живетъ Богъ, что духъ не можетъ соединиться со своей собственной сущностью, которая принадлежала бы ему и была его вѣчнымъ покоемъ, если бы грѣхъ не создавалъ къ тому препятствія; ибо кто живетъ безъ грѣха, живетъ въ подобіи и благодати, и Богъ—его обладаніе, и такимъ образомъ необходима благодать, удаляющая грѣхъ, и приготавливающая путь, и дѣлающая плодотворной всю нашу жизнь. И вотъ почему Христокъ всегда приходитъ въ насъ черезъ такія посредства, какъ Его благодать и Его многообразные дары, и мы равнымъ образомъ идемъ къ Нему черезъ такія посредства, какъ добродѣтели и различныя дѣланія. И чѣмъ Онъ болѣе сообщаетъ намъ внутреннихъ даровъ и тонко волнуетъ насъ, тѣмъ болѣе нашъ духъ имѣетъ внутреннихъ и усладительныхъ дѣланій, какъ вы это узнали во всѣхъ видахъ, указанныхъ выше. И это совершается всегда

въ возобновленіи, ибо Богъ всегда даетъ новые дары и нашъ духъ всегда возвращается, сообразно виду, по которому онъ былъ потребованъ и одаренъ Богомъ, и въ этой встрѣчѣ онъ получаетъ всегда болѣе высокое обновленіе; и такъ постоянно преуспѣваютъ въ жизнь болѣе высокую. И эта дѣятельная встрѣча происходитъ вся черезъ посредство, ибо дары Бога, наши добродѣтели и дѣятельность нашего духа образуютъ эти посредства, и эти посредства необходимы всѣмъ людямъ и всѣмъ душамъ, ибо безъ посредства божественной благодати и любовнаго и свободнаго обращенія никакая тварь не можетъ быть спасена.

Теперь, Богъ глядитъ на жилище и на по-

Глава LXI.

О посѣщеніи
Бога и на-
шего духа
въ единствѣ
и подобіи.

кой, которые онъ создалъ въ насъ, черезъ насъ самихъ, и это — единство и подобіе. И Онъ хочетъ посѣщать безъ перерыва это единство, новымъ пришествіемъ своего высокаго рожденія, и изобильными потоками своей безграничной любви, ибо Онъ хочетъ обитать среди услажденій въ любящемъ духѣ. И Онъ хочетъ посѣщать, съ богатыми дарами, подобіе нашего духа, чтобы мы дѣлались болѣе подобными и болѣе просвѣтленными въ добродѣтеляхъ. Теперь, Христосъ хочетъ, чтобы мы обитали и пребывали въ сущностномъ единствѣ нашего духа, богатые, выше всякаго тварнаго дѣла и всѣхъ добродѣтелей, и чтобы мы дѣятельно пребывали въ этомъ самомъ единствѣ, богатые и переполненные добродѣтелями и небесными дарами. И Онъ хочетъ, чтобы мы

посѣщали безъ перерыва это единство и это подобіе, посредствомъ какого-нибудь дѣла, которое бы мы совершали, ибо въ каждомъ новомъ теперь, Богъ рождается въ насъ, и отъ этого высокаго рожденія изливается Духъ Святой со всѣми Его дарами; и вотъ почему пойдете навстрѣчу дарамъ Бога, подобіемъ и высокимъ рожденіемъ въ единствѣ.

Глава LXII.

Какъ мы
пойдемъ на-
встрѣчу Бо-
га во всѣхъ
нашихъ дѣ-
лахъ.

Теперь, поймите, какимъ образомъ, въ каждомъ изъ нашихъ дѣлъ, мы будемъ встрѣчать Бога и возрастать въ подобіи, и болѣе высоко будемъ обладать наслаждающимся единствомъ. Всякое доброе дѣло, какъ бы маловажно оно ни было, которое любовь и простое прямодушное намѣреніе относятъ къ Богу, дѣлаетъ то, что мы заслуживаемъ болѣе совершеннаго подобія и вѣчной жизни въ Богѣ. Простое намѣреніе собираетъ въ единствѣ духа разсѣяныя силы души и соединяетъ духъ съ Богомъ. Простое намѣреніе есть начало и конецъ и украшеніе всякой добродѣтели. Простое намѣреніе приноситъ Богу хваленія, дѣла почитанія и всѣ добродѣтели, и оно проходитъ насквозь и пробѣгаетъ самого себя, и проходитъ насквозь и пробѣгаетъ все небо и всякую вещь, и оно находитъ Бога въ простой глубинѣ самого себя. Просто то намѣреніе, которое имѣетъ въ виду одного Бога и для котораго всякая вещь подчинена Богу. Простое намѣреніе устраняетъ лицемѣріе и двойственность, и человѣкъ будетъ его сохранять и осуществлять, поверхъ всякихъ вещей, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, ибо

оно поддерживаеѣтъ человѣка въ присутствіи Бога, съ яснымъ разумѣніемъ, и сохраняетъ его, непорочно сильнымъ и свободнымъ отъ чуждыхъ страховъ, въ то же время здѣсь и въ день суда. Простое намѣреніе есть простое око, о которомъ говоритъ Христось, око, просвѣтляющее и сохраняющее чистымъ отъ грѣха все тѣло, то-есть всѣ дѣла человѣка и всю его жизнь. Простое намѣреніе есть внутреннее любовное и просвѣтленное склоненіе духа, оно—основаніе всякой духовности, оно заключаетъ вѣру, надежду и любовь, ибо оно имѣетъ упованіе на Бога и оно вѣрно. Оно топчетъ подъ ноги природу, оно создаетъ миръ, устраняетъ роптанія духа и сохраняетъ живучими всѣ добродѣтели. И оно даруетъ миръ и надежду, какъ и дерзновеніе къ Богу, въ то же время здѣсь и на судѣ Божиємъ.

Мы будемъ пребывать такъ въ единствѣ духа, въ благодати и подобіи; и мы всегда пойдемъ навстрѣчу Богу черезъ посредство добродѣтелей, и будемъ приносить Ему всю нашу жизнь и всѣ наши дѣла, въ простомъ намѣреніи, и такимъ образомъ мы будемъ дѣлаться съ каждымъ часомъ и въ каждомъ изъ нашихъ дѣлъ все болѣе подобными. И благодаря основѣ простого намѣренія, мы переступаемъ самихъ себя, и встрѣчаемъ Бога безъ посредства, и покоимся съ Нимъ въ глубинѣ простоты; тамъ мы обладаемъ наслѣдіемъ, приготовленнымъ намъ отъ всей вѣчности. Жизнь всѣхъ духовъ и всѣ дѣла добродѣтелей заключаются въ подобіи и въ простомъ намѣреніи;

и весь ихъ верховный покой заключается въ простотахъ, выше всякаго подобія. Однако, каждый духъ превосходитъ другихъ въ добродѣтеляхъ и въ подобіи, и обладаетъ своей собственной сущностью въ себѣ самомъ, сообразно своему благородству. И Богъ удовлетворяетъ особо каждаго изъ нихъ, и каждый изъ нихъ отыскиваетъ Бога въ глубинѣ своего духа, въ мѣру своей любви, здѣсь на землѣ, какъ и въ вѣчности.

Глава LXIII. Теперь, наблюдайте порядокъ и степень всѣхъ добродѣтелей и всякой святости, сообразно которымъ мы будемъ встрѣчать Бога въ подобіи, и сможемъ покоиться съ Нимъ въ единствѣ.

Расположеніе всѣхъ добродѣтелей по семи дарамъ Святого Духа.

Когда человѣкъ живетъ въ страхѣ Бога, въ нравственныхъ добродѣтеляхъ и во внѣшнихъ дѣланіяхъ, и когда онъ повинуется и покоряется Святой Церкви и заповѣдямъ Бога, и когда его воля готова къ совершенію добра, въ простомъ намѣреніи, — онъ подобенъ Богу черезъ свое упованіе и соединеніе своей воли съ волей Бога, въ томъ, что онъ дѣлаетъ, и въ томъ, что онъ воздерживается дѣлать. И онъ покоится въ Богѣ выше подобія, ибо, посредствомъ упованія и простого намѣренія, человѣкъ исполняетъ волю Бога, болѣе или менѣе, сообразно виду своего подобія; и посредствомъ любви, онъ покоится въ своемъ возлюбленномъ, выше подобія.

И если онъ хорошо упражняется въ томъ, что онъ получилъ отъ Бога, Богъ сообщаетъ

ему духъ милосердія и великодушія. И такъ онъ становится великодушенъ сердцемъ, кро-токъ и милосерденъ. Отъ этого онъ болѣе живъ и болѣе подобенъ, и чувствуетъ, что онъ лучше покоится въ Господѣ, и болѣе широко и глубоко въ добродѣтеляхъ, чѣмъ прежде. И это подобіе и этотъ покой, онъ ихъ вкушаетъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ болѣе подобенъ.

И если онъ хорошо упражняется въ этомъ, съ большой ревностью и въ простомъ стремленіи, и борясь противъ того, что противно добродѣтелямъ, онъ получаетъ третій даръ, а именно, знаніе и благоразуміе. Такимъ образомъ, онъ становится разумнымъ, и знаетъ, что онъ будетъ дѣлать и что воздержится дѣлать, и гдѣ онъ будетъ давать, и гдѣ будетъ брать. И благодаря простому намѣренію и божественной любви, этотъ человѣкъ покоится въ Богѣ, выше себя, въ единствѣ; и онъ обладаетъ самимъ собой въ подобіи, и обладаетъ всѣми своими дѣлами въ болѣе великомъ услажденіи, ибо онъ послушенъ и покоренъ Отцу, и разуменъ и благоразуменъ черезъ Сына, и великодушенъ и милосерденъ черезъ Духа Святого, и такъ онъ несетъ подобіе Святой Троицы, и покоится въ Богѣ любовью и простотою своихъ намѣреній. И въ этомъ вся дѣятельная жизнь. Вотъ какъ человѣкъ будетъ упражняться съ большою ревностью, и будетъ слѣдовать своему простому намѣренію съ благоразуміемъ. И онъ долженъ беречься отъ всего, что противно добродѣтелямъ; и всегда опускаться въ униженіяхъ къ ногамъ Христа; и такимъ

образомъ онъ постоянно растетъ въ добродѣтели и подобіи, и если онъ такъ бережется, онъ не можетъ заблудиться. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда пребываетъ, сообразно этому виду, въ дѣятельной жизни. И если человѣкъ привязывается и относится съ участіемъ къ занятіямъ сердца и къ многообразнымъ дѣламъ, болѣе, чѣмъ къ причинѣ и побужденію дѣлъ; и если онъ останавливается на дѣланіяхъ Таинства и на знакахъ и внѣшнихъ привычкахъ болѣе, чѣмъ на причинѣ и истинѣ, которыя они обозначаютъ, онъ всегда остается человѣкомъ внѣшнимъ, но онъ будетъ однако спасенъ своими добрыми дѣлами и своею простотою намѣренія.

Глава LXIV.

О дарѣ
силы.

И вотъ почему, если этотъ человѣкъ хочетъ приблизиться къ Богу и возвыситъ свои дѣланія и свою жизнь, онъ долженъ отъ дѣйствія идти къ причинѣ, и отъ знака — къ истинѣ; такимъ образомъ онъ станетъ господиномъ своихъ дѣлъ, и познаетъ истину и вступитъ во внутреннюю жизнь. И Богъ даетъ ему четвертый даръ, который есть духъ силы, и такъ онъ можетъ побѣждать радость и страданіе, приобрѣтеніе и потерю, заботу о земныхъ вещахъ и надежду на нихъ и всякаго рода посредство и множественность. И такъ человѣкъ становится свободенъ и избавленъ отъ всѣхъ тварей. Когда человѣкъ безъ образовъ, онъ господинъ себя, и легко дѣлается единымъ и внутреннимъ, и онъ обращается къ Богу, свободно и безъ препятствій, внутреннимъ благоговѣніемъ, болѣе высо-

кимъ желаніемъ, благодарностью и хвалами и простымъ намѣреніемъ. Такъ онъ вкушаетъ всѣ свои дѣла и всю свою жизнь, внутренно и внѣшне, ибо онъ передъ престоломъ Святой Троицы, и часто онъ получаетъ отъ Бога утѣшенія и внутреннія сладости. Ибо кто за подобнымъ столомъ служитъ съ благодарностью, хвалами и внутреннимъ благоговѣніемъ, тотъ часто пьетъ отъ винъ Господа, и вкушаетъ отъ остатковъ и крошекъ, падающихъ со стола Бога. И онъ всегда имѣетъ внутренній миръ, благодаря своей простотѣ намѣренія. И если онъ хочетъ продолжать пребывать передъ Богомъ, въ признательности, хвалахъ и воздвигнутомъ намѣреніи, то даръ силы въ немъ удваивается, и такимъ образомъ онъ не погружается въ тѣлесныя пристрастія, въ удовольствіе, утѣшеніе, сладости, и ни въ одинъ изъ даровъ Бога, такъ же какъ и въ покой и миръ своего сердца. Но онъ хочетъ пройти насквозь всѣ дары и всякое утѣшеніе, чтобы найти того, кого любить. Такъ бываетъ силенъ, кто оставляетъ и побѣждаетъ беспокойство сердца и вещи земли, и вдвойнѣ силенъ, кто переступаетъ и побѣждаетъ всѣ утѣшенія и всѣ небесныя дары. Человѣкъ переступаетъ такъ всѣхъ тварей и, даромъ духовной силы, обладаетъ самимъ собою, могущественный и свободный.

Но когда никакая тварь не можетъ побѣ- Глава LXV.
дить человѣка, ни воспрепятствовать ему пре- О дарѣ со-
бывать въ его простомъ восходящемъ намѣре- вѣта.
ніи, и постоянно восхвалять Бога, и отыски-

вать Бога, и имѣть Его одного въ виду, выше всѣхъ даровъ, — то, благодаря этой силѣ, Богъ сообщаетъ ему тогда пятый даръ, который есть даръ совѣта. Въ этомъ дарѣ, Отецъ привлекаетъ человѣка во внутрь, и требуетъ его одесную себя съ избранными, въ свое единство. И Сынъ говоритъ духовно въ немъ: «Слѣдуй за Мной къ моему Отцу, одно только необходимо». И Духъ Святой заставляетъ сердце расцвѣтать и загораться въ воспламененной любви. И отсюда рождается буйная жизнь и нетерпѣливость внутри; ибо тотъ, кто слышалъ этотъ совѣтъ, взволнованъ, какъ буря, въ любви, и ничто не можетъ его удовлетворить, какъ только одинъ Богъ. И вотъ почему онъ покидаетъ себя и покидаетъ всякую вещь, чтобы найти того, въ комъ онъ живетъ и въ комъ всякая вещь едина. Здѣсь человѣкъ будетъ съ простотой имѣть въ виду Бога, и господствовать надъ собой разумомъ, и уничтожить всю свою волю, и будетъ свободно ожидать желаннаго единства до дня, когда Богъ захочетъ его даровать. Такъ духъ совѣта дѣйствуетъ въ немъ вдвойнѣ, ибо великъ и слѣдуетъ совѣту и приказанію Бога, кто покидаетъ себя и покидаетъ такъ всякую вещь, и говоритъ съ любовью, все болѣе и болѣе ненасытимой, все болѣе неистовой и болѣе воспламененной: «Да придетъ для насъ царство твое». И еще болѣе великъ, и еще лучше слѣдуетъ совѣту Бога, кто побѣждаетъ и уничтожаетъ въ любви свою собственную волю, и говоритъ Богу въ своей почтительной покор-

ности: «Да будетъ воля твоя во всякой вещи, а не моя». Когда Христось, нашъ дорогой Господь, приближался къ своему страданію, Онъ сказалъ своему Отцу эти самыя слова въ смиренномъ уничтоженіи себя, и для Него это были слова самыя счастливыя и наиболѣе достойныя славы, и для насъ это были слова самыя полезныя, и для Отца — самыя любовныя, и для діавола — самыя досадныя, какія Христось когда-либо говорилъ; ибо всѣ мы спасены въ уничтоженіи Его воли по Его человѣчности. И, такимъ образомъ, воля Бога становится для смиреннаго и любящаго человѣка высшей радостью и самымъ великимъ желаніемъ въ его духовной чувствительности, хотя бы даже эта воля направила его въ адъ, что невозможно. И здѣсь природа унижена до послѣдней степени, и Богъ вознесенъ на высшую ступень. И человѣкъ способенъ принять всѣ дары Бога; ибо онъ отрекся отъ себя, уничтожилъ свою волю и отдалъ все за все. И поэтому онъ не требуетъ и не хочетъ ничего, кромѣ того, что Богъ хочетъ дать. Чего бы ни захотѣлъ Богъ, это—его радость; и ввѣряющій себя любви — самый свободный человѣкъ, какой только живетъ. И онъ живетъ безъ безпокойствъ, ибо Богъ не можетъ утратить то, что Ему принадлежитъ. Теперь, замѣтите: хотя Богъ и знаетъ всѣ сердца, Онъ часто посѣщаетъ такого человѣка и испытываетъ, можетъ ли онъ свободно отречься отъ себя; и такимъ образомъ этотъ человѣкъ можетъ быть просвѣтленъ и можетъ жить во славу Бога и

для своего собственнаго спасенія. И вотъ почему Богъ иногда заставляетъ его переходить со своей правой стороны на лѣвую, съ неба въ адъ, и отъ всѣхъ услажденій къ самымъ великимъ бѣдствіямъ, и можно бы подумать, что онъ оставленъ и презрѣнъ Богомъ и всѣми тварями. Если онъ отрекся отъ себя и отказался отъ своей воли тогда, въ прежней любви и радости, такъ чтобы не искать самого себя, но отыскивать одну волю Бога, то онъ легко отрекается отъ себя и въ мукѣ и бѣдствіи, такъ чтобы искать въ нихъ только славу Бога, а не свою. Кто хочетъ совершить великія дѣла, хочетъ претерпѣть великія печали; но терпѣть въ покорности болѣе благородно и составляетъ больше заслугъ передъ Богомъ, и болѣе удовлетворяетъ нашу душу, чѣмъ великія дѣла въ той же самой покорности, ибо это болѣе противно нашей природѣ. И вотъ почему, при одинаковой любви, духъ бываетъ болѣе возвышенъ и природа болѣе унижена въ тяжеломъ страданіи, чѣмъ въ великихъ дѣлахъ.

Если человѣкъ пребываетъ въ этой покорности, безъ другого предпочтенія, какъ не желающій и не знающій ничего иного, то онъ имѣетъ двойной духъ совѣта, ибо онъ удовлетворяетъ волѣ и заповѣдямъ Бога въ своихъ дѣлахъ, въ своихъ страданіяхъ, въ своемъ отреченіи, и въ своемъ покорномъ повиновеніи, и природа бываетъ украшена наивысшимъ образомъ. И онъ способенъ быть просвѣтленнымъ по духу.

И поэтому Богъ даетъ ему шестой даръ, Глава LXVI.
 который есть духъ разумѣнія. Мы прежде срав- О первой
 ступени
 дара разу-
 мѣнія.
 нивали этотъ даръ съ родникомъ о трехъ по-
 токахъ, ибо онъ водворяетъ нашъ духъ въ
 единствѣ, являетъ истину, и создаетъ широкую
 и всеобщую любовь. Этотъ даръ, равнымъ об-
 разомъ, подобенъ блеску солнца, ибо солнце
 своимъ блескомъ наполняетъ воздухъ простой
 ясностью, и оно освѣщаетъ всѣ очертанія и
 показываетъ различіе всѣхъ цвѣтовъ. И такъ
 оно даетъ узнать свойственную ему силу; и
 его тепло обще всему міру, въ полезности и
 плодотворности. И, подобнымъ образомъ, пер-
 вое излученіе этого дара создаетъ простоту въ
 духѣ. И эта простота проникнута особой
 ясностью, совершенно какъ воздухъ неба про-
 никнутъ ясностью солнца; ибо божественная
 благодать, которая есть основаніе всѣхъ да-
 ровъ, заключена по существу, какъ простой
 свѣтъ, въ нашемъ скрытомъ разумѣніи; и,
 благодаря этому простому свѣту, нашъ духъ
 бываетъ укрѣпленъ, просвѣтленъ просто, и по-
 лонъ божественныхъ благодатей и даровъ; и
 здѣсь онъ подобенъ Богу по благодати и бо-
 жественной любви. И такъ какъ онъ подо-
 бенъ Богу, и имѣетъ Бога въ виду, и любитъ
 Его поверхъ всѣхъ даровъ, онъ не позволяетъ
 себѣ найти удовлетвореніе ни въ подобіи, ни
 въ сотворенномъ свѣтѣ; ибо онъ имѣетъ основ-
 ную склонность, естественно и сверхъесте-
 ственно, къ бездонной сущности, откуда онъ
 истекъ. И единство божественной сущности
 вѣчно привлекаетъ всякое подобіе въ свое един-

ство. И вотъ почему духъ воспламеняется, радуясь, и вливается въ Бога, какъ въ свой вѣчный покой; ибо божественная благодать, по отношенію къ Богу,—какъ блескъ солнца, и она—посредство и путь, которые насъ приведутъ къ Богу. И вотъ почему она сіяетъ въ насъ просто, и дѣлаетъ насъ богообразными, то-есть подобными Богу. И тотъ, кто подобенъ Богу, ежечасно погружается въ Бога, и умираетъ въ Богѣ, и становится едино съ Богомъ, и остается единымъ; благодать дѣлаетъ то, что мы становимся едино съ Богомъ и пребываемъ и обитаемъ одинъ въ другомъ. Однако мы сохраняемъ вѣчное подобіе въ свѣтѣ благодати или славы, дѣятельно обладая самими собою въ благодати и добродѣтеляхъ. И мы сохраняемъ единство съ Богомъ, выше нашихъ дѣлъ, въ обнаженности нашего духа, въ божественномъ свѣтѣ, обладая Богомъ выше всѣхъ добродѣтелей, въ покой. Ибо благодать въ подобіи должна вѣчно работать; и единство съ Богомъ въ наслаждающейся любви будетъ вѣчно покоиться. И вотъ дѣланія любви; ибо въ единое теперь и въ то же самое время, любовь и работаетъ и покоится въ своемъ любимомъ. И одно подкрѣплено другимъ, ибо, чѣмъ болѣе велика любовь, тѣмъ болѣе великъ покой, и чѣмъ болѣе великъ покой, тѣмъ болѣе любовь глубоко внутренняя; ибо одно живетъ въ другомъ, и кто не любитъ, не покоится, и кто не покоится, не любитъ. Однако, иные праведные воображаютъ, что они не любятъ и что они не покоятся въ Богѣ. И самая эта мысль при-

ходитъ отъ любви, и такъ какъ они желаютъ любить больше, чѣмъ могутъ, то имъ кажется, что они безсильны. И въ этомъ трудѣ они вкушаютъ любовь и покой, ибо никто не можетъ понять, какъ любятъ дѣятельно и какъ, наслаждаясь, покоятся, кромѣ человѣка покорнаго, бездѣйственнаго и просвѣтленнаго. Однако каждый любящій—едино съ Богомъ и въ покоѣ, и подобенъ Богу въ трудѣ любви; ибо Богъ въ своей высокой природѣ, подобіе которой мы носимъ, пребываетъ, наслаждаясь, въ вѣчномъ покоѣ, по сущностному единству, и—дѣятельно въ вѣчномъ трудѣ, по троичности, и каждое изъ этихъ состояній есть совершенство другого, ибо покой заключается въ Единствѣ и трудъ—въ Троицѣ. И такъ въ вѣчности. И вотъ почему, если человѣкъ хочетъ вкусить Бога, надо, чтобы онъ любилъ, и если онъ хочетъ любить, онъ можетъ вкушать. Но если онъ позволяетъ себѣ удовлетворяться другою вещью, онъ не можетъ вкусить, что есть Богъ. И вотъ почему мы должны обладать самими собой, просто, въ добродѣтеляхъ и въ подобіи, и обладать Богомъ выше насъ самихъ, черезъ любовь, въ покоѣ и единеніи. И вотъ первый способъ, по которому общій всѣмъ человѣкъ бываетъ утвержденъ.

Когда воздухъ просвѣтленъ насквозь яс- Глава LXVII.
 ностью солнца, красота и великолѣпіе всего О второй
 міра бываютъ разостланы, и глаза людей про- ступени дара
 ясны, и они бываютъ обрадованы много- разумія.
 образными оттѣнками красокъ. Точно такъ же,

когда мы просты въ себѣ самихъ и наше скрытое разумѣніе прояснено и просвѣтлено насквозь духомъ разумѣнія, мы можемъ узнавать высокія свойства, которыя въ Богѣ и служатъ причиной всѣхъ Его изливающихся дѣлъ. Хотя бы и всѣ люди могли постичь эти дѣла, и Бога черезъ Его дѣла, никто не можетъ, однако, понять чувственно, ни сущностно, свойство дѣлъ Бога, по виду Его глубины, какъ только черезъ этотъ даръ. Ибо онъ насъ научаетъ изслѣдовать и познавать наше благородство, и даетъ намъ различеніе въ добродѣтеляхъ и во всѣхъ дѣланіяхъ, и указываетъ намъ, какъ мы будемъ жить, безъ заблужденія, сообразно вѣчной истинѣ. И тотъ, кого онъ просвѣтляетъ, можетъ пребывать въ духѣ и, просвѣтленнымъ разумомъ, въ точности наблюдать и постигать всѣ вещи, на небѣ и на землѣ. И вотъ почему онъ пребываетъ на небѣ, и разсматриваетъ и изслѣдуетъ со всѣми святыми, благородство своего возлюбленнаго, Его непостижимую высоту и Его глубину, Его длину, Его широту, Его бездонныя протяженности и истину; Его благое и неизреченное великодушіе, и всѣ подобныя свойства, которыя безчисленны въ Богѣ, — нашей любви, и безграничны въ Его высокой природѣ: ибо самъ Онъ таковъ. Тогда просвѣтленный чѣловѣкъ опускаетъ взглядъ на себя, и на всѣхъ людей, и на всѣхъ тварей, и наблюдаетъ, какъ Богъ ихъ всѣхъ сотворилъ и одарилъ по своему свободному великодушію, въ природѣ, и многообразно, и какъ Онъ хочетъ ихъ одарить и обогатить, выше природы, даромъ

себя самого, если они захотятъ Его искать и Его желать. Такое разумное изслѣдованіе въ многочисленномъ различіи богатства Бога, веселитъ нашъ духъ, если, благодаря божественной любви, мы умерли для самихъ себя, въ Богѣ, и если мы живемъ и пребываемъ въ духѣ и вкушаемъ эти вещи, которыя вѣчны. Этотъ даръ разумѣнія показываетъ намъ единство, которое мы имѣемъ и которымъ обладаемъ въ Богѣ черезъ радостную и погруженную любовь, и подобіе Бога, которое мы имѣемъ въ себѣ черезъ благодать и черезъ добродѣтель. И онъ даетъ намъ свѣтъ и ясность, въ которыхъ мы можемъ отчетливо обращаться въ духѣ, и изслѣдовать и узнавать Бога въ духовныхъ подобіяхъ, и самихъ себя во всѣхъ вещахъ, по виду и мѣрѣ свѣта, и сообразно волѣ Бога и благородству нашего разумѣнія. Вотъ второй способъ, по которому обыкновенный человѣкъ бываетъ просвѣтленъ.

По мѣрѣ того, какъ окружающій воздухъ Глава LXVIII.
 проясняется блескомъ солнца, тепло становится больше и пріобрѣтаетъ всеобщую плодотворность; и когда нашъ умъ и наше разумѣніе О третьей ступени дара разумѣнія.
 просвѣтлены до яснаго познания божественной истины, воля, то-есть любящая сила, разогрѣвается и широко изливается въ вѣрности и любви ко всѣмъ людямъ. Ибо этотъ даръ устанавливаетъ въ насъ широкую общую любовь, черезъ познание истины, которое мы получаемъ, благодаря его свѣту. Ибо самые простые суть самые умиренные и имѣютъ наилуч-

шій миръ въ самихъ себѣ, и они наиболѣе глубоко погружены въ Бога, и они самыя просвѣтленныя въ разумѣніи, самыя обильныя въ добрыхъ дѣлахъ и самыя общія въ изливающейся любви. И они встрѣчаютъ меньше всего препятствій, ибо они наиболѣе подобны Богу, ибо Богъ—простота въ своей сущности, свѣтъ—въ своемъ разумѣніи, и изливающаяся въ общее достояніе любовь—въ своихъ дѣлахъ. И чѣмъ болѣе мы подобны Богу въ этихъ трехъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе мы соединены съ Нимъ. И вотъ почему мы останемся глубоко простыми, и будемъ наблюдать всякую вещь просвѣтленнымъ разумомъ, и будемъ проникать во всякую вещь потоками всеобщей любви. Такъ солнце небесное пребываетъ простымъ и непоколебимымъ въ себѣ самомъ и, однако, его свѣтъ и его тепло общи для всей вселенной.

Теперь, поймите, какъ мы будемъ вести себя просвѣтленнымъ разумомъ во всеобщей любви. Отецъ есть начало всякой божественности по сущности и лицу. Вотъ почему мы будемъ склоняться по духу, въ смиренныхъ благоговѣніяхъ, передъ высокою Отца: мы будемъ обладать такъ смиреніемъ, которое есть основаніе всѣхъ добродѣтелей. Мы будемъ внутренно поклоняться, то-есть мы будемъ благоговѣть передъ могуществомъ Отца и чтить Его, и такъ мы будемъ духовно воздвигнуты, ибо это Онъ создалъ въ силѣ своей изъ небытія всѣ вещи и ихъ сохраняетъ. Мы принесемъ наши хвалы, наши благодаренія и наше вѣчное слу-

женіе, вѣрности и любви Бога, освободившаго насъ отъ узъ врага и вѣчной смерти; и мы станемъ свободными. Мы покажемъ мудрости Бога слѣпоту и невѣдѣніе челоуѣческой природы, и мы будемъ жаловаться Ему на нихъ, и будемъ желать, чтобы всѣ люди стали просвѣтленными и приобрѣли познаніе истины; такъ мы познаемъ и будемъ чтить Бога. Мы будемъ умолять милосердіе Бога о грѣшникахъ, чтобы они обратились и преуспѣли въ добродѣтеляхъ. Такъ будетъ Богъ желанно любимъ. Мы щедро раздадимъ сокровища Бога всѣмъ нуждающимся, такъ чтобы они переполнились и потекли обратно въ Бога; и такъ будутъ они обладать Богомъ. Мы принесемъ Отцу, въ чести и заслугахъ, всѣ услуги, оказанныя, и всѣ дѣла, совершенныя любовью Христа по Его челоуѣчности; и такъ всякая молитва наша будетъ услышана. Мы принесемъ также Отцу, въ Иисусѣ Христѣ, все сопричастіе ангеловъ, святыхъ и всѣхъ благихъ; и такъ мы будемъ соединены съ ними всѣми въ честь Бога. Мы принесемъ еще Отцу всѣ службы Святой Церкви, и святую жертву всѣхъ священниковъ, чтобы намъ встрѣтить Бога черезъ Христа, и уподобиться Ему во всеобщей любви, и превзойти въ простотѣ всякое подобіе, и соединиться съ Нимъ въ сущностномъ единствѣ. Такъ мы будемъ пребывать съ Богомъ въ единствѣ, и будемъ вѣчно изливаться съ Богомъ и со всѣми святыми во всеобщей любви, и всегда будемъ течь обратно, признательностью и хвалами, и будемъ погружаться въ наслаждаю-

щуюся любовь въ сущностномъ покоѣ. Это самая богатая жизнь, какую я знаю; и такъ обладаемъ мы даромъ разумѣнія.

Глава LXIX. — Теперь, поймите: во внутреннемъ возвращеніи, наслаждающееся единство Бога подобно мраку, отсутствію вида и непостижимости. И любовью и простымъ намѣреніемъ, нашъ духъ, склоняясь обратно, дѣятельно приноситъ всѣ добродѣтели, и, наслаждаясь, приноситъ себя самого, выше всѣхъ добродѣтелей. Въ этомъ возвращеніи прорывается струя седьмого дара, который есть духъ вкусной мудрости. И этотъ даръ насыщаетъ простоту нашего духа, нашу душу и наше тѣло, мудростями и духовными вкусами. И это — духовное возбужденіе или прикосновеніе въ единствѣ нашего духа, и это — устье и дно всѣхъ благодатей, всѣхъ даровъ и всѣхъ добродѣтелей. И въ этомъ прикосновеніи Бога каждый вкушаетъ свои дѣланія и свою жизнь, сообразно силѣ прикосновенія и своей любви. И это божественное возбужденіе есть самое внутреннее посредство между Богомъ и нами, между покоемъ и трудомъ, между видомъ и отсутствіемъ вида, между временемъ и вѣчностью. И это духовное возбужденіе, Богъ вызываетъ его въ насъ, въ самомъ началѣ и прежде всѣхъ даровъ; и, однако, мы не знаемъ его и не вкушаемъ его, какъ только самымъ послѣднимъ. Ибо, когда мы любовно проискали Бога во всѣхъ нашихъ дѣланіяхъ, до самаго внутренняго нашей глубины, мы чувствуемъ изліяніе всѣхъ благодатей и всѣхъ

О дарѣ
мудрости.

даровъ Бога; и это прикосновеніе, мы его испытываемъ въ единеніи нашихъ высшихъ силъ; выше разума и, однако, не безъ разума; ибо мы узнаемъ, что получили прикосновеніе. Но если мы хотимъ знать, что это и откуда приходитъ, тогда изнемогаютъ разумъ и все вниманіе тварей. Ибо, когда воздухъ просвѣтленъ блескомъ солнца, если глаза хотягъ слѣдить за лучами, приносящими блескъ, и наблюдать сіяніе солнца, то, хотя бы они были остры и здоровы, они должны изнемочь въ своей дѣятельности и страдательно принимать блескъ лучей. И точно такъ же, отраженіе непостижимаго свѣта такъ велико въ единеніи нашихъ высшихъ силъ, что всякій трудъ тварей, дѣйствующій съ различеніемъ, долженъ изнемочь. И здѣсь наша дѣятельность должна претерпѣть внутреннее дѣйствіе Бога, и это — источникъ всѣхъ даровъ. Ибо, если бы мы могли принять Бога въ нашемъ постиженіи, Онъ отдавался бы намъ безъ посредства; это для насъ невозможно, ибо мы слишкомъ узки и слишкомъ малы, чтобы Его постичь. И вотъ почему Онъ изливаетъ намъ свои дары по мѣрѣ нашего постиженія и сообразно благородству нашихъ дѣланій. Ибо плодотворное единство Бога всегда держится выше единенія нашихъ силъ, и всегда требуетъ нашего подобія въ любви и въ добродѣтеляхъ. И вотъ почему мы ежечасно вновь испытываемъ прикосновенія, чтобы мы ежечасно все болѣе обновлялись и становились болѣе подобными въ добродѣтеляхъ. И вслѣдствіе этого новаго прикосновенія духъ впа-

даеть въ голодь и жажду, и хочеть вкушать безусловно, и пробѣгать, въ бурѣ любви, во всѣхъ направлєніяхъ всю эту бездну, чтобы найти утоленіе. И отсюда рождается порывъ, вѣчно голодный въ вѣчномъ безсиліи; ибо всѣ любящіе души желаютъ Бога, и порываются къ Нему, каждый сообразно своему благородству и прикосновенію Бога; и, однако, Богъ вѣчно пребываетъ непонятымъ, по роду нашихъ дѣятельныхъ желаній; и вотъ почему въ насъ постоянно живетъ вѣчный голодь, и вѣчное и желанное обращеніе внутрь, со всѣми святыми. И во встрѣчѣ Бога, свѣтъ и тепло такъ велики и такъ непомѣрны, что всѣ души изнемогаютъ въ своихъ дѣятельностяхъ, и растворяются и исчезаютъ въ ощутимой любви, въ единствѣ своего духа. И здѣсь они должны претерпѣть внутреннее дѣйствіе Бога, какъ чистыя твари. И здѣсь, нашъ духъ, и благодать Бога, и всѣ наши добродѣтели составляютъ одну ощутимую любовь, безъ труда; ибо нашъ духъ истощилъ себя и самъ сталъ любовью. И здѣсь духъ простъ, и воспріимчивъ ко всѣмъ дарамъ, и способенъ ко всѣмъ добродѣтелямъ. И въ этой глубинѣ ощутимой любви живетъ кипящая струя, то-есть излученіе или внутреннее дѣйствіе Бога, которое насъ волнуетъ, разжигаетъ и привлекаетъ ежечасно, и заставляетъ насъ изливаться въ новыя добродѣтели и новыя дѣла. Я вамъ показалъ такъ основаніе и видъ всѣхъ добродѣтелей.

Теперь, поймите это непомѣрное излученіе Глава LXX.
 Бога, соединенное съ непостижимой ясностью, О высшей ступени внутренней жизни.
 которая—причина всѣхъ даровъ и всѣхъ добродѣтелей; этотъ самый непостижимый свѣтъ преобразуетъ и проникаетъ посредствомъ отсутствія вида, то-есть посредствомъ непостижимаго свѣта, наслаждающееся склоненіе нашего духа. И въ этомъ свѣтѣ духъ погружается въ наслаждающійся покой; ибо этотъ покой безвиденъ и бездоненъ, и его нельзя познать иначе какъ черезъ него самого, то-есть черезъ покой. Ибо, если бы мы могли его познать и постичь, онъ впалъ бы въ видъ и мѣру, и, такимъ образомъ, не могъ бы насъ удовлетворять, и покой сдѣлался бы вѣчнымъ безпокойствомъ. И вотъ почему простое склоненіе, любящее и погруженное, нашего духа, образуетъ въ насъ наслаждающуюся любовь; и наслаждающаяся любовь бездонна. И бездна Бога зоветъ въ бездну; это—всѣ соединенные съ духомъ Бога въ наслаждающейся любви. Это призываніе есть вторженіе Его сущностной ясности; и эта сущностная ясность, въ облеченіи Его бездонной любовью, дѣлаетъ то, что мы теряемъ самихъ себя и ускользаемъ отъ самихъ себя, въ пустынный мракъ Бога. И соединенные такъ, безъ посредства, съ духомъ Бога, мы можемъ встрѣтить Бога черезъ Бога, и прочно обладать съ Нимъ и въ Немъ нашимъ вѣчнымъ блаженствомъ.

Самая внутренняя жизнь осуществляется тро- Глава LXXI.
 яко. Иногда внутренній челоѡкъ совершаетъ О трехъ родахъ дѣланій, наибольшій.
 обращеніе внутрь просто, по наслаждающейся

лѣе внутрен-
нихъ. склонности, выше всякой дѣятельности и выше всякой добродѣтели, однимъ простымъ самоуглубленіемъ въ наслаждающуюся любовь. И здѣсь онъ встрѣчаетъ Бога безъ посредства. И отъ единства Бога сіяетъ въ немъ простой свѣтъ, и этотъ свѣтъ являетъ ему мракъ, наготу и небытіе. Онъ объятъ мракомъ и падаетъ въ отсутствіе вида, какъ въ блужданіе. Онъ теряетъ, въ наготѣ, способность наблюдать и различать всѣ вещи, и онъ преображенъ и проникнутъ простою ясностью. Онъ изнемогаетъ въ небытіи отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ибо онъ побужденъ въ трудѣ безпредѣльной любви Бога, и въ наслаждающемся склоненіи своего духа, онъ торжествуетъ надъ Богомъ и становится однимъ духомъ съ Нимъ. И въ этомъ соединеніи, въ духѣ Бога, онъ вступаетъ въ наслаждающійся вкусъ и обладаетъ божественной сущностью. И онъ наполненъ, послѣ своего погруженія въ свое сущностное бытіе, несмѣтными богатствами и божественными наслажденіями. И отъ этого богатства изливаются, въ единство высшихъ силъ, облеченіе и полнота осязаемой любви. И отъ этой полноты осязаемой любви течетъ въ сердце и въ тѣлесныя силы насквозь проникающій вкусъ удовлетворенія. И, благодаря этимъ потокамъ, челоуѣкъ становится неподвижнымъ внутри, и безсильнымъ въ себѣ самомъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ. И онъ не знаетъ и не испытываетъ, въ самомъ внутреннемъ своей глубины, въ тѣлѣ и въ душѣ, ничего другого, кромѣ особой ясности, вмѣстѣ съ осязаемой полнотою

и проникающимъ вкусомъ. Это первый видъ, который бездѣйствененъ; ибо онъ опорожняетъ человѣка отъ всѣхъ вещей и возноситъ его выше дѣлъ и добродѣтелей. И онъ соединяетъ человѣка съ Богомъ, и надежно утверждаетъ дѣланія, самыя внутреннія, какія только можно осуществлять. Такъ что, когда какое-нибудь безпокойство или какое-нибудь осуществленіе добродѣтелей устанавливаетъ посредство или образы на пути голаго обращенія внутрь, котораго желаетъ праведный человѣкъ, то онъ испытываетъ задержку въ этомъ видѣ, ибо этотъ видъ есть выступленіе по ту сторону всѣхъ вещей, до ихъ пустоты. Вотъ первый видъ дѣланій, самыхъ глубоко внутреннихъ.

Мгновеніями, внутренній человѣкъ дѣятель-Глава LXXII.
но и съ желаніемъ обращается къ Богу, чтобы О второмъ
воздать Ему свое поклоненіе, и чтобы предло-родѣ дѣла-
жить и уничтожить въ любви Бога свое су-ній, наибо-
щество и все, что онъ можетъ дать. И здѣсь,лье внутрен-
онъ встрѣчаетъ Бога, черезъ посредство. Это нихъ.
посредство — даръ ^{внутренней} ~~внутренней~~ мудрости, которая
есть основаніе и источникъ всѣхъ добродѣ-
телей, и побуждаетъ праведниковъ къ добро-
дѣтелямъ, по мѣрѣ ихъ любви; и иногда при-
касается и воспламеняетъ любовью, такъ буйно,
внутренняго человѣка, что всѣ дары Бога и
все, что Богъ можетъ дать, не давая самого
себя, представляется ему слишкомъ малымъ и
не удовлетворяетъ его, но увеличиваетъ его
нетерпѣніе. Ибо онъ имѣетъ въ глубинѣ себя
внутреннее воспріятіе или чувствованіе, гдѣ

начинаются и кончаются всѣ добродѣтели, и гдѣ онъ желанно приноситъ Богу всѣ добродѣтели, и гдѣ обитаетъ любовь. Итакъ, голодъ и жажда любви дѣлаются столь велики, что онъ постоянно отказывается отъ своего дѣла и изнемогаетъ въ немъ, и что онъ истощается и уничтожается въ любви, ибо желаніе вкусить Бога изнуряетъ его голодомъ и жаждой, и въ каждомъ излученіи Бога, онъ бываетъ охваченъ Богомъ, и онъ получаетъ, снова и впервые, прикосновеніе въ любви. Такъ, живя, онъ умираетъ, а умирая, оживаетъ. И, такимъ образомъ, вождельющіе голодъ и жажда любви постоянно возобновляются въ немъ. Вотъ другой видъ, который въ желаніи, гдѣ любовь пребываетъ и желаетъ въ подобіи и хочетъ соединиться съ Богомъ. Этотъ видъ для насъ болѣе полезенъ и славенъ, чѣмъ первый, ибо онъ причина перваго, потому что никто не можетъ вступить въ покой, выше дѣла, если онъ раньше не любилъ, желанно и дѣятельно, любовь. И вотъ почему нужно, чтобы благодать Бога и чтобы наша дѣятельная любовь предшествовали и слѣдовали; то-есть, эта дѣятельная любовь должна быть осуществляема прежде и послѣ; ибо безъ дѣлъ любви мы не можемъ заслужить ничего, ни получить Бога, ни сохранить то, чего достигли дѣлами любви. И вотъ почему пусть никто не будетъ празднымъ, кто господинъ себя и можетъ осуществлять любовь. Такъ что, когда праведный чловѣкъ задерживается на какомъ-нибудь дарѣ Бога или на какой-нибудь твари, что онъ встрѣ-

чаетъ препятствія въ этомъ самомъ внутреннемъ дѣланіи, ибо это дѣланіе есть голодъ, котораго ничто не можетъ утолить, какъ только одинъ Богъ.

Отъ этихъ двухъ родовъ рождается третій, Глава LXXIII.
 который есть внутренняя жизнь по праведности. Теперь, поймите: Богъ непрерывно приходитъ въ насъ, съ посредствомъ и безъ посредства; Онъ требуетъ отъ насъ дѣйствія и наслажденія, такъ чтобы дѣйствіе не мѣшало наслажденію, и чтобы наслажденіе не мѣшало дѣйствию, но чтобы они взаимно подкрѣпляли другъ друга. И вотъ почему внутренній человекъ обладаетъ своею жизнью въ этихъ двухъ видахъ, а именно, въ покоѣ и трудѣ. И въ каждомъ изъ нихъ онъ бываетъ всецѣло весь и нераздѣльно; ибо онъ всецѣло весь въ Богѣ, въ Его наслаждающемся покоѣ, и онъ всецѣло весь въ себѣ самомъ, въ своей дѣятельной любви, и Богъ въ своихъ предостереженіяхъ непрестанно требуетъ, чтобы онъ возобновлялъ покой и трудъ. И праведность духа хочетъ платить, ежечасно, то, что Богъ требуетъ отъ нея, и вотъ почему въ каждомъ изъ излученій Бога духъ совершаетъ обращеніе внутрь, дѣятельно и наслаждаясь, и такъ онъ бываетъ обновленъ во всѣхъ добродѣтеляхъ, и погруженъ, глубже, въ наслаждающуюся любовь. Ибо Богъ, въ единомъ дарѣ, даетъ себя со всѣми своими дарами, и духъ, въ каждомъ обращеніи внутрь, даетъ себя со всѣми своими дѣлами. Ибо, благодаря простому излученію Бога, насла-

О третьемъ родѣ дѣланій, наиболѣе внутреннихъ.

ждающемуся склоненію и изліянію любви, духъ бываетъ соединенъ съ Богомъ, и перенесенъ, безъ перерыва, въ покой. И благодаря дару разумѣнія и ~~вкусной~~ мудрости, онъ дѣятельно испытываетъ прикосновеніе, и бываетъ просвѣтленъ и воспламененъ, ежечасно, въ любви. И ему бываетъ показано и предложено въ духѣ, все, чего можно желать. И онъ бываетъ изнуренъ голодомъ и жаждой, ибо онъ видитъ пищу ангеловъ и небесный напитокъ. Онъ дѣятельно трудится въ любви, ибо онъ видитъ свой покой. Онъ странникъ и видитъ свою страну. Онъ борется въ любви, за побѣду, ибо онъ видитъ свой вѣнецъ. Утѣшеніе, миръ, радость и красота и богатство, и все, что можетъ радовать, все это бываетъ показано просвѣтленному въ Богѣ разуму, въ духовныхъ подобіяхъ и безъ мѣры. И отъ этого видѣнія, въ прикосновеніи Бога, любовь пребываетъ дѣятельной. Ибо этотъ праведный человѣкъ воздвигъ въ духѣ, въ покоѣ и въ трудѣ, истинную жизнь, которая будетъ продолжаться вѣчно, но она преобразится послѣ этой жизни въ состояніе болѣе высокое. Такъ человѣкъ бываетъ праведенъ, и онъ идетъ къ Богу внутреннею любовью въ вѣчномъ трудѣ, и онъ идетъ въ Бога наслаждающимся склоненіемъ, въ вѣчный покой. И онъ пребываетъ въ Богѣ, и онъ выходитъ, однако, ко всѣмъ тварямъ, во всеобщей любви, въ добродѣтеляхъ и дѣлахъ праведности. И это — высшая вершина внутренней жизни. Всѣ, не обладающіе, въ одно и то же время, покоемъ и дѣйствіемъ, въ одномъ и томъ же

дѣланіи, не получили этой праведности праведныхъ. Этотъ праведный человѣкъ, въ своемъ обращеніи внутрь, не можетъ встрѣтить препятствій, ибо онъ совершаетъ обращеніе внутрь, дѣятельно и наслаждаясь; но этотъ человѣкъ подобенъ двойному зеркалу, которое принимаетъ изображенія со своихъ двухъ поверхностей. Ибо, въ своей высшей части, человѣкъ принимаетъ Бога и всѣ Его дары, и въ своей низшей части, онъ принимаетъ посредствомъ чувства тѣлесные образы. Теперь онъ можетъ произвести обращеніе внутрь, когда хочетъ, и осуществлять, безъ препятствій, праведность. Но человѣкъ неустойчивъ въ этой жизни, и вотъ почему онъ часто обращается къ внѣшнему, и растрачивается въ чувствахъ, безъ необходимости, и безъ повелѣнія просвѣтленнаго разума, и впадаетъ такъ въ простибельныя ошибки. Но всѣ простибельныя ошибки, въ любовномъ обращеніи внутрь праведнаго человѣка, подобны каплѣ воды въ раскаленномъ горнилѣ. И здѣсь, я покидаю внутреннюю жизнь.

Теперь, нѣкоторые люди, кажушіеся правед-ГлаваLXXIV.
ными, живутъ противно этимъ тремъ видамъ Какъ нѣко-
торые люди
живутъ про-
тивно этимъ
тремъ ви-
дамъ.
и всѣмъ добродѣтелямъ. Теперь, пусть каждый
себя наблюдаетъ и испытываетъ; всякій чело-
вѣкъ, не привлеченный и не просвѣтленный
Богомъ, не получилъ прикосновенія любви; и
онъ не имѣетъ ни дѣятельнаго соединенія съ
желаніемъ, ни простого и любящаго склоненія
въ наслаждающемся покоѣ. И потому онъ не
можетъ соединиться съ Богомъ; ибо всѣ жи-

вущіе безъ сверхъестественной любви склоняются къ себѣ самимъ, и ищутъ покоя въ постороннихъ вещахъ. Ибо всѣ твари по природѣ склонны къ покою: и вотъ почему покой бываетъ взысканъ добрыми и злыми, въ различныхъ видахъ.

Теперь, замѣтите: когда человѣкъ бываетъ обнаженъ и безъ образовъ по чувствамъ, и бездѣйствененъ по высшимъ силамъ, онъ вступаетъ въ покой голой природой; и покой, всѣ твари могутъ его найти и обладать имъ въ самихъ себѣ, въ голой природѣ, безъ благодати Бога, если онѣ могутъ освободиться отъ образовъ и отъ всѣхъ дѣлъ. Но любящій человѣкъ не можетъ на этомъ успокоиться, ибо благодать и внутреннее прикосновеніе благодати Бога не остаются спокойными, и вотъ почему любящій человѣкъ не можетъ долго пребывать въ себѣ самомъ, въ естественномъ покоѣ. Но замѣтите теперь способъ, которымъ осуществляютъ этотъ естественный покой. Это—неподвижность, безъ дѣланія внутри и во-внѣ, въ праздности, чтобы покой былъ найденъ и не испытывалъ разстройства. Но покой, осуществляемый такимъ образомъ, непозволителенъ; ибо онъ создаетъ въ человѣкѣ слѣпоту въ невѣдѣніи, такъ что человѣкъ сидитъ въ себѣ самомъ, безъ работы; и этотъ покой не что иное, какъ праздность, въ которую человѣкъ впадаетъ, и забываетъ себя, и забываетъ Бога, и всѣ вещи, во всемъ, что касается дѣйствія. Этотъ покой противоположенъ сверхъестественному покою, которымъ обладаютъ въ Богѣ, ибо послѣдній есть любов-

ное растопленіе, съ простымъ созерцаіемъ въ непостижимой ясности. Этотъ покой въ Богѣ, всегда дѣятельно отыскиваемый внутреннимъ желаніемъ, и находимый въ наслаждающемся склоненіи и вѣчно обладаемый въ погруженіи и поглощеніи любви, и продолжающій не менѣе быть отыскиваемымъ, когда имъ уже обладаютъ; этотъ покой настолько же вознесенъ выше покоя естественнаго, насколько Богъ вознесенъ выше всѣхъ тварей. И вотъ почему обольщены всѣ, которые имѣютъ въ виду только себя самихъ, и садятся въ естественномъ покоѣ, и не отыскиваютъ Бога съ желаніемъ, и не находятъ Его въ наслаждающейся любви, ибо покой, которымъ они обладаютъ, состоитъ въ праздности и въ отсутствіи ихъ самихъ, къ чему они склонны по природѣ и по привычкѣ. И въ этомъ естественномъ покоѣ нельзя найти Бога; но онъ ведетъ человѣка къ праздности, которую могутъ найти язычники, евреи и всѣ люди, какъ бы дурны они ни были, если они живутъ въ своихъ грѣхахъ безъ угрызеній совѣсти, и умѣютъ освобождаться отъ образовъ и отъ всѣхъ дѣлъ. Въ этой праздности покой пріятенъ и великъ. Этотъ покой не есть грѣхъ самъ по себѣ, ибо онъ по природѣ существовалъ бы во всѣхъ людяхъ, если бы они могли опустошиться. Но когда хотятъ его осуществить и обладать имъ безъ дѣлъ добродѣтелей, человѣкъ впадаетъ въ духовную гордость, и въ самодовольство, отъ которыхъ онъ рѣдко излѣчивается. И иногда онъ воображаетъ, что находится тамъ, куда онъ никогда не достиг-

нетъ, и обладаетъ тѣмъ, чего никогда имѣть не будетъ. Когда человѣкъ обладаетъ такъ покоемъ въ ложномъ бездѣйствіи, и когда всякое любовное примѣненіе кажется ему помѣхой, онъ покоится въ себѣ и живетъ противоположно первому виду, соединяющему человѣка съ Богомъ; и это и есть начало всѣхъ духовныхъ заблужденій. Теперь, замѣтьте одно сравненіе на этотъ случай: ангелы, которые любовно и наслаждаясь совершили обращеніе внутрь въ Бога, со всѣмъ, что они получили отъ Него, нашли вѣчные блаженство и покой; но тѣ, которые, обратившись на самихъ себя, искали покоя въ себѣ, въ довольствѣ самими собой, въ естественномъ свѣтѣ, имѣли только покой краткій и запретный; и они были ослѣплены, и образовалось посредство между ними и вѣчнымъ свѣтомъ; и они впали въ мракъ и въ вѣчное безпокойство. Итакъ, вотъ первый вражескій видъ, которымъ обладаютъ съ покоемъ въ ложномъ бездѣйствіи.

Глава LXXV   Теперь, поймите: когда этотъ человѣкъ хочетъ имѣть какой-нибудь покой въ праздности, безъ внутренняго и желаннаго соединенія съ Богомъ, онъ готовъ на всѣ заблужденія, ибо онъ отвращенъ отъ Бога, и естественная любовь склоняетъ его къ себѣ; и онъ ищетъ утѣшеній и сладостей и того, что ему доставляетъ удовольствіе. И онъ подобенъ торговцу, ибо во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ обращенъ на самого себя, и онъ имѣетъ въ виду свой покой и свои выгоды, и ищетъ ихъ больше, чѣмъ

О работающихъ противно второму виду.

славы Бога. Этотъ человекъ, живущій такъ въ естественной и голой любви, всегда обладаетъ собою безъ отреченій. Иные изъ этихъ людей претерпѣваютъ жизнь очень суровую, и великія дѣла покаянія, чтобы имѣть большую славу святости, и также заслужить большое вознагражденіе; ибо всякая естественная любовь имѣетъ благоволеніе только къ себѣ; и желала бы славы во времени, и большой платы въ вѣчности. И такіе люди имѣютъ много предпочтеній, и вымаливаютъ и желаютъ исключительныхъ благоволеній Бога, и они часто бываютъ обмануты, ибо, художествомъ врага, съ ними иногда сбывается то, чего они желаютъ; и тогда они приписываютъ это своей святости, и считаютъ себя достойными всего, ибо они горды и не имѣютъ прикосновенія Бога и не просвѣтлены Имъ. И вотъ почему они пребываютъ въ себѣ самихъ, и ничтожное утѣшеніе ихъ сильно радуетъ, ибо они не знаютъ, чего у нихъ недостаетъ; и они совершенно привязываются, по своему желанію, къ внутреннему вкусу и къ духовнымъ удовольствіямъ природы. И это называется духовнымъ развратомъ; ибо это—безпорядочная привязанность къ природной любви, которая всегда обращена на себя, и ищетъ своихъ выгодъ во всѣхъ вещахъ. Постоянно также бываютъ эти люди духовно горды и своевольны, и вотъ почему ихъ желаніе и ихъ удовольствіе иногда такъ крѣпко привязываются къ вещамъ, которыхъ они желаютъ, и которыя своими усилиями стремятся получить отъ Бога, что они часто бываютъ

обольщены, и что иные изъ нихъ бываютъ одержимы врагомъ. Эти люди живутъ противно благодати и любовному обращенію внутрь, въ которомъ человѣкъ приноситъ себя со всѣмъ, что онъ можетъ сдѣлать, въ честь Бога и изъ любви къ Нему, и котораго ничто не можетъ ни утишить, ни удовлетворить, кромѣ неопостижимаго блага, которое есть одинъ Богъ. Ибо благодать есть узелъ любви, который переноситъ насъ въ Бога, и гдѣ мы отрекаемся отъ себя, и гдѣ Богъ соединенъ съ нами, и гдѣ мы соединены съ Богомъ. Но естественная любовь обращается на себя и на свои выгоды, и всегда остается одинокой. Однако, естественная любовь такъ же схожа съ благодатью, въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, какъ два волоса на одной головѣ; но намѣренія различны. Ибо праведный всегда имѣетъ въ виду честь Бога, и ея ищетъ и желаетъ въ своемъ воздвигнутомъ сердцѣ; а въ естественной любви, человѣкъ имѣетъ въ виду только себя самого и свои выгоды. Итакъ, когда естественная любовь превѣшивается, человѣкъ впадаетъ въ четыре грѣха; это: духовная гордость, скупость, лакомство и развратъ. И такъ палъ Адамъ въ Раю, и вся человѣческая природа съ нимъ; ибо онъ любилъ себя естественной безпорядочной любовью, и вотъ почему онъ отвратился отъ Бога, и презрѣлъ повелѣніе Бога въ своей гордости. И онъ пожелалъ знанія и мудрости въ своей скупости; и искалъ вкусовъ и удовольствій въ своемъ лакомствѣ; и затѣмъ онъ былъ подвигнутъ на развратъ. Но Марія была живымъ

Раемъ, и вновь нашла благодать, потерянную Адамомъ, и много вещей съ нею, ибо она — мать любви. Она дѣятельно обратилась къ Богу, въ благодати, и она приняла Христа въ смиреніи. И она принесла Его Отцу, со всѣми Его добродѣтелями, въ великодушіи; и она не вкусила никакого утѣшенія и никакого дара, въ лакомствѣ; и вся ея жизнь протекла въ чистотѣ. Кто ей слѣдуетъ, побѣдитъ все, что противно добродѣтелямъ, и вступитъ въ царство, гдѣ она царствуетъ со своимъ Сыномъ въ вѣчности.

Когда человекъ обладаетъ такъ естествен-ГлаваLXXVI.
нымъ покоемъ въ праздности, и во всѣхъ сво- О третьемъ
ихъ дѣлахъ имѣетъ въ виду только себя са- разрядѣ лю-
мого, и упорно пребываетъ непокорнымъ въ дей, живу-
своемъ себялюбіи, онъ не можетъ соединиться щихъ про-
съ Богомъ, ибо онъ живетъ безъ благодати, въ тивно тремъ
несходствѣ. И здѣсь начинается третій вра- видамъ и
жескій разрядъ, самый вредоносный; и это— всякой доб-
неправедная жизнь, полная духовныхъ заблу- родѣтели.

Теперь, замѣтьте это внимательно, чтобы вы поняли это хорошо. Они считаютъ себя, въ своихъ мысляхъ, созерцателями, и воображаютъ, что они самые святые люди, какіе только есть. Однако, они живутъ, враждебные Богу, святымъ и всѣмъ благимъ, и несходные съ ними. Теперь, замѣтьте это, и вы будете въ состояніи узнавать ихъ въ ихъ словахъ и въ ихъ дѣлахъ. Благодаря естественному покою, который они испытываютъ и которымъ

обладаютъ въ себѣ самихъ, въ праздности, они считаютъ себя свободными, и соединенными съ Богомъ безъ посредства, и воображаютъ, что они вознесены выше всѣхъ обыкновеній Святой Церкви, и выше заповѣдей Бога, выше закона, и выше всѣхъ дѣлъ добродѣтели, какія только можно осуществлять какимъ бы то ни было способомъ. Ибо эта праздность кажется имъ настолько великою, что ее нельзя смущать никакимъ дѣломъ, какъ бы хорошо оно ни было, такъ какъ праздность болѣе благородна, чѣмъ всѣ добродѣтели. И вотъ почему они держатся въ чисто страдательномъ состояніи, безъ всякой работы по направленію кверху или книзу, похожіе на ткацкій станокъ, бездѣйствующій самъ по себѣ и ожидающій работы своего господина; ибо они воображаютъ, что, если бы они стали дѣйствовать, Богъ былъ бы стѣсненъ въ своемъ дѣйствіи. И вотъ почему они бездѣйственны во всѣхъ добродѣтеляхъ, и бездѣйственны до того, что не хотятъ ни восхвалять ни благодарить Бога. И у нихъ нѣтъ ни знанія, ни любви, ни воли, ни молитвъ, ни желаній; ибо, по ихъ мнѣнію, они обладали всѣмъ, чего они могли бы просить и желать. И такимъ образомъ, они—нищіе духомъ, такъ какъ они—безъ воли, и все оставили, и живутъ безъ какого бы то ни было себялюбиваго предпочтенія, ибо имъ кажется, что они праздны, и что они переступили все, и что они обладали всѣми тѣми вещами, для достиженія которыхъ Церковь повелѣла и установила свои обыкновенія. И, по ихъ словамъ,

никто не можетъ ничего ни дать имъ, ни у нихъ похитить, самъ Богъ этого не можетъ, ибо, въ ихъ мысли, они переступили всѣ дѣланія, и всѣ добродѣтели, и достигли въ чистое бездѣйствіе, гдѣ они развязаны отъ всѣхъ добродѣтелей. И нужна большая работа, говорятъ они, чтобы быть развязанными отъ добродѣтелей въ бездѣйствіи, чѣмъ чтобы ихъ приобрести. И вотъ почему они хотятъ быть свободными, и никому не повиноваться, ни Папѣ, ни епископу, ни своему приходскому священнику. И, несмотря на нѣкоторыя видимости, внутренно они никому не подчинены, ни въ своей волѣ, ни въ своихъ дѣлахъ; ибо, они свободны во всѣхъ отношеніяхъ отъ всѣхъ обыкновеній Святой Церкви. И вотъ почему, говорятъ они, пока человѣкъ преслѣдуетъ добродѣтель и желаетъ исполнять волю Бога, онъ еще несовершенъ, ибо онъ еще накопляетъ добродѣтели, и онъ не знаетъ этой духовной бѣдности и этой праздности. Но, въ ихъ мысли, они вознесены выше всѣхъ сонмовъ святыхъ и ангеловъ, и выше всѣхъ наградъ, какія можно заслужить въ какомъ бы то ни было видѣ. И вотъ почему они говорятъ, что не могутъ болѣе успѣвать въ добродѣтеляхъ, ни заслужить большаго воздаянія, и что они не могутъ болѣе грѣшнить; ибо они утверждаютъ, что они живутъ безъ воли, и что они предали духъ свой Богу, въ покоѣ и праздности, и что они соединены съ Богомъ и уничтожены въ себѣ самихъ. И вотъ почему они могутъ дѣлать все, чего хочетъ тѣлесная при-

рода, ибо они достигли невинности, для нихъ нѣтъ закона. И вотъ почему, если природа бываетъ подвигнута на какое-либо удовольствіе, и если бы отказъ могъ омрачить или нарушить праздность духа, они удовлетворяютъ природу согласно ея желанію, чтобы праздность духа не была нарушена. И вотъ почему они соблюдаютъ постъ, постные дни четырехъ временъ года и другіе установленія, только изъ нѣкотораго рода вниманія къ людскому мнѣнію, ибо у нихъ нѣтъ сознанія всѣхъ вещей. Я надѣюсь, что такихъ людей мало, но тѣ, кто таковы, суть худшіе и самыя соблазнительные люди, какіе только есть, и порою они бываютъ одержимы врагомъ; и тогда они бываютъ такъ искусны, что стоитъ большого труда побѣдить ихъ разумомъ. Но посредствомъ Священнаго Писанія, ученія Христа и нашей вѣры, можно легко доказать, что они обольщены.

Глава LXXVII. Есть еще другой разрядъ превратныхъ людей, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются отъ описанныхъ; и они также хотятъ быть, равнымъ образомъ, свободными отъ всякаго дѣла, и быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ, посредствомъ котораго Богъ дѣлаетъ то, что Онъ хочетъ. И вотъ почему они говорятъ, что находятся въ состояніи чисто страдательномъ и безъ работы, и что работа, которую Богъ совершаетъ черезъ нихъ, болѣе благородна и составляетъ большую заслугу, чѣмъ все то, что другой человѣкъ, работающій самъ

О другомъ разрядѣ людей превратныхъ.

по себѣ, въ благодати Бога, можетъ заслужить. И вотъ почему они говорятъ, что они страдательные люди Бога, и что они не дѣйствуютъ сами по себѣ, но что Богъ совершаетъ всѣ ихъ дѣла. И они говорятъ также, что не могутъ согрѣшить, такъ какъ Богъ совершаетъ всѣ ихъ дѣла и они во всемъ бездѣйственны. И все, что Богъ желаетъ, бываетъ совершенно Имъ, и ничего другого. Эти люди предалися внутреннему бездѣйствію въ своей праздности, и живутъ безъ всякаго предпочтенія. И видъ жизни у нихъ смиренный и покорный, и они переносятъ съ ровной душой все, что съ ними случается, ибо имъ кажется, что они орудіе, которое Богъ употребляетъ по своей волѣ. Въ многочисленныхъ дѣлахъ и видахъ, они похожи на праведныхъ, но они отличаются отъ нихъ съ другихъ точекъ зрѣнія; ибо они смотрятъ, какъ на исходящія отъ Святого Духа, на всѣ испытываемыя внутреннія побужденія, каковы бы они ни были, хорошія или дурныя. И въ этомъ, и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, они бываютъ обольщены; ибо духъ Бога не желаетъ, не совѣтуетъ и не производитъ ни въ одномъ человѣкѣ вещей, противныхъ ученію Христа и Святой Церкви. Ихъ узнать трудно, безъ того чтобы быть просвѣтленнымъ и умѣть различать духовъ и божественную истину, ибо большинство изъ нихъ тонки и умѣютъ искусно преобразать свою превратность и придавать ей красоту. И они всегда упрямы и привязаны къ своимъ мыслямъ до того, что скорѣе предпочли бы умереть, чѣмъ покинуть

то, что утверждаютъ. Ибо они считаютъ себя самыми святыми и самыми просвѣтленными изъ людей. Они отличны отъ первыхъ успокоенныхъ, потому что они говорятъ, что могутъ преуспѣвать и приобрѣтать заслуги, между тѣмъ какъ первые утверждаютъ, что они не могутъ больше приобрѣтать заслугъ, такъ какъ они остановились въ единствѣ и бездѣйствіи, гдѣ нельзя подниматься выше, ибо уже нѣтъ больше дѣланій. Но всѣ они превратны и самые злѣйшіе люди, какіе есть, и ихъ слѣдуетъ такъ же избѣгать, какъ адскаго врага. Но если вы хорошо поняли наставленія, которыя я многообразно далъ вамъ выше, вы увидите ясно, что они обольщены. Ибо они живутъ противно Богу, праведности и всѣмъ святымъ, и они всѣ суть предшественники Антихриста, и готовятъ его путь ко всякому невѣрію; ибо они хотятъ быть свободными, безъ добродѣтелей и безъ соблюденія заповѣдей Бога, и они хотятъ быть бездѣтельными и соединенными съ Богомъ безъ любви и безъ благодати. И они хотятъ быть созерцателями безъ любовнаго сосредоточенія глазъ, и хотятъ быть самыми святыми изъ людей безъ дѣлъ святости. И они говорятъ, что покоятся въ томъ, кого они не любятъ. И они говорятъ, что вознесены въ того, кого они не хотятъ и не желаютъ. И они говорятъ, что свободны отъ всякой добродѣтели и всякаго прилежанія къ Богу, чтобы не стѣснять Бога въ Его дѣйствіи. Они исповѣдуютъ, что Богъ творецъ и господинъ всѣхъ тварей, и, однако, они не хотятъ ни

восхвалять Его, ни благодарить; они исповѣдуютъ, что Его богатство и Его могущество не имѣютъ границъ, и однако, говорятъ они, Онъ не можетъ ни дать имъ, ни похитить у нихъ ничего, и сами они не могутъ ни преуспѣвать, ни приобрѣтать заслугъ. И иногда они утверждаютъ противное и говорятъ, что заслуживаютъ награды большей, чѣмъ другіе люди, такъ какъ Богъ совершаетъ ихъ дѣла, и они бездѣйственно претерпѣваютъ дѣйствіе Бога, и воздѣланы Имъ, и въ этомъ, говорятъ они, заключаются высшія заслуги. И это вмѣстѣ и невѣрно и невозможно. Ибо дѣйствіе Бога въ себѣ вѣчно и не можетъ быть передано, ибо Онъ самъ себя совершаетъ, въ себѣ самомъ; и нѣтъ ничего иного. И въ этомъ дѣйствіи нѣтъ ни преуспѣянія, ни заслугъ ни для какой твари, ибо здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ Бога, который не можетъ ни возвышаться, ни унижаться. Но у тварей есть свойственное имъ дѣйствіе, силою Бога, въ природѣ и въ благодати, и также въ славѣ, и если онѣ трудятся здѣсь въ благодати, онѣ будутъ длиться вѣчно въ славѣ. Если бы было дѣйствительно возможно, чего не можетъ быть, чтобы духовная тварь уничтожилась для своихъ дѣлъ и стала бездѣятельной, какъ она была, когда ея не было, то-есть если бы она могла стать едино съ Богомъ, совершенно какъ она была тогда, то она не могла бы заслужить ничего, не больше, чѣмъ они это дѣлаютъ и дѣлали. Она, равнымъ образомъ, не была бы святѣе, ни блаженнѣе, чѣмъ камень или кусокъ дерева. Ибо безъ нашего соб-

ственнаго труда, безъ любви и познанія Бога, мы не можемъ быть блаженными. Но Богъ былъ бы блаженъ, какъ Онъ имъ былъ всегда, и мы этимъ не пользовались бы. И вотъ почему все это бездѣйствіе есть оболъщеніе, ибо они хотятъ преобразить всякую злобу и всякую превратность и поставить ихъ выше всѣхъ добродѣтелей. И они хотятъ одѣть худшее утонченностями, такъ чтобы оно казалось лучшимъ. Они отличаются отъ Бога и Его святыхъ, но они совершенно сходны съ осужденными адскими духами, ибо осужденные духи лишены любви и познанія. И они свободны отъ благодареній и хваленій и всякаго любовнаго соединенія, и вотъ почему они остаются осужденными вѣчно. И чтобы другіе были имъ совсѣмъ подобны, было бы просто нужно, чтобы ихъ время упало въ вѣчность, и чтобы въ ихъ дѣлахъ проявилась праведность Бога. Но Христосъ, сынъ Бога, который, по своей чело-вѣчности, есть примѣръ и глава, показывающіе всѣмъ благимъ, какъ они должны жить, Христосъ былъ, есть и вѣчно будетъ, со всѣми своими членами, то-есть со всѣми своими святыми, полонъ любви, желанія, дѣлъ благодати и хваленій своему небесному Отцу. Между тѣмъ, Его душа была и есть соединена съ божественнымъ дѣтствомъ, и блаженна въ немъ; но Онъ не могъ достигъ этого бездѣйствія, и Онъ не достигнетъ его никогда. Ибо Его прославленная душа и всѣ блаженные имѣютъ вѣчное соединеніе въ любви, подобно голоднымъ, и жаждущимъ, и вкусившимъ Бога, и уже

не могущимъ болѣе быть насыщенными. Тѣмъ не менѣе, эта самая душа Христа и всѣ святые наслаждаются выше всякаго желанія тамъ, гдѣ нѣтъ ничего другого, кромѣ единства. Это есть вѣчное блаженство Бога и всѣхъ Его избранныхъ. И вотъ почему наслажденіе и дѣятельность составляютъ блаженство Христа и всѣхъ Его святыхъ, и это—жизнь всѣхъ праведныхъ въ мѣру ихъ любви. И это — праведность, которая уже не погибнетъ. И вотъ почему, внутри и во-внѣ, мы будемъ украшать себя добродѣтелями и благими нравами, какъ это сдѣлали святые, и мы будемъ упражнять себя смиренно и любовно, посредствомъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, передъ глазами Бога, и такъ мы встрѣтимъ Его черезъ посредство Его даровъ. И тогда мы получимъ прикосновеніе осязаемой любви и будемъ исполнены всеобщей вѣрности. Итакъ, мы будемъ истекать изъ истинной благодати и будемъ притекать обратно въ нее, и мы будемъ укрѣплены, и будемъ прочно пребывать въ простомъ мирѣ и въ божественномъ подобіи. И, благодаря этому подобію, наслаждающейся любви и божественной ясности, мы будемъ растворяться въ единствѣ и встрѣчать Бога черезъ Бога, безъ посредства, въ наслаждающемся покоѣ. Итакъ, вѣчно мы будемъ оставаться во внутреннемъ, и всегда будемъ истекать, и непрерывно притекать обратно. И, благодаря этому, мы будемъ обладать истинной внутренней жизнью въ ея совершенствѣ. Да поможетъ намъ Богъ, чтобы это съ нами сбылось. Аминь.

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА ОДѢЯНІЯ ДУХОВНАГО БРАКА.

Глава I.   Внутренній возлюбленный Бога, который об-
Какъ дости-   лагаетъ Богомъ въ наслаждающемся покоѣ, и
гають созер-   обладаетъ собою въ союзѣ дѣятельной любви,
цательной   обладаетъ всей своей жизнью въ добродѣ-
жизни, со-   теляхъ, черезъ праведность, вступаетъ въ соз-
блюдая три   зерцательную жизнь, благодаря тремъ этимъ
словія.   условіямъ и сокровенному проявленію Бога: да,
внутренній и искренній возлюбленный, кото-
раго Богъ хочетъ свободно избрать и возвы-
сить до сверхсущностнаго созерцанія въ бо-
жественномъ свѣтѣ и сообразно виду Бога. Это
созерцаніе полагаетъ насъ въ чистоту и ясность
выше всякаго нашего разумѣнія, ибо это—чрез-
вычайное украшеніе и небесный вѣнецъ и, на-
конецъ, вѣчная награда за всѣ добродѣтели и
всю жизнь. И никто не можетъ этого достичь
знаніемъ или тонкостью, и никакимъ дѣлані-
емъ; но кого Богъ хочетъ соединить съ своимъ
духомъ и просвѣтитъ самимъ собою, тотъ мо-
жетъ созерцать Бога, и никто другой не мо-
жетъ. Сокровенная божественная природа, вѣч-
но, созерцаетъ и дѣятельно любить, по виду
лицъ, и всегда наслаждается въ объятіи лицъ
въ единствѣ сущности. Въ этомъ объятіи въ
сущностномъ единствѣ Бога всѣ внутренніе
духи соединены съ Богомъ, въ любовномъ
погруженіи, и суть то самое единство, какое
сама сущность составляетъ въ себѣ самой, по

виду вѣчнаго блаженства. И въ этомъ высокомъ единствѣ божественной природы, небесный Отецъ есть источникъ и начало всякаго совершеннаго дѣла, на небѣ или на землѣ. И Онъ говоритъ, въ скрытой и погруженной части духа: «Смотрите, женихъ идетъ, выходите навстрѣчу его».

Я хочу для васъ разобрать и истолковать эти слова въ ихъ отношеніи къ сверхсущностному созерцанію, которое есть основа всякой святости и совершенной жизни, какихъ можно теперь достигъ. Весьма мало людей достигаютъ этого божественнаго созерцанія, по причинѣ нашей неспособности и тайны свѣта, въ которомъ созерцаютъ. И поэтому никто, однимъ своимъ знаніемъ или какимъ-нибудь тонкимъ испытаніемъ, не постигнетъ этихъ мыслей до основанія. Ибо всѣ слова, и все, что можно узнать и постичъ по виду тварей, чужды той истинѣ, которую я имѣю въ виду, и много ниже ея. Но кто соединенъ съ Богомъ и просвѣтленъ въ этой истинѣ, можетъ постичъ истину черезъ нее самое. Ибо постигать и понимать Бога, выше всѣхъ подобій, такимъ, каковъ Онъ въ самомъ себѣ, это — быть Богомъ съ Богомъ, безъ посредства и безъ отличія, которое могло бы сдѣлаться препятствіемъ или средствомъ. И вотъ почему я желаю, чтобы всякій чловѣкъ, который этого не понимаетъ, и не испытываетъ этого въ наслаждающемся единствѣ своего духа, не былъ этимъ затронутъ и оставилъ все, какъ оно есть, ибо то, что я буду говорить, истинно; и увидѣли бы, что Хри-

стость, вѣчная истина, самъ сказалъ это въ своемъ наставленіи о различныхъ состояніяхъ, если бы мы могли это ясно выявить и выразить. И поэтому, желающій постичь это долженъ быть мертвъ для самого себя и жить въ Богѣ, и онъ обратитъ свое лицо къ вѣчному свѣту, въ глубинѣ своего духа, тамъ, гдѣ проявляется, безъ посредства, сокровенная истина. Ибо небесный Отецъ хочетъ, чтобы мы были видящими, ибо Онъ — Отецъ свѣта, и вотъ почему Онъ вѣчно говоритъ безъ посредства, и безъ перерыва, въ самомъ сокровенномъ нашего духа, одно единственное и бездонное слово, и никакого другого. И въ этомъ словѣ Онъ изрекаетъ себя самого и всѣ вещи. И это слово не иное какъ: Смотрите. Это — выходъ и рожденіе сына вѣчнаго свѣта, въ которомъ видятъ и узнаютъ всякое блаженство.

Глава II.

Какъ человекъ долженъ упражняться, чтобы принять вѣчный свѣтъ и созерцать Бога.

Чтобы духъ созерцалъ Бога черезъ Бога, безъ посредства, въ этомъ божественномъ свѣтѣ, необходимо нужны три вещи.

Во-первыхъ, нужно, чтобы человекъ былъ вполне исправенъ во-внѣ, во всѣхъ добродѣтеляхъ, и безъ препятствій внутри, и свободенъ отъ всякаго внѣшняго дѣла, какъ если бы онъ не дѣйствовалъ; ибо если его бездѣйствіе замутнено внутри какимъ-нибудь дѣломъ добродѣтели, онъ имѣетъ образы, и пока они длятся въ немъ, онъ не можетъ созерцать.

Во-вторыхъ, онъ долженъ внутренно прилѣпиться къ Богу, соединеніемъ намѣренія и люб-

ви, какъ пламенѣющій огонь, который никогда больше не можетъ быть погашенъ. Въ то мгновеніе, какъ онъ чувствуетъ себя въ этомъ состояніи, онъ можетъ созерцать.

Въ-третьихъ, онъ долженъ потеряться въ отсутствіи вида, и во мракѣ, гдѣ всѣ созерцатели заблудились, наслаждаясь, и не могутъ уже никогда снова найтись, по виду тварей. Въ безднѣ этого мрака, гдѣ любящій духъ умеръ для себя самого, начинаются проявленія Бога и вѣчная жизнь. Ибо въ этомъ мракѣ рождается и блистаетъ непостижимый свѣтъ, который есть Сынъ Божій, въ которомъ видятъ вѣчную жизнь. И въ этомъ свѣтѣ становятся видящими; и этотъ божественный свѣтъ бываетъ данъ въ простодушномъ видѣніи духа, гдѣ духъ принимаетъ ясность, которая есть самъ Богъ, выше всѣхъ даровъ и выше всѣхъ дѣлъ тварей, въ бездѣятельной пустотѣ духа, гдѣ онъ заблудился отъ наслаждающейся любви, и гдѣ онъ принимаетъ ясность Бога, безъ посредства, и становится безъ перерыва той самой ясностью, которую онъ получаетъ. Смотрите: эта сокровенная ясность, въ которой созерцаютъ все, что желаютъ, подобно бездѣйствію духа, эта ясность — настолько велика, что любовный созерцатель въ своей глубинѣ, гдѣ онъ покоится, не видитъ и не испытываетъ ничего, кромѣ непостижимаго свѣта, и, по простой наготѣ, облекающей всѣ вещи, онъ видитъ себя и чувствуетъ себя тѣмъ самымъ свѣтомъ, черезъ который онъ видитъ, и ничѣмъ инымъ. И вотъ первое условіе, чтобы стать видящимъ въ божественномъ свѣтѣ. Бла-

женны глаза, видящiе такъ, ибо они обладаютъ вѣчною жизнью.

Глава III. Когда мы такъ стали видящими, мы можемъ созерцать въ радости вѣчное пришествiе жениха, и это — второе условiе, о которомъ я буду говорить. Каково же это пришествiе нашего жениха, которое вѣчно? Это — новое рожденiе и новое просвѣтлѣнiе безъ перерыва; ибо глубина, откуда блистаетъ ясность и которая сама есть ясность, жива и плодотворна: и вотъ почему явленiе вѣчнаго свѣта непрерывно возобновляется, въ самомъ сокровенномъ духа. Смотрите: всякое тварное дѣло, и всякое дѣланiе добродѣтели должны здѣсь подчиниться, ибо Богъ воздѣлываетъ себя одинъ въ самомъ высшемъ духа. И здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ вѣчнаго созерцанiя свѣта и сосредоточенiя на немъ зрѣнiя, въ свѣтѣ черезъ свѣтъ. И пришествiе жениха такъ быстро, что онъ приходитъ всегда, и что онъ постоянно пребываетъ со своимъ бездоннымъ изобилiемъ, и что онъ всегда вновь возвращается, лично, съ такими новыми ясностями, что кажется, будто онъ никогда раньше не приходилъ. Ибо его пришествiе состоитъ, внѣ времени, въ вѣчномъ теперь, всегда встрѣченномъ новыми желанiями въ новой радости. Смотрите: услажденiе и радость, которыя приносятъ этотъ женихъ, въ своемъ пришествiи, бездонны и безпредѣльны, ибо онѣ — онъ самъ. И вотъ почему глаза духа, которыми возлюбленный созерцаетъ жениха, такъ широко раскрылись, что они никогда боль-

ше вновь не закроются. Ибо созерцаніе и сосредоточеніе духа пребываютъ вѣчными въ сокровенномъ проявленіи Бога. И постиженіе духа такъ широко раскрылось, въ ожиданіи пришествія жениха, что духъ самъ сдѣлался тѣмъ протяженіемъ, которое онъ постигаетъ. И такимъ образомъ, Богъ узрѣнъ и постигнутъ Богомъ, въ чемъ—все наше блаженство. Вотъ второй способъ, которымъ мы встрѣчаемъ, безъ перерыва, въ нашемъ духѣ, вѣчное пришествіе нашего жениха.

Теперь, духъ Бога говоритъ въ сокровенномъ погруженіи нашего духа: **Выходите**, въ вѣчныя созерцаніе и наслажденіе, по виду Бога. Всѣмъ изобиліемъ, которое въ Богѣ по природѣ, мы имъ обладаемъ въ Немъ любовью; и Богъ обладаетъ имъ въ насъ безграничной любовью, которая есть Духъ Святой, ибо въ этой любви вкушается все, что можно пожелать. И вотъ почему, благодаря этой любви, мы умерли для самихъ себя, и вышли въ любовномъ погруженіи, въ отсутствіе вида и въ мракъ. Тамъ, въ облеченіи Святой Троицы, духъ вѣчно пребываетъ въ сверхсущностномъ единствѣ, въ покоѣ и наслажденіи. И въ этомъ самомъ единствѣ, по виду плодородія, Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ въ Отцѣ, и всякая тварь въ Нихъ обоихъ. И это выше различія лицъ, ибо здѣсь постигаются разумомъ, отчество и сыновство въ живомъ плодородіи природы.

Здѣсь рождается и начинается вѣчный **выходъ** и вѣчная безначальная работа, ибо здѣсь

Глава IV.
Какимъ образомъ нашъ духъ бываетъ приглашенъ выйти къ созерцанію и наслажденію.

Глава V.
О вѣчномъ выходѣ, ко-

торымъ мы
обладаемъ
въ рожденіи
Сына.

безначальное начало. Ибо, послѣ того какъ Отецъ, всемогущій, совершенно постигъ себя, въ глубинѣ своего плодородія, вѣчное слово Отца, вышелъ сынъ, второе лицо въ божествѣ. И этимъ вѣчнымъ рожденіемъ, всѣ твари вышли въ вѣчности, прежде чѣмъ онѣ были сотворены во времени, и Богъ ихъ рассмотрѣлъ и ясно узналъ въ самомъ себѣ, въ живомъ разумѣ, и въ отличіи отъ себя; но не въ другомъ, и не въ иномъ видѣ, ибо все, что въ Богѣ, есть Богъ. Этотъ вѣчный выходъ и эта вѣчная жизнь, которую мы вѣчно имѣемъ и составляемъ въ Богѣ, безъ насъ самихъ, есть причина нашей сотворенной сущности во времени. И наша сотворенная сущность пребываетъ въ божественной сущности, и она—едино съ ней, по сущностному бытію. И эта сущность и эта вѣчная жизнь, которыя мы имѣемъ и составляемъ въ вѣчной премудрости Бога, подобны Богу; ибо онѣ имѣютъ вѣчное пребываніе, безъ различенія, въ божественной сущности. И онѣ имѣютъ, рожденіемъ сына, вѣчное истеченіе въ отличіе, съ различеніемъ, по вѣчному разуму. И, благодаря двумъ этимъ условіямъ, это такъ подобно Богу, что Онъ непрерывно узнаетъ себя и отражаетъ себя, въ этомъ подобіи, по сущности и по лицамъ. Ибо, хотя здѣсь и есть различеніе и отличіе, по разуму, тѣмъ не менѣе, это подобіе едино съ самимъ образомъ Святой Троицы, который есть премудрость Бога, и въ которомъ Богъ созерцаетъ самого себя и созерцаетъ всѣ вещи въ вѣчномъ теперь, безъ прежде и послѣ. Въ

простомъ видѣнїи Онъ смотритъ на себя, какъ смотритъ на всѣ вещи. И это есть образъ и подобіе Бога, и нашъ образъ и наше подобіе, ибо въ этомъ отражаются Богъ и всѣ вещи. Въ этомъ божественномъ образѣ, всѣ твари, безъ себя самихъ, имѣютъ вѣчную жизнь, какъ въ своемъ вѣчномъ образцѣ, и Святая Троица создала насъ по этому вѣчному образу и по этому подобію. И вотъ почему Богъ хочетъ, чтобы мы вышли изъ самихъ себя, въ этотъ вѣчный свѣтъ, и чтобы мы преслѣдовали сверхъестественно этотъ образъ, который есть наша собственная жизнь, и чтобы мы имъ обладали вмѣстѣ съ Нимъ дѣятельно и наслаждаясь въ вѣчномъ блаженствѣ.

Ибо мы хорошо знаемъ, что лоно Отца есть наша основа и нашъ источникъ, гдѣ мы начинаемъ нашу жизнь и нашу сущность. И изъ нашей собственной основы, то-есть изъ Отца и изъ всего, живущаго въ Немъ, сіяетъ вѣчная ясность, которая есть рожденіе Сына. И въ этой ясности, то-есть въ Сынѣ, Отецъ открывается себѣ, какъ и все живущее въ Немъ; ибо все, что есть, и все, что Онъ имѣетъ, Онъ даетъ сыну, за исключеніемъ одного только свойства отчества, которымъ Онъ остается самъ. И вотъ почему все, что живетъ въ Отцѣ, сокрытое въ единствѣ, живетъ въ Сынѣ, истекшее въ проявленіи; и простая основа нашего вѣчнаго образа всегда пребываетъ безъ вида во мракѣ. Но безпредѣльная ясность, которая изъ нея сіяетъ, являетъ и выводитъ въ видъ тайну Бога. И всѣ люди, возвысившіеся надъ

своимъ твореніемъ, въ жизнь созерцательную, соединены съ этимъ божественнымъ блескомъ. И они суть этотъ самый блескъ, и они видятъ, испытываютъ и находятъ, благодаря этой божественной ясности, что они, по ихъ несотворенной сущности,—сама эта простая основа, откуда сіяетъ, въ божественномъ видѣ, эта безмѣрная ясность, и которая, по простотѣ сущности, вѣчно пребываетъ во внутреннемъ и безъ вида. И вотъ почему люди внутренніе и созерцатели выйдутъ, по виду созерцанія, выше разума, выше различенія и выше своей сотворенной сущности, посредствомъ вѣчнаго постиженія. Благодаря этому врожденному свѣту, они преображены, и они соединены съ тѣмъ самымъ свѣтомъ, посредствомъ котораго они видятъ и который они видятъ. И, такимъ образомъ, созерцатели преслѣдуютъ вѣчный образъ, по которому они созданы, и созерцаютъ Бога и всѣ вещи, безъ различенія, въ простодушномъ видѣніи въ божественной ясности. И это есть самое высокое и самое полезное созерцаніе, какого можно достигъ въ этой жизни; ибо въ этомъ созерцаніи человѣкъ лучше всего остается господиномъ самого себя и наиболѣе свободнымъ; и въ каждомъ любовномъ обращеніи внутри, выше всего, что можно понять, онъ можетъ подвигаться впередъ въ высотѣ жизни, ибо онъ пребываетъ свободнымъ и господиномъ себя, въ единствѣ и добродѣтеляхъ. И это созерцаніе въ божественномъ свѣтѣ поддерживаетъ его выше всякой сердечности, выше всякой добродѣтели и выше всякой заслуги,

ибо это есть вѣнецъ и плата, къ которымъ мы порываемся, и которые мы имѣемъ, и которыми обладаемъ теперь, въ этомъ видѣ, ибо жизнь созерцательная есть небесная жизнь. Но если бы мы были извлечены изъ этого изгнанія и этого бѣдствія, мы были бы, по нашей сотворенной природѣ, болѣе воспріимчивы къ этой ясности, и тогда слава Бога просвѣтляла бы насъ лучше и болѣе высоко. Вотъ видъ, выше всѣхъ видовъ, по которому выходятъ въ божественное созерцаніе и въ вѣчное сосредоточеніе, и по которому бывають преображены и преобразованы въ божественной ясности. Этотъ выходъ созерцателя, равнымъ образомъ, и любовень; ибо, наслаждающейся любовью, онъ переступаетъ свою сотворенную сущность, и находитъ и вкушаетъ изобиліе и услажденіе, которыя есть Богъ, и которыя онъ заставляеть течь непрерывно, въ самомъ сокровенномъ духа, къ мѣсту; гдѣ онъ подобень высотѣ Бога.

Когда человѣкъ внутренній и созерцатель преслѣдовалъ, такимъ образомъ, свой вѣчный образъ, и обладалъ въ этой чистотѣ, лономъ Отца, черезъ Сына, онъ просвѣтленъ божественной истиной, и получаетъ снова, въ каждое мгновеніе, вѣчное рожденіе; и онъ выходитъ по виду свѣта, въ божественное созерцаніе. И здѣсь рождается четвертое условіе, и послѣднее, то-есть любовная встрѣча, въ которой состоитъ прежде всего наше высшее блаженство.

Вы узнаете, что небесный Отецъ, какъ животворная основа, со всѣмъ, что живетъ въ

Глава VI.
О божественной встрѣчѣ, происходящей въ самомъ сокровенномъ нашемъ духа.

Немъ, дѣятельно склоненъ въ своего Сына, какъ въ свою собственную вѣчную премудрость. И эта самая премудрость, и все, что живетъ въ ней, дѣятельно склонены въ Отца, то-есть, въ самую основу, откуда она исходитъ. И въ этой встрѣчѣ возникаетъ третье лицо между Отцомъ и Сыномъ, и это есть Духъ Святой, ихъ взаимная любовь, который соединенъ съ Ними обоими въ одной и той же природѣ. И Онъ облакаетъ и проникаетъ, дѣятельно и наслаждаясь, Отца и Сына, и все, что живетъ въ Нихъ, такими изобиліями и радостью, что всѣ твари должны вѣчно молчать о нихъ, — ибо непостижимое чудо этой любви вѣчно превосходитъ разумѣніе всѣхъ тварей. Но гдѣ постигаютъ и вкушаютъ это удивленіе, не удивляясь, тамъ духъ бываетъ выше себя и едино съ духомъ Бога, и онъ вкушаетъ и видитъ, безъ мѣры, подобно Богу, изобиліе, которое есть онъ самъ, въ единствѣ животворной основы, гдѣ онъ обладаетъ собой по виду своей не сотворенной сущности.

Теперь, эта сладостная встрѣча бываетъ непрерывно дѣятельно возобновлена въ насъ, по виду Бога; ибо Отецъ даетъ себя въ Сынѣ, и Сынъ въ Отцѣ, въ вѣчномъ довольствѣ и въ любовномъ объятіи, и это возобновляется ежедневно, въ устахъ любви; ибо, какъ Отецъ, непрерывно вновь изслѣдуетъ всѣ вещи въ рожденіи своего Сына, такъ и всѣ вещи бываютъ, равнымъ образомъ, снова возлюблены Отцомъ и Сыномъ въ истеченіи Святого Духа. И это—вѣчная встрѣча Отца и Сына, въ ко-

торой мы бываемъ любовно облечены Духомъ Святымъ, въ вѣчной любви.

Теперь, эта дѣятельная встрѣча и это любовное объятіе, въ ихъ основѣ, суть наслаждающіяся и безъ вида, ибо безконечное отсутствіе вида Бога настолько темно и настолько лишено вида, что оно облакаетъ въ себя всякій божественный видъ и всякое дѣло, и свойства лицъ, въ изобильное облеченіе сущностнаго единства, и образуетъ божественное наслажденіе въ безднѣ неизменнаго. И здѣсь бываетъ наслаждающееся выступленіе и изливающееся погруженіе въ сущностную наготу, гдѣ всѣ божественныя имена, и всѣ виды, и весь божественный разумъ, отраженные въ зеркалѣ божественной истины, упадаютъ въ простую неизрѣченность, въ отсутствіе вида и разума. Ибо, въ этой неограниченной безднѣ простоты, всѣ вещи облечены въ наслаждающееся блаженство, и бездна сама остается не постигнутой иначе, какъ черезъ сущностное единство. Передъ этимъ должны отступить лица и все, что живетъ въ Богѣ. Ибо здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ одного вѣчнаго покоя, въ наслаждающемся облеченіи любовнаго погруженія, и это есть сущность безъ вида, которую избрали всѣ внутренніе духи, поверхъ всякой вещи. Это есть то темное молчаніе, гдѣ всѣ любящіе потерялись. Но если бы мы могли такъ приготовиться въ добродѣтеляхъ, мы обнажились бы, такъ сказать, отъ жизни и мы плавали бы на дикихъ волнахъ этого божественнаго моря, и тварь не могла бы больше никогда насъ настигнуть.

Да будемъ же мы обладать, наслаждаясь, сущностнымъ Единствомъ, и ясно созерцать Единство и Троицу; и да даруетъ намъ это божественная любовь, которая не отталкиваетъ ни одного нищаго. Аминь.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Вступительная статья Мориса Мэтерлинка	7

Одѣяніе духовнаго брака.

Книга первая.

Предисловіе	83
Глава I. Здѣсь начинается жизнь дѣятельная	86
Глава II. Какъ мы будемъ наблюдать пришествіе Христа тремя способами	91
Глава III. О двухъ родахъ смиренія у Иисуса Христа	94
Глава IV. О второмъ видѣ, благодати, съ украшеніемъ всѣми добродѣтелями	95
Глава V. О третьемъ видѣ добродѣтели съ терпѣ- ніемъ до смерти	96
Глава VI. О второмъ пришествіи Христа	99
Глава VII. Какимъ образомъ повседневно возрастаютъ въ добродѣтеляхъ, благодаря Святому Причастію	101
Глава VIII. О третьемъ пришествіи Христа	102
Глава IX. О поведеніи Христа на послѣднемъ судѣ	102
Глава X. О пяти родахъ лицъ, которыя должны предстать на судѣ	103
Глава XI. О духовномъ выходѣ ко всѣмъ добродѣ- телямъ	105
Глава XII. Какимъ образомъ смиреніе есть основаніе всѣхъ добродѣтелей	107
Глава XIII. О послушаніи	108
Глава XIV. Объ отреченіи отъ воли	109
Глава XV. О терпѣніи	110
Глава XVI. О кротости	111

	Стр.
Глава XVII. О тихости нрава	111
Глава XVIII. О состраданіи	112
Глава XIX. О великодушіи	114
Глава XX. О ревности и прилежаніи	116
Глава XXI. Объ умѣренности и трезвости	117
Глава XXII. О чистотѣ	119
Глава XXIII. О трехъ врагахъ, побѣждаемыхъ правед- ностью	122
Глава XXIV. О царствѣ души	123
Глава XXV. О духовной встрѣчѣ между Богомъ и нами	126
Глава XXVI. Какъ желаютъ узнать жениха въ его природѣ	130

Книга вторая.

Предисловіе	133
Глава I. Какимъ образомъ дѣлаются сверхъесте- ственно видящими во внутреннихъ дѣ- ланіяхъ	134
Глава II. О трехъ родахъ единства, естественно при- сущихъ намъ	135
Глава III. О притока божественной благодати въ нашъ духъ	138
Глава IV. Какимъ образомъ мы утвердимъ единство въ свободѣ безъ образовъ	139
Глава V. О тройкомъ пришествіи нашего Господа во внутреннемъ чловѣкѣ	141
Глава VI. О второмъ пришествіи нашего Господа во внутреннемъ чловѣкѣ	142
Глава VII. О третьемъ пришествіи нашего Господа . . .	142
Глава VIII. Первое изъ трехъ пришествій имѣетъ три вида, и основываетъ единство	143
Глава IX. Объ единствѣ сердца	145
Глава X. Какимъ образомъ добродѣтели происхо- дятъ изъ единства	145

	Стр.
Глава XI. Обь ошутимой любви	146
Глава XII. О благоговѣннн	146
Глава XIII. О благодарности	147
Глава XIV. О двухъ печаляхъ, рождающихся отъ внутренней благодарности	148
Глава XV. Подобіе по предмету этого перваго рода дѣланія	149
Глава XVI. Еще одно подобіе по предмету того же дѣланія	150
Глава XVII. О другомъ способѣ увеличенія сердечно- сти смиреніемъ	150
Глава XVIII. О чистомъ удовольствовенн сердца и обь ошутимой силѣ	151
Глава XIX. О духовномъ опянѣнн	152
Глава XX. О препятствіяхъ, которыя при этомъ встрѣчаются	153
Глава XXI. Примѣръ, показывающій, какъ надо вести себя въ этомъ случаѣ	154
Глава XXII. О третьемъ видѣ духовнаго пришествія Христа	155
Глава XXIII. О томленіяхъ и нетерпѣнняхъ любви	158
Глава XXIV. О восторгахъ и божественныхъ проявле- нняхъ	160
Глава XXV. О двухъ примѣрахъ, показывающихъ, какія препятствія могутъ встрѣтиться при этомъ видѣ	162
Глава XXVI. О другомъ примѣрѣ	164
Глава XXVII. Сравненіе съ муравьями	164
Глава XXVIII. О четвертомъ родѣ пришествія нашего Господа	166
Глава XXIX. Что будетъ дѣлать покинутый человекъ.	168
Глава XXX. Сравненіе по поводу одного препятствія, которое можно встрѣтитъ въ этомъ четвертомъ видѣ	171
Глава XXXI. О другомъ препятствн	172
Глава XXXII. О четырехъ родахъ лихорадокъ, которыя могутъ терзатъ человека	173
Глава XXXIII. Какимъ образомъ эти четыре вида на- ходятся въ Іисусѣ Христѣ	177

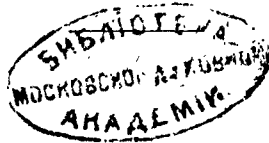
Глава	XXXIV. Какъ долженъ жить человекъ, если онъ хочетъ быть просвѣтленнымъ	179
Глава	XXXV. О другомъ пришествіи Христа	180
Глава	XXXVI. Какимъ образомъ первый потокъ этого родника украшаетъ память	181
Глава	XXXVII. Какимъ образомъ другой потокъ просвѣ- щаетъ разумѣніе	182
Глава	XXXVIII. Какимъ образомъ приходятъ въ удивле- ніе отъ общаго изліянія Бога	186
Глава	XXXIX. Какимъ образомъ третій потокъ утвер- ждаетъ волю во всякомъ совершенствѣ	187
Глава	XL. Какъ человекъ утвержденный выйдетъ четырьмя образами.	188
Глава	XLI. Первый выходъ направляется къ Богу и ко всѣмъ святымъ	188
Глава	XLII. Другой выходъ направится ко всѣмъ грѣшникамъ	190
Глава	XLIII. Третій выходъ направится къ его друзь- ямъ въ чистилищѣ	191
Глава	XLIV. Человекъ направитъ четвертый выходъ къ самому себѣ и ко всѣмъ благимъ	192
Глава	XLV. По какимъ признакамъ узнавать тѣхъ, кто встрѣчаетъ препятствія въ истин- ной любви	193
Глава	XLVI. Какъ Христосъ былъ, пребываетъ и бу- детъ вѣчно, возлюбленнымъ всѣхъ	195
Глава	XLVII. Упреки всѣхъ, которые живутъ духовными благами и развратны	196
Глава	XLVIII. Какимъ образомъ Христосъ отдалъ себя всѣмъ людямъ въ таинствѣ Причастія).	197
Глава	XLIX. Объ единствѣ природы Бога въ троицѣ лицъ	201
Глава	L. Сравненіе по вопросу о томъ, какимъ об- разомъ Богъ подвигаетъ душу и обла- даетъ ею естественно и свехрѣсте- ственно.	202
Глава	LI. Какъ человекъ долженъ быть украшенъ, чтобы получить самое внутреннее дѣ- ланіе	204

Глава	LII. О третьемъ пришествіи Христа, которое насъ совершенствуетъ во внутреннихъ дѣланіяхъ, и о самомъ внутреннемъ выходѣ духа, благодаря божественному прикосновенію.	206
Глава	LIII. О вѣчномъ алканіи Бога, которое испытываетъ нашъ духъ	207
Глава	LIV. О любовной борьбѣ между духомъ Бога и нашимъ духомъ	209
Глава	LV. О плодотворныхъ дѣлахъ духа, которыя вѣчны	210
Глава	LVI. Какъ мы встрѣтимъ Бога, духовно, съ посредствомъ и безъ посредства	211
Глава	LVII. О встрѣчѣ Бога, сущностной и безъ посредства, въ голой природѣ	212
Глава	LVIII. Какъ бываютъ подобны Богу черезъ благодать, и отличны—черезъ смертный грѣхъ.	214
Глава	LIX. Какимъ образомъ обладаютъ Богомъ въ единствѣ и покоѣ, выше всякаго подобія благодати	216
Глава	LX. Какъ необходима благодать Бога, дѣлающая насъ подобными Богу и приводящая насъ къ Богу безъ посредства.	217
Глава	LXI. О посѣщеніи Бога и нашего духа въ единствѣ и подобіи	219
Глава	LXII. Какъ мы пойдемъ навстрѣчу Бога во всѣхъ нашихъ дѣлахъ	220
Глава	LXIII. Расположеніе всѣхъ добродѣтелей по семи дарамъ Святого Духа.	222
Глава	LXIV. О дарѣ силы.	224
Глава	LXV. О дарѣ совѣта	225
Глава	LXVI. О первой ступени дара разумѣнія.	229
Глава	LXVII. О второй ступени дара разумѣнія.	231
Глава	LXVIII. О третьей ступени дара разумѣнія.	233
Глава	LXIX. О дарѣ мудрости	236
Глава	LXX. О высшей ступени внутренней жизни	239
Глава	LXXI. О трехъ родахъ дѣланій, наиболѣе внутреннихъ	239

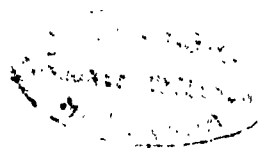
	Стр.
Глава LXXII. О второмъ родѣ дѣланій, наиболѣе внутреннихъ	241
Глава LXXIII. О третьемъ родѣ дѣланій, наиболѣе внутреннихъ	243
Глава LXXIV. Какъ нѣкоторые люди живутъ противно этимъ тремъ видамъ	245
Глава LXXV. О работающихъ противно второму виду .	248
Глава LXXVI. О третьемъ разрядѣ людей, живущихъ противно тремъ видамъ и всякой добродѣтели	251
Глава LXXVII. О другомъ разрядѣ людей превратныхъ	254

Книга третья.

Глава I. Какъ достигаютъ созерцательной жизни, соблюдая три условія	260
Глава II. Какъ человѣкъ долженъ упражняться, чтобы принять вѣчный свѣтъ и созерцать Бога	262
Глава III. Какимъ образомъ вѣчное рожденіе Бога возобновляется безъ перерыва въ благодствѣ духа	264
Глава IV. Какимъ образомъ нашъ духъ бываетъ приглашенъ выйти къ созерцанію и наслажденію	265
Глава V. О вѣчномъ выходѣ, которымъ мы обладаемъ въ рожденіи Сына	266
Глава VI. О божественной встрѣчѣ, происходящей въ самомъ сокровенномъ нашего духа	269

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА «МУСАГЕТЪ»

•

Книгоиздательство «Мусагетъ».

Москва, Пречистенскій бульваръ, д. 31, кв. 9.

Телефонъ № 179-50.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Символизмъ. Книга статей.
Москва. 1910 г. Цѣна 3 р.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Арабески. Книга статей. (Готовится).

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Выдетъ въ августъ 1910 г.).

ВОЛЬФИНГЪ. Музыка и модернизмъ. Книга статей. (Печатается).

ЭЛЛИСЪ. Русскіе символисты. (Бальмонтъ, Брюсовъ, БѢлый). Москва. 1910 г. Цѣна 2 р.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ. Русская Камена. Книга статей. (Печатается).

АДОЛЬФЪ ГИЛЬДЕВРАНТЪ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ съ 8-го нѣмецкаго изданія В. Фаворскаго и Н. Розенфельда подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Выдетъ въ августъ 1910 г.).

ПРОВАНСАЛЬСКІЕ ЛИРИКИ XII и XIII вѣковъ. Переводъ со старо-провансальскаго. Н. П. Киселева. Томъ I. Переводы. Томъ II. Комментаріи. (Готовится).

БОДЛЭРЪ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. (Печатается).

З. Н. ГИППИУСЪ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. Москва. 1910 г. Цѣна 1 р.

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Апрель. Вторая книга стиховъ. Москва. 1910. Цѣна 2 р.

ЭЛЛИСЪ. Stigmata. Первая книга стиховъ. (Готовится).

АЛЬМАНАХЪ СТИХОВЪ книгоиздательства «Мусagetъ». (Готовится).

«ЛОГОСЪ». Русское изданіе новаго международнаго ежегодника по философіи культуры. Подъ общей редакціей: С. I. Гессена, Э. К. Метнера, Э. А. Степпуна. Книга первая. Москва. 1910 г. Цѣна 2 р.

«ЛОГОСЪ». Книга вторая. (Выдетъ осенью 1910 г.).

Изданія «Орфей».

ГИМНЫ ОРФЕЯ. Переводъ Владиміра Нилендера.
(Готовится).

ГЕРАКЛИТЬ ЕФЕССКИЙ. Фрагменты. Переводъ
Владиміра Нилендера. (Выдетъ лѣтомъ 1910 г.).

РЭЙСБРУКЪ УДИВИТЕЛЬНЫЙ. Одѣяніе духов-
наго брака. Вступительная статья Мориса Мэтер-
линка. Переводъ Михаила Сизова. Москва. 1910 г.
Цѣна 2 р.

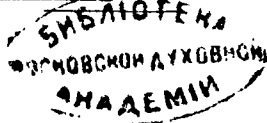
ЛИРА НОВАЛИСА въ переложеніи Вячеслава Иванова.
(Выдетъ осенью 1910 г.).

БАЛЬЗАКЪ. С е р а ф и т а. Переводъ Ал. Чеботаревской.
Вступительная статья Вячеслава Иванова. (Выдетъ въ
августѣ 1910 г.).

МЕЙСТЕРЪ ЭККАРТЪ. Проповѣди. Переводъ М. В.
Собашниковой. (Готовится).

**Книгоиздательство
«МУСАГЕТЪ».**

Цѣна 2 р.